МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 / 2016

СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ,
ОБЩЕСТВЕННЫЕ,
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ВОЛОГДА
2016

№ 1 / 2016/ ЯНВАРЬ
Научное издание «Вестник ВоГУ» включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2016 г.

Полносетевые версии выпусков научного издания размещены в свободном доступе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Направления: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Группы специальностей:
07.00.00 Исторические науки
09.00.00 Философские науки
13.00.00 Педагогические науки
10.01.00 Литературоведение
10.02.00 Языкознание

Учредитель: ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»

Главный редактор
Е.Н. Ильина, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ

Заместитель главного редактора
Н.А. Ястреб, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии ВоГУ

Ответственный редактор
Н.Н. Постникова, кандидат филологических наук, редактор редакционно-издательского отдела ВоГУ

Редакционная коллегия:
С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ,
Л.В. Егорова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ,
С.М. Кибардина, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации ВоГУ,
К. Вашик, доктор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ВоГУ, директор Института иностранных языков земли Северный Рейн-Вестфалия при Рурском университете г. Бохума (Германия), почётный доктор ВоГУ,
В.А. Саблин, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории и исторических дисциплин, декан исторического факультета ВоГУ,
Ф.И. Кевля, доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики ВоГУ,
Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ

Переводчик
Ю.Н. Драчева, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ

Адрес редакции (издательства): 160000, г. Вологда, ул. С. Орлова, д. 6.
Тел.: 8 (8172) 76-91-92, 72-11-55; vestnik.vogu35.ru

© ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», 2016

Содержание

Ильина Е.Н. «ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА» И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ВоГУ 5

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Безнин М.А., Димони Т.М. ИСТОЧНИКОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ БАЛАНСОВ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СССР (ПИЛОТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ) 6
Попов И.Д. РАЗРАБОТКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ ХРИСТИАНСКО-СОЦИАЛЬНОГО СОЮЗА В БАВАРИИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ 11
Саблин В.А. ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНЕ В ПЕРИОД АГРАРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917–1918 гг. 18

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Барышников П.Н., Заварзина С.А. ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ ФИГУРАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ: ОТ АНАЛОГИИ К ИНФЕРЕНЦИИ 25
Оботуров А.В. СЕТЕВАЯ МОДЕЛЬ ОБОСНОВАНИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ КРИТИЧЕСКОГО КОНВЕНЦИОНАЛИЗМА 33
Оботурова Г.Н. НАУЧНОСТЬ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ 38
Ястреб Н.А., Никифоров О.Ю. ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА ИСТОРИИ ИДЕЙ К ОТБОРУ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ПО ФИЛОСОФИИ 42

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Розанов Ю.В. КУРОРТНЫЙ ТЕКСТ А.М. РЕМИЗОВА 46
Фишер Н.Л. В ПОИСКЕ САМОИДЕНТИЧНОСТИ – ОТ АНТРОПОЦЕНТРИЗМА К ЭГОЦЕНТРИЗМУ В ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М. ФРИША «ШТИЛЛЕР») 50

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Бурсина О.А. ОСОБЕННОСТИ ГИПЕРО-ГИПОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ОТРАСЛЕВЫХ ТЕРМИНОСИСТЕМАХ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ) 53
Бурцев В.А. СЛУШАЮЩИЕ И РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В ДИСКУРСЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ 56
Литвинникова О.И. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ’ЧЕЛОВЕК’ В РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ 62
Никитин О.В. ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА ПАМЯТНИКОВ РУССКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В СЕРЕДИНЕ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 67
Огольцева Е.В. ПРЕДИКАТИВЫ КАК СЛОВА-СОПРОВОДИТЕЛИ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА 72
Русен Т. РУССКИЙ ЯЗЫК ЗА РУБЕЖОМ В XIX ВЕКЕ: НАДГРОБНЫЙ КАМЕНЬ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА С.С. ГОТОВЦЕВА И ЗНАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШВЕЦИИ *78*
Факторович А.Л. СООТНОШЕНИЕ «ГОЛОСОВ» ПРИ ПОЛИФОНИИ В НЕМЕДИЙНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ 82
Чуглов В.И. ОБРАЗОВАНИЯ С ОДНОРОДНЫМИ ЧЛЕНАМИ В СОСТАВЕ ДРУГИХ ОБРАЗОВАНИЙ, ОСЛОЖНЯЮЩИХ ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ 87
Яцкевич Л.Г. СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ КАК ИСТОЧНИК СИТУАТИВНОЙ МЕТОНИМИИ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КОГЕРЕНТНОСТИ ДИАЛЕКТНЫХ ЛЕКСЕМ 91

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Дрянных Н.В. «ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ» КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ ФИЛОСОФИИ 98
Кевля Ф.И. СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «САМОРАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ» В ПРОЕКТИРОВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА 101
Малеева Е.С., Шарфави Э. ИЗУЧЕНИЕ РЕКЛАМЫ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ КАК ИНОСТРАННОМУ 104
Розова Н.Б., Якимова Е.Б. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА 107
*Тестов В.А.*О ПРОБЛЕМЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА 111

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ, НАУЧНЫЕ ОТЧЕТЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

Саблин В.А. ОТЧЕТ О ПРОВЕДЕНИИ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: ПРОБЛЕМЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ» 115
Колесова И.Е. ОТЧЕТ О ВЫПОЛНЕНИИ РАБОТ ПО ГРАНТАМ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2015 ГОДУ 116
Балакай А.Г. РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: ЗОРИНА Л.Ю. ВОЛОГОДСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ. ВОЛОГДА, 2012 119
Берсенёва Л.А. «СЛУЖБА РУССКОГО ЯЗЫКА»: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ 120
НЕКРОЛОГ *Юлия Ивановна Чайкина* (1925–2015) 122

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 123

Contents

Ilyina E.N. THE VOLOGDA UNIVERSITY BULLETIN AND PROBLEMS OF SCIENTIFIC PERIODICALS DEVELOPMENT IN VOLOGDA STATE UNIVERSITY 5

HISTORY

Beznin M.A., Dimony T.M. POSSIBILITIES OF USING BALANCES OF THE NATIONAL ECONOMY AS A RESEARCH SOURCE IN THE CONTEXT OF STUDYING SOCIAL AND ECONOMIC HISTORY OF THE USSR (PILOT STUDY) 6
Popov I.D. DEVELOPMENT OF THE ECONOMIC DOCTRINE OF THE CHRISTIAN SOCIAL UNION IN THE EARLY POST-WAR YEARS 11
Sablin V.A. LAND AUTHORITIES OF NORTHERN VILLAGES IN THE PERIOD OF THE AGRARIAN REVOLUTION OF 1917–1918 18

PHILOSOPHY

Baryshnikov P.N., Zavarzina S.A. COMPUTATIONAL FORMS OF THE FIGURATIVE SEMANTICS: FROM ANALOGY TO INFERENCE 25
Oboturov A.V. NETWORK MODEL OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE JUSTIFICATION IN THE CONTEXT OF CRITICAL CONVENTIONALISM 33
Oboturova G.N. SCIENTIFIC CHARACTER OF THE HUMANITIES IN THE CONTEXT OF NON-CLASSICAL THEORY OF KNOWLEDGE 38
Yastreb N.A., Nikiforov O.Yu. HISTORY OF IDEAS AS A METHOD OF CONSTRUCTING THE INFORMATION SYSTEM ON PHILOSOPHY 42

LITERARY

Rozanov Yu.V. RESORT TEXT BY A. M. REMIZOV 46
Fisher N.L. IN QUEST OF SELF-IDENTIFICATION – FROM ANTHROPOCENTRISM TO EGOCENTRISM IN LITERATURE (ON CASE STUDY OF *STILLER* NOVEL BY M. FRISCH) 50

LINGUISTICS

Bursina O.A. TYPICAL FEATURES OF HYPERNYM-HYPONYM RELATIONS IN TERMINOLOGIES (BASED ON THE EXAMPLE OF SOCIAL WORK TERMINOLOGY IN MODERN ENGLISH) 53
Burtsev V.A. LISTENERS AND SPEECH ACTS IN DISCOURSE 56
Litvinnikova O.I. THE HUMAN BEING SEMANTIC FIELD IN THE RUSSIAN DIALECTAL PHRASEOLOGY 62
Nikitin O.V. STUDYING THE LANGUAGE OF DOCUMENTS OF THE RUSSIAN BUSINESS LITERATURE IN THE MIDDLE AND THE SECOND HALF OF THE 20th CENTURY: SOCIOLINGUISTIC ASPECT 67
Ogoltseva E.V. PREDICATIVES AS WORDS-FOLLOWERS OF THE RUSSIAN STABLE COMPARISONS 72
Rosén T. THE RUSSIAN LANGUAGE ABROAD IN THE NINETEENTH CENTURY: THE GRAVESTONE OF MAJOR GENERAL S. S. GOTOVTSEV AND THE KNOWLEDGE OF RUSSIAN IN SWEDEN 78
Faktorovich A.L. "VOICES" INTERACTION IN THE POLYPHONY OF NON-MEDIA POLITICAL COMMUNICATION 82
Chuglov V.I. SENTENCE CONSTRUCTIONS WITH HOMOGENEOUS PARTS OF THE SENTENCE IN THE CONTEXT OF OTHER CONSTRUCTIONS COMPLICATING A SIMPLE SENTENCE IN STRUCTURAL AND SEMANTIC ASPECTS 87
Yatskevich L.G. SEMANTIC SYNCRETISM AS A SOURCE OF SITUATIONAL METONYMY AND WORD-FORMATION COHERENCE OF DIALECT LEXEMES 91

PEDAGOGY

Dryannih N.V. "PEDAGOGICAL WORKSHOP" AS A METHOD OF REALIZATION OF PHILOSOPHICAL EDUCATION PRINCIPLES 98
Kevlya F.I. ESSENCE AND CONTENT OF THE 'PERSONALITY SELF-DEVELOPMENT' CONCEPT IN THE TEACHER'S PROJECT ACTIVITY 101
Maleeva E.S., Charfaoui E. STUDYING ADVERTISING AT CLASSES OF BUSINESS RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE 104
Rozova N.B., Yakimova E.B. INTERDISCIPLINARITY OF EDUCATION THE CONTEXT OF COMPETENCE APPROACH 107
Testov V.A. TO THE QUESTION OF GOAL-SETTING IN THE INFORMATION SOCIETY 111

SCIENTIFIC SURVEYS, RESEARCH REPORTS, COMMENTS AND REVIEWS

Sablin V.A. REPORT ON HOLDING AN ALL-RUSSIAN SCINTIFIC CONFERENCE ON *GREAT PATRIOTIC WAR: ASPECTS OF INTERDISCIPLINARY STUDY* 115
Kolesova I.E. REPORT ON IMPLEMENTATION OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION GRANTS IN 2015 116
Balakay A.G. REVIEW OF THE *VOLOGDA DIALECT GOOD WISHES FORMULAE IN THE CONTEXT OF TRADITIONAL FOLK CULTURE* MONOGRAPH BY. ZORINA L.Y. (VOLOGDA, 2012. 216 PP.) 119
Berseneva L.A. THE RUSSIAN LANGUAGE QUERY SERVICE: TRADITIONS AND INNOVATIONS 120
OBITUARY *Yulia Ivanovna Chaikina* (1925–2015) 122

Information about the authors 123

Е.Н. Ильина
Вологодский государственный университет

«ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА» И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В ВУЗЕ

Появление научной периодической печати в России состоялось в середине XVIII века. Университетские издания прошли долгий путь от газет, информирующих просвещенного читателя «о делах ученых людей», до серийных книжных изданий и рецензируемых научных журналов, репрезентирующих основные результаты научно-исследовательской деятельности российских ученых. У истоков университетской периодической печати в России стояли такие видные деятели российской науки, как М.В. Ломоносов, А.А. Барсов, И.И. Срезневский и многие другие.

Развитие научной периодической печати в Вологодском государственном университете отражает события истории вуза, в частности объединение научных позиций Вологодского государственного технического университета и Вологодского государственного педагогического университета. В каждом из этих учебных заведений в начале XXI века были учреждены собственные рецензируемые научные журналы.

«Вестник Вологодского государственного технического университета» был учрежден в 2000 году. Его выпуски издавались в 2000, 2001, 2002 и 2004 годах под руководством доктора технических наук, профессора В.А. Шорина и доктора технических наук, профессора А.В. Булычева. Значительный вклад в развитие этого издания внесли доктор технических наук, профессор Р.В. Дерягин, доктор технических наук, профессор А.Н. Шичков, доктор технических наук, профессор В.И. Игонин, доктор экономических наук, профессор А.П. Дороговцев и др. В этом издании публиковались статьи по техническим, экономическим, физико-математическим наукам, отчеты о научных мероприятиях вуза, а также другие материалы, имеющие непосредственное отношение к научно-исследовательской деятельности университета.

«Вестник Вологодского государственного педагогического университета» был учрежден в 2006 году. Внутри этого издания состоялись издания нескольких серий: «Психологические, педагогические науки и технологии образования», «Физико-математические и естественно-научные дисциплины», «Гуманитарные науки». Значительный вклад в развитие этого издания внесли такие ученые, как доктор педагогических наук, профессор А.П. Лешуков, доктор педагогических наук, профессор Л.А. Коробейникова, доктор технических наук, профессор А.И. Домаков, доктор исторических наук, профессор М.А. Безнин, доктор филологических наук, профессор Г.В. Судаков.

Создание в 2014 году Вологодского государственного университета определило необходимость единого рецензируемого научного журнала в вузе. Вследствие этого в начале 2015 года под руководством доктора технических наук, профессора Л.И. Соколова и кандидата технических наук, доцента А.А. Синицына состоялась публикация «Вестника Вологодского университета», в который вошли научные статьи по техническим, экономическим, физико-математическим, филологическим, философским и историческим наукам. Материалы этого издания были размещены в свободном доступе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также были включены в Российский индекс научного цитирования.

Многообразие научных направлений вуза определило дальнейшее развитие концепции «Вестника Вологодского университета». В соответствии с требованиями к рецензируемым научным изданиям, претендующим на включение в рекомендованный список ВАК при Минобрнауки Российской Федерации, было принято решение о создании нескольких серий этого издания. Внутри каждой серии должны быть представлены научные статьи, научные обзоры, рецензии и отзывы не более чем по трем отраслям науки или не более чем по пяти группам специальностей научных работников.

Данный выпуск «Вестника Вологодского государственного университета» открывает серию «Гуманитарные, общественные и педагогические науки». В этом издании публикуются работы по историческим, философским, филологическим и педагогическим наукам. Руководством университета был утвержден план развития данной серии на 2015–2019 годы, предусматривающий расширение объема издания до четырех выпусков в год, его государственную регистрацию как периодического научного издания и, наконец, подготовку к экспертизе Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки Российской Федерации.

Реализация плана развития «Вестника Вологодского государственного университета» – сложная задача, решение которой требует неординарных усилий организационно-финансового плана, а также долгой и напряженной работы профессорско-преподавательского состава вуза, слаженного и оперативного взаимодействия научных редакторов издания с редакционно-издательским отделом университета, внимательного изучения публикуемых материалов со стороны широкой научной общественности. Решение этой задачи, несомненно, станет важной вехой в истории научной периодической печати Вологодской области, будет способствовать интеграции учебно-методической и научно-исследовательской деятельности вуза, послужит делу укрепления корпоративной солидарности преподавателей и сотрудников Вологодского государственного университета.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 930.2

М.А. Безнин, Т.М. Димони
Вологодский государственный университет

ИСТОЧНИКОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ БАЛАНСОВ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СССР (пилотное исследование)

(статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 14-01-00541 «Социальные отношения в российской деревне 1930–1980-х гг. и их интерпретация в уровнях общественного сознания»)

Статья посвящена описанию истории составления балансов народного хозяйства СССР в 1920–1980-е годы. Рассматриваются методики составления баланса, структура баланса и др. проблемы. Освещена степень сохранности материалов балансов в государственных архивах. Во второй части статьи показаны некоторые возможности использования историками народнохозяйственных балансов в изучении социально-экономической истории СССР.

Балансы народного хозяйства, межотраслевые балансы, исторические источники, социально-экономическое развитие СССР.

Государственный капитализм, к форсированному построению которого Россия приступила в начале 1930-х гг., потребовал решения вопроса о «точках роста» советской экономики, ресурсном обеспечении разных отраслей, расчетов потребности в рабочей силе и решения других проблем, ставивших вопрос создания некоего плана народнохозяйственного развития. Идея о перспективном планировании экономики появилась задолго до начала XX века. Считается, что первоначальные идеи планирования были высказаны К. Марксом и Ф. Энгельсом в работе «Принципы коммунизма» (1847 г.). В достаточно оформленном виде идеи народнохозяйственного планирования были описаны профессором Берлинского университета К. Баллодом в конце XIX века [1]. Уже в это время предпринимались и попытки использования идей планирования. В России, например, они касались строительства Транссибирской железнодорожной магистрали. Еще более сильный импульс к экономическому планированию дала Первая мировая война и последовавшая за революцией Гражданская война.

Как известно, первой попыткой планирования в мире считается план государственной электрификации России (1920 г.), затем в 1923/1924 г. были созданы первые программы развития промышленности. Впервые сводный народнохозяйственный баланс, где было отражено производство, потребление продукции и взаимосвязь отраслей, был составлен в 1924–1925 гг., а первый пятилетний план был принят в 1928 г. [2–13].

Историки довольно редко изучали материалы планирования в СССР, и практически всегда за кадром оставались такие важнейшие источники, как народнохозяйственные балансы, позволяющие увидеть многообразный спектр динамических изменений советской экономики.

Первый народнохозяйственный баланс – «Баланс народного хозяйства СССР в 1923/24 г.» [14] – был составлен Центральным статуправлением СССР на основе проведенных на тот момент расчетов: плана ГОЭРЛО, где было приведено сопоставление ресурсов и потребностей; крупных экономических переписей; переписей населения и многих специальных обследований. Руководил составлением баланса известный статистик П.И. Попов. Структура баланса состояла из трех таблиц: «Капиталы Союза ССР на 1-е октября 1924 г.» (расчеты капиталов по их видам и по отраслям народного хозяйства), «Баланс народного хозяйства 1923/24 г.» (таблица взаимосвязи отраслей: сельское хозяйство (земледелие и луговодство, животноводство, лесоводство, рыболовство и охота); промышленность (горнодобывающая, обрабатывающая); издательское дело; строительство); «Народный доход Союза ССР на 1923/24 г.» (рассчитан валовой доход от основных отраслей хозяйства страны). Принципиально новым в этом балансе, как писал экономист В. Леонтьев, сравнивая его с обычными хозяйственно-статистическими обследованиями (такими как американский или английский цензы), была попытка охватить показателями не только производство, но и распределение общественного продукта, чтобы таким путем получить общую картину всего процесса воспроизводства в форме некоторого «Tableau économique» (экономической таблицы) [15]. Данный баланс, по мнению большинства экономистов, обладал серьезными методологическими особенностями,

которые делали его малопригодным для объективной оценки валового продукта страны. По мнению того же В. Леонтьева, во-первых, «поскольку отдельные отрасли производства более или менее проникали одна в другую путем обмена, постольку при суммировании их реальных валовых продуктов будет иметь место некоторый двойной подсчет». Однако более серьезной методологической особенностью была вторая подмеченная В. Леонтьевым проблема. Рассматривая основную опубликованную таблицу баланса по производству и распределению, он заметил, что часть общей суммы товаров, следующая за каждой из больших статей прихода, показывает, что союзное народное хозяйство организовано большей частью еще, как натуральное хозяйство: «Сельское хозяйство продает сравнительно небольшую часть своих произведений; большая часть их потребляется в домашнем хозяйстве». В таком случае, считал В. Леонтьев, нельзя было применять метод валового оборота. Кроме того, продолжал экономист, подразделение сельскохозяйственного производства обнаруживает, «что здесь в основу учета суммы оборота было положено техническое расчленение: земледелие и луговодство, животноводство, лесоводство, рыболовство и охота. Этот прием должен быть признан совершенно ошибочным. Как мы уже видели, такой метод ведет неизбежно к ряду несогласованностей, так как отсутствует принцип, на основании которого можно было бы дать объективный учет сумм валового продукта отдельных отраслей производства по одному признаку. Вследствие этого теряется смысл сравнения долей валового продукта, приходящихся в различных отраслях хозяйства “на одну рабочую силу, участвующую в производстве” и “на одну душу населения”» [15].

Необходимость планирования крупномасштабной новой экономики СССР потребовала перейти к составлению следующих народнохозяйственных балансов. Естественно, недостатки первого опыта балансирования попытались учесть. Задача составления нового баланса была поставлена в 1927 г., крупные работы по его подготовке были проделаны в 1928–1932 гг. Первое теоретическое обоснование данного баланса было сделано экономистом А.И. Петровым. Он предложил методику составления баланса, включающую представление народнохозяйственного баланса как системы балансов: помимо валовой продукции рассматривались показатели товарной продукции; распределения народного дохода по классам и секторам народного хозяйства [4]. Данный баланс был опубликован в 1932 г. [16].

Балансы народного хозяйства за 1928, 1929, 1930 гг. были составлены в виде серии таблиц, куда вошли также баланс труда и финансовый баланс [16]. Исходными источниками для данного баланса стали статистические данные, количество и точность которых возросла. Структура баланса 1928–1930 гг. была следующей: «Общие итоги баланса народного хозяйства (выводные таблицы)»; «Отдельные элементы баланса народного хозяйства (народный доход, основные фонды, производство, потребление)»; «Основные сводные таблицы баланса народного хозяйства» [16]. В ходе составления балансов было выполнено множество дополнительных расчетов, например, структура стоимости продукции в отраслях народного хозяйства, потребление материальных благ населением и т.п. Была значительно улучшена техника построения натуральных балансов. Однако экономисты заметили, что в балансе 1928/30 гг. в таблице взаимосвязи отраслей количество представленных отраслей было меньше, чем в балансе 1923/24 гг. [16].

В предвоенное время был построен народнохозяйственный баланс и за 1935 г. (издан в 1937 г.) [17], однако после этого работы по составлению народнохозяйственных балансов были фактически приостановлены [18]. В то же время в архиве ЦСУ – в отделе баланса народного хозяйства (РГАЭ. Ф. 1562) – сохранились отдельные элементы балансовых разработок, относящихся ко второй половине 1930-х гг. Среди них материалы по балансу за 1937 г., таблицы данных о росте продукции промышленности и сельского хозяйства за 1937 г., таблицы расчетов валовой и чистой продукции сельского хозяйства за 1932–1937 гг., расчетные таблицы к балансу народного хозяйства за 1940 г., большое количество таблиц, построенных по материалам бюджетных обследований населения и др. Часть материалов была издана [19– 21].

В годы Великой Отечественной войны работы по балансированию народного хозяйства частично все же велись, на что косвенно указывают материалы книги Н.А. Вознесенского [22] и сохранившиеся архивные материалы (РГАЭ. Ф. 1562) – «Таблицы расчетов валовой и чистой продукции, материальных затрат сельского хозяйства в 1944 г.», «Таблицы динамических рядов движения основных фондов за 1928–1943 гг.» и др. По поводу военного баланса народного хозяйства СССР Н.А. Вознесенский смог придти к выводам о сокращении «основных фондов социалистических предприятий» во втором полугодии 1941 г. на 215 млрд руб. (из-за потери западных районов); сокращении общественного продукта материального производства СССР в 1942 г. по сравнению с уровнем 1940 г.; изменении структуры общественного продукта. Анализ Н.А. Вознесенского показал, что: а) производственное потребление в 1940 г. и 1942 г. осталось на уровне 43%; б) личное потребление населения уменьшилось с 42% в 1940 г. до 38% в 1942 г.; в) накопление уменьшилось с 11% в 1940 г. до 2% в 1942 г.; г) военные расходы, не считая личного потребления военнослужащих, увеличились с 4% в 1940 г. до 17% в 1942 г. [22, с. 61–73].

После Великой Отечественной войны работы по составлению балансов были возобновлены. В балансовые материалы были введены новые показатели, такие как расчет пропорций между отраслями народного хозяйства, ежеквартальный расчет покупательских фондов населения в территориальном разрезе (с 1949 г.), расчеты реальных доходов трудящихся и индексов реальной заработной платы рабочих и служащих [4].

После 1953 г. балансовые расчеты приобрели регулярный характер и составлялись ежегодно. Общая схема новой версии баланса народного хозяйства была утверждена в 1957 г. и после этого уже почти не менялась до начала 1990-х гг. Важнейшими элементами баланса народного хозяйства были: баланс производства, потребления и накопления общественного

продукта (сводный материальный баланс); баланс производства, распределения, перераспределения и конечного использования общественного продукта и национального дохода (сводный финансовый баланс); межотраслевой баланс производства и потребления общественного продукта; баланс трудовых ресурсов; баланс основных фондов (капиталов); баланс денежных доходов и расходов населения. Кроме того, в систему составления балансов был включен ряд материальных балансов важнейших продуктов и некоторые другие таблицы [23].

Большое значение для историка имеют межотраслевые балансы народного хозяйства СССР. Межотраслевой баланс (метод «затраты-выпуск») – экономико-математическая балансовая модель, характеризующая межотраслевые производственные взаимосвязи в экономике страны. Он характеризует связи между выпуском продукции в одной отрасли и затратами, расходованием продукции всех участвующих отраслей, необходимым для обеспечения этого выпуска. Межотраслевой баланс составлялся в денежной и натуральной формах и представлял собой таблицу, в которой был отражен процесс формирования и использования совокупного общественного продукта в отраслевом разрезе. Таблица показывала структуру затрат на производство каждого продукта и структуру его распределения в экономике [24].

Истоки этого метода восходили к работам советских экономистов и статистиков 1920-х гг. Теоретические основы межотраслевого баланса были разработаны В.В. Леонтьевым в Берлине. Русскую версию уже упоминавшейся выше статьи под названием «*Баланс народного хозяйства СССР*» опубликовал журнал «Плановое хозяйство» в № 12 за 1925 год. Ученый показал, что коэффициенты, выражающие связи между отраслями экономики, достаточно стабильны и их можно прогнозировать.

Впервые межотраслевой баланс был разработан в СССР в 1959 году. Работа была выполнена в ЦСУ СССР силами отдела межотраслевого баланса под руководством М.Р. Эйдельмана. Это был первый в мире отчетный межотраслевой баланс в натуральном выражении (по 157 продуктам) и отчетный межотраслевой баланс в стоимостном выражении (по 83 отраслям). Данные баланса были частично опубликованы в 1961 г. [25, с. 103–151], а полностью гриф секретности с этого документа был снят в 2008 г. Первые плановые межотраслевые балансы в стоимостном и натуральном выражении были построены в 1962 г. Далее работы были распространены на республики и регионы. По данным за 1966 г. межотраслевые балансы были построены по всем союзным республикам и экономическим районам РСФСР. Советскими учеными были созданы заделы для более широкого применения межотраслевых моделей (в том числе динамических, оптимизационных, натурально-стоимостных, межрегиональных и др.). Часть балансовых материалов была опубликована с грифом «для служебного пользования» [26].

Усложнение экономической системы страны потребовало перехода от построения народнохозяйственных балансов к системе национальных счетов, что и стало активно делаться с 1970-х гг. В отличие от балансового метода система национальных счетов позволяла учитывать внешнеэкономические связи, устранять повторный (двойной) счет, применять схемы сложного финансового анализа. В 1980-е гг. органами государственной статистики в дополнение к балансам народного хозяйства в их традиционном виде разрабатывался ряд новых таблиц, была начата разработка баланса нематериальных услуг, затрат на их оказание. Также в практику были введены макроэкономические расчеты показателя общего объема потребления населением, охватывающего, в дополнение к стоимости потребления материальных благ, также стоимость нематериальных услуг, поступивших населению из всех источников (за счет личных доходов, за счет общественных фондов потребления и т. п.).

* * *

Балансы народного хозяйства дают богатую пищу для анализа социально-экономического развития России в советский период.

Важнейшими показателями экономического устройства служат данные о соотношении удельного веса основных отраслей в формировании национального дохода и валового продукта. Этот показатель особенно интересен, так как позволяет определить стадиальное состояние общества: степень «превращения» из страны аграрной в страну индустриальную.

В 1923/24 г. по сведениям баланса народного хозяйства СССР валовая продукция сельского хозяйства составляла 54%, промышленности – 38% [14, с. 46]. Данные, приведенные в 1930 г. в политическом отчете ЦК ВКП(б) XVI съезду партии И.В. Сталиным, свидетельствовали, что в 1928/29 году доля сельского хозяйства в валовой продукции всего народного хозяйства СССР составляла 51,3%, доля промышленности – 48,7% [27, с. 265]. В 1934 г. в отчетном докладе ЦК XVII съезду ВКП(б) И.В. Сталин привел сведения, что удельный вес сельского хозяйства в валовой продукции СССР (в ценах 1926/27 г.) составлял в 1930 г. – 38,4%, в 1931 г. – 33,3%, в 1932 г. – 29,3%, в 1933 г. – 29,6% [28, с. 310]. Таким образом, по официальным данным в течение 1930-х гг. в структуре валовой продукции страны произошел крупный сдвиг в сторону индустриальной составляющей.

Однако расчеты экономистов и неопубликованные статистические данные не так однозначны. Данные балансов народного хозяйства, подготовленные ЦСУ, и неопубликованные сведения, сохранившиеся в архивах, показывают, что в СССР в 1935 г. чистая продукция сельского хозяйства (с оценкой натуральной части продукции сельского хозяйства по средним ценам товарной части) составляла 32%, а промышленности – 22%. В 1937 г. народный доход от промышленности составлял 44%, сельского хозяйства – 37%, строительства – 5%, транспорта и связи – 3%, торговли – 9%, прочих отраслей – 2% (оценка натуральной части продукции дана по ценам колхозного рынка) [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 317. Л. 31].

Приведенные выше сведения о доле сельского хозяйства и промышленности в валовом продукте и чистом продукте неоднократно анализировались в научной литературе. Эти проблемы освещались в работах известных ученых-экономистов А.А. Ванштейна,

Ю.А. Белика, М.В. Колганова, П. Грегори и других исследователей [29–32]. Рассматривая обнародованные органами государственной статистики показатели структуры национального (валового) дохода, они отмечали, что к этим данным нужно подходить с осторожностью, так как показатели валового дохода, создаваемого в сельском хозяйстве, как правило, исчислялись в ценах реализации соответствующих лет, которые, как известно, были до 1953 г. беспрецедентно низкими.

Видимо, трансформация аграрного общества в индустриальное происходила медленнее, чем это показывали данные официальной статистики. При поиске ответа на этот вопрос, который, конечно, нуждается в серьезных дополнительных исследованиях, необходимо учитывать, что, несмотря на постепенное снижение удельного веса продукции сельского хозяйства в стоимости валовой продукции народного хозяйства, аграрная подсистема достаточно долго сосредотачивала значительную массу рабочей силы (доля сельского населения СССР составила менее 50% лишь в первой половине 1960-х гг. [33]) и была опорой формирования экономической базы страны.

Большое значение народнохозяйственные балансы имеют в определении формирования основных источников развития народного хозяйства.

Как известно, долгое время основным источником ресурсов для развития промышленности было сельское хозяйство. Изъятие средств из сельского хозяйства (в первую очередь из колхозов и приусадебных хозяйств) по различным каналам развивалось в 1930 – начале 1950-х гг. в прогрессивной динамике. Для этого была восстановлена система государственных повинностей (по выражению И.В. Сталина «нечто вроде “дани”»), включающих отработочную, продуктовую и денежную формы. Законодательное оформление этой системы относится к концу 1930-х гг., а «отмирание» повинностей наблюдается с середины 1950-х гг. [34]. Повинностный тип эксплуатации сельского хозяйства вкупе с прикреплением колхозников (отсутствием у них паспортов) давал возможность массированной перекачки средств в промышленность. Если в 1929 г. промышленность передала за пределы своей отрасли 14% произведенной за год продукции в ценовом выражении, в 1937 г. – 13%, то из сельского хозяйства было изъято за пределы отрасли в 1929 г. – 22% произведенной за год продукции в ценовом выражении, в 1937 г. – 26% продукции [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 446. Л. 15]. В 1946–1953 гг. из сельского хозяйства СССР был изъят продукт стоимостью 298 млрд руб., а перемещен туда продукт из других сфер народного хозяйства стоимостью только 193 млрд руб. [35, с. 281].

С конца 1950-х – начала 1960-х гг. ведущим в сельском хозяйстве России, как и в промышленности, становится механизм экономического принуждения к труду. Это был уже не повинностный, а «зарплатный» тип эксплуатации. В 1966 г. была проведена крупномасштабная реформа оплаты труда колхозников: переход на гарантированную ежемесячную фиксированную оплату труда [36, с. 123–124].

В то же время уровень эксплуатации при переходе к экономической системе принуждения был порой не ниже, а выше, чем в течение предшествующих периодов, что связано с возросшей капитализацией производства и ростом производительности труда. В 1970–1980-е гг. косвенным путем из сельского хозяйства изымалось и в ходе межотраслевого товарного обмена перераспределялось 30% и более созданной чистой продукции [37, с. 13]. Конечно, этот показатель был ниже, чем уровень изымаемой из сельского хозяйства продукции в 1930–1960-е гг., шло постепенное выравнивание условий хозяйствования промышленной и аграрной отраслей, формирование принципов экономических отношений, характерных для капитализированного общества.

Важнейший критерий становления нового экономического устройства, а именно государственного капитализма, и отмирания аграрного общества – такой экономический фактор, как доля капитала и «живого» труда в себестоимости продукта [38]. Когда роль первого становится ведущей, можно считать, что грань, отделяющая аграрное общество от государственного капитализма, была пройдена.

Промышленность СССР изначально выглядела как капитализированное производство. В 1930 г. структура себестоимости товарной продукции промышленности СССР на 66% состояла из издержек капитала (сырье, вспомогательные материалы, топливо, амортизация) и на 34% из издержек на рабочую силу [39, с. 58]. В 1955 г. от всей суммы затрат на производство продукции промышленности СССР 21% падал на заработную плату, 79% на затраты капитала [40, с. 29]. В 1976 г. в структуре затрат на производство промышленной продукции СССР 15% приходилось на заработную плату, 85% – на затраты капитала [33, с. 196].

Сельское хозяйство долгое время оставалось низко капитализированным. Рассчитанное В.П. Даниловым соотношение доли капитала и доли труда в себестоимости аграрного продукта крестьянского хозяйства показало, что в 1925 г. живой труд являлся основной производительной силой крестьянского хозяйства. Доля затрат живого труда в себестоимости аграрной продукции растениеводства в среднем по стране достигала 56–75% (в зависимости от отрасли) [41, с. 266–267].

Важнейшим индикатором капитализации экономики являлась капитализация колхозного производства. По нашим расчетам, соотношение затрат живого труда и затрат капитала (материальных издержек) в структуре себестоимости продукции колхозов конце 1950-х гг. составляло 55% к 45% в пользу живого труда, что говорит о генетической близости экономики колхозов этого времени по данному показателю к структуре элементов производительных сил, характерных для аграрного общества. Преодоление пятидесятипроцентной грани, когда капитал становится ведущим фактором производства колхозов, относится к началу 1960-х гг. Произведенные экономистами тех лет подсчеты показывают, что овеществленный в капитале труд составлял в колхозах РСФСР в 1964 г. 52% себестоимости сельхозпродукции, в 1965 г. – 57% ([42, с. 256]; [43, с. 506]).

Говоря о грани перехода советской экономики в целом к системе государственного капитализма, нужно обратить внимание на следующие данные межот-

раслевого баланса 1959 г. Материальные затраты сферы материального производства (без амортизации) составили в этому году 305 млрд руб., расходы на заработную плату (без оплаты труда колхозников) составили 176 млн руб. [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 42. Д. 1430].

Таким образом, вовлечение народнохозяйственных балансов в круг источников изучения истории социально-экономического развития СССР позволяет расширить горизонт представлений исследователей о возможностях источникового комплекса. Изучение народнохозяйственных балансов разрешает аргументировано рассуждать о динамике соотношения факторов производства, что, на сегодняшний день, во многом предопределяет продвижение вперед в поисках ответа на вопрос о характере социально-экономического строя СССР.

Литература

1. Баллод, К. Государство будущего / К. Баллод. – 2-е изд. – Санкт-Петербург, 1900. – 192 с.

2. Верхотуров, Д.Н. Создатели будущего. Возникновение планирования в СССР / Д.Н. Верхотуров. – Москва, 2013. – 411 с.

3. Грегори, П. Политическая экономия сталинизма / П. Грегори. – Москва, 2006. – 399 с.

4. Рябушкин, Т.В. Вопросы истории развития балансового метода в Советском Союзе / Т.В. Рябушкин // Ученые записки по статистике. – Москва, 1954.

5. Бор, М.З. Вопросы методологии планового баланса народного хозяйства СССР / М.З. Бор. – Москва, 1960. – 339 с.

6. Соболь, В.А. Очерки по вопросам баланса народного хозяйства / В.А. Соболь. – Москва, 1960. – 228 с.

7. Струмилин, С.Г. К схеме баланса народного хозяйства СССР/ С.Г. Струмилин // Ученые записки по статистике АН СССР. Отд. экономической... науки. – 1955. – № 1.

8. Курс экономической статистики / под ред. А. Петрова. – Москва, 1967. – 584 с.

9. Курский, А.Д. Научные основы и совершенствование системы планирования народного хозяйства СССР / А.Д. Курский. – Москва, 1969. – 264 с.

10. Кац, В. Народный доход СССР и его распределение / В. Кац. – Москва, 1932. – 178 с.

11. Турецкий, Ш.Я. Планирование и проблемы баланса народного хозяйства / Ш.Я. Турецкий. – Москва, 1961. – 330 с.

12. Рост общественного производства и пропорции народного хозяйства СССР / под ред. Л.Б. Альтера, В.И. Каца, П.Н. Крылова, В.М. Кудрова. – Москва, 1962. – 455 с.

13. Анчишкин, А.И. Темпы и пропорции экономического развития / А.И. Анчишкин, Ю.В. Яременко. – Москва, 1967. – 208 с.

14. Баланс народного хозяйства Союза ССР / под ред. П.И. Попова. – Москва, 1926. – 654 с.

15. Леонтьев, В. Баланс народного хозяйства СССР. Методологический разбор работы ЦСУ / В. Леонтьев // Плановое хозяйство. – 1925. – № 12. – С. 254–258.

16. Первухин, А. Методологические вопросы баланса народного хозяйства. Материалы по балансу народного хозяйства СССР за 1928, 1929, 1930 гг. / А. Первухин. – Москва, ЦУНХУ СССР, 1932.

17. Материалы по балансу народного хозяйства за 1935 г. Объяснительная записка. – Москва, ЦУНХУ Госплана СССР, 1937 г. (стеклографическое издание).

18. Баланс народного хозяйства // Энциклопедия статистических терминов. – Москва, 2013.

19. Материалы по балансу народного хозяйства СССР за 1937 г. – Вып. 1 (ротапринт).

20. Материалы по балансу народного хозяйства СССР за 1938 г. (ротапринт).

21. Вознесенский, Н.А. Хозяйственные итоги 1940 г. и план развития народного хозяйства СССР на 1941 г. / Н.А. Вознесенский. – Москва, 1941. – 31 с.

22. Вознесенский, Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны / Н.А. Вознесенский. – Москва, 1947. – 192 с.

23. Николаева, Л.А. Экономическая теория / Л.А. Николаева, И.П. Черная. – Москва, 2009. – 227 с.

24. Белых А.А. История российских экономико-математических исследований. Первые сто лет / А.А. Белых. – 2-е изд. – Москва, 2007. – 240 с.

25. Народное хозяйство СССР в 1960 году: стат. ежегодник / ЦСУ СССР. – Москва, 1961. – 903 с.

26. Основные показатели баланса народного хозяйства. Статистический сборник. – Москва, 1987.

27. Сталин, И. Сочинения / И. Сталин. – Москва, 1953. – Т. 12. – 393 с.

28. Сталин, И. Сочинения / И. Сталин. – Москва, 1953. – Т. 13. – 418 с.

29. Белик, Ю.А. Национальный доход СССР / Ю.А. Белик. – Москва, 1961. – 60 с.

30. Ванштейн, А.А. Народный доход России и СССР. История. Методология исчисления. Динамика / А.А. Ванштейн. – Москва, 1969. – 168 с.

31. Грегори, П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): новые подсчеты и оценки / П. Грегори. – Москва, 2003. – 253 с.

32. Калганов, М.В. Национальный доход / М.А. Калганов. – Москва, 1959. – 374 с.

33. Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический ежегодник. – Москва, 1977 – 623 с.

34. Безнин, М.А. Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы / М.А. Безнин, Т.М. Димони // Отечественная история. – 2002. – № 2. – С. 96–111.

35. Растянников, В.Г. Сельскохозяйственная динамика. XX век. Опыт сравнительно-исторического исследования / В.Г. Растянников, И.В. Дерюгина. – Москва, 1999. – 329 с.

36. Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965–1974). – Москва, 1975. – 751 с.

37. Чистая продукция сельского хозяйства, ее распределение и использование. – Москва, 1989.

38. Безнин, М.А. Аграрный строй России 1930–1980-х годов / М.А. Безнин, Т.М. Димони. – Москва, 2014. – 608 с.

39. Народное хозяйство СССР. Статистический справочник. – Москва; Ленинград, 1932. – 669 с.

40. Промышленность СССР. Статистический сборник. – Москва, 1957. – 448 с.

41. Данилов, В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство / В.П. Данилов. – Москва, 1977. – 319 с.

42. Хозрасчет и цены в социалистическом сельском хозяйстве. – Москва, 1969. – 290 с.

43. Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. – Москва, 1971. – 711 с.

Рецензент – Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ.

M.A. Beznin, T.M. Dimony

POSSIBILITIES OF USING BALANCES OF THE NATIONAL ECONOMY AS A RESEARCH SOURCE IN THE CONTEXT OF STUDYING SOCIAL AND ECONOMIC HISTORY OF THE USSR (A PILOT STUDY)

The article describes the history of balances of national economy of the USSR in the 1920 – 1980s. The methodology of the balance sheet making, the balance sheet structure and other questions are analyzed. The report highlights degrees of preservation of the national economy balances in the state archives. The second part of the article includes some ways of using balances of the national economy by historians in the study of social and economic history of the USSR.

Balances of the national economy, inter-branch balance sheets, historical sources, socio-economic development of the USSR.

УДК 94(430).087

И.Д. Попов
Вологодский государственный университет

РАЗРАБОТКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ ХРИСТИАНСКО-СОЦИАЛЬНОГО СОЮЗА В БАВАРИИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

В статье на основе материалов баварских архивов рассматривается экономическая доктрина Христианско-Социального союза в Баварии в первые послевоенные годы. Делается вывод о том, что уже в ранних программах ХСС были широко представлены рыночные принципы, а в 1947 г. – почти за год до валютной реформы и начала популяризации теории социально-рыночного хозяйства Людвигом Эрхардом – партия и вовсе перешла к неолиберальной экономической доктрине.

ХСС, ХДС, христианский социализм, неолиберализм, Людвиг Эрхард, социально-рыночное хозяйство, Бавария, Германия.

Наиболее острой проблемой всех германских земель после окончания Второй мировой войны были масштабные разрушения, повлекшие тяжелое хозяйственное положение и острые социальные проблемы. Поэтому решение проблем экономического и социального характера представлялось наиболее важной политической задачей для всех уровней власти. В свою очередь, основной задачей экономической политики естественным образом являлась ликвидация последствий войны. Однако по мере дальнейшего конституирования государственных структур шла выработка общего экономического курса, который и являлся предметом дискуссий между различными политическими силами. Бурные обсуждения проходили и внутри этих политических сил. Так, например, Христианско-Демократический союз (ХДС) в британской зоне за четыре послевоенных года, как минимум трижды радикальным образом пересматривал свою экономическую платформу [1, S. 7, 9–11].

Параллельно шел процесс выстраивания партийных коалиций, во время которого наиболее важными вопросами являлись будущее государственное устройство и экономическая политика Западной Германии. Особенно это стало актуально после создания объединенной экономической зоны – Бизонии (1 января 1947 г.) – и ее Экономического совета (25 июня 1947 г.), а также принятия Франкфуртских документов, положивших начало созданию Парламентского совета (открыт 1 сентября 1948 г.). Как Экономический, так и Парламентский советы представляли собой структуры, состоявшие из депутатов различных западногерманских земель, которые должны были разработать экономические и конституционные основы будущей Федеративной республики Германия. А поскольку ни одна из крупных партий – ХДС и социал-демократы (СДПГ) – не имели абсолютного большинства голосов, то очень важной становилась позиция малых партий.

Третьей по численности фракцией в Экономическом и Парламентском советах являлся Христианско-Социальный союз (ХСС). В массовом сознании эта партия представляется «сестринской» для ХДС и ее постоянным коалиционным партнером, хотя между этими двумя политическими силами, безусловно, имелись определенные разногласия [2]. Кроме того, начиная с 1946 г. ХСС являлся правящей партией в

Баварии – наиболее крупной земле в американской оккупационной зоне и второй по величине в Западной Германии. Абсолютное большинство партия имела в представительных органах власти Баварии всех уровней, а 30 июня 1946 г. в результате земельных выборов получила большинство (109 из 180 депутатов) в баварском Учредительном собрании, проведя в итоге свои требования в Конституцию Баварии 1946 г. [3, с. 154, 163–167], действующую и в настоящее время. Поэтому обращение к становлению экономической платформы ХСС является очень важным для понимания не только выработки экономической стратегии будущей правящей коалиции ХДС/ХСС-СвДП, но и долгосрочной экономической политики федеральной земли Бавария.

Формирование местных отделений ХСС в Баварии началось уже летом 1945 г., а 8 января 1946 г. состоялся учредительный съезд земельной организации партии, которая была зарегистрирована американской оккупационной администрацией [3, с. 28–29, 48–49]. На тот момент главным вопросом экономической политики являлось послевоенное восстановление. Большинство баварских городов подверглись массированным бомбардировкам, в том числе и крупнейшие индустриальные города. Мюнхен был разрушен на 33%, Нюрнберг – на 51%, а ряд городов – и вовсе на ¾ (Вюрцбург, Донаувёрт) [4, S. 541]. Разрушение коммуникаций в ходе этих бомбардировок затрудняло товарообмен и снабжение продовольствием. При этом на плечи баварских властей легло бремя содержания оккупационной администрации и выплаты репараций [5, S. 111]. Усугублялась ситуация и тяжелыми социальными последствиями: обнищание населения, безработица, разгул «черного рынка», жилищная проблема, а также огромный поток из 1,7 млн беженцев, хлынувший в Баварию.

Еще на стадии формирования местных отделений ХСС, различные местечковые партийные организации, объединенные позже в земельное отделение, издавали свои программы, где затрагивали и экономические вопросы. Ключевыми требованиями стали активное жилищное строительство, социальная защищенность наиболее уязвимых категорий (пострадавших от бомбежек, раненных на войне, вдов, сирот), поддержка сельского хозяйства, справедливое распределение бремени, оздоровление валюты, восстановление экономики и налогообложения в соответствии с платежеспособностью той или иной категории населения.

Для решения этих насущных проблем практически все эти программы высказывались за необходимость государственного регулирования экономики: «государство регулирует экономику согласно потребностям всего народа» (Нюрнберг), «планомерное экономическое руководство со стороны государства исключительно согласно интересам народа» (Дахау), «регулирование экономики государством согласно интересам всего народа», «диверсификация ремесла и промышленности, торговли и транспорта на основе долгосрочного планирования и при условии внедрения государством всех доступных вспомогательных средств» (Мюнхен), «необходимо планомерно регулировать экономическую жизнь» (Вюрцбург) ([6]; [7, S. 1709]; [8]; [9, S. 289]). В некоторых программах (Мюнхен, Вюрцбург, Роттенбург-ан-дер-Лаабер) даже предусматривался государственный контроль или возможность перевода в руки государства ключевых отраслей промышленности и крупного производства ([7, S. 1709]; [9, S. 289]; [10]). И лишь только программа отделения в Регенсбурге заявляла о категорическом отказе от социализации: «Всеобщее огосударствление и социализация предприятий отвергается, признается значение свободного предпринимательства» [11, S. 434].

Однако, выступая за госрегулирование, все эти программы в качестве одного из базовых принципов признавали защиту частной собственности, прежде всего мелкой и средней: «правомерно приобретенная частная собственность признается и защищается» (Нюрнберг), «мы приветствуем частную собственность, которая способствует развитию личности» (Вюрцбург), «гарантия частной собственности» (Роттенбург-ан-дер-Лаабер), «признание частной собственности» (Дахау), «признание и защита частной собственности» (Мюнхен), «поддержка частной собственности и защита права наследства» (Регенсбург) ([6]; [7, S. 1709]; [8]; [9, S. 289]; [10]; [11, S. 434]). Программа партийной ячейки в Вюрцбурге, кроме того, предусматривала и поддержку частной инициативы: «Частная инициатива и личная ответственность должны поддерживаться в нашей разрушенной стране как производящий мотор» [9, S. 290]. Хотя, надо признать, в некоторых программах уже оговаривалось, что применение частной собственности должно либо осуществляться «в рамках установленных государством границ» (Мюнхен), либо «обязывать к ответственному использованию по отношению к окружающим» (Вюрцбург) ([7, S. 1709]; [9, S. 290]). Таким образом, практически во всех программах вырисовываются, с одной стороны, требования защиты частной собственности, с другой – государственного регулирования или вмешательства, что дает основание считать эти взгляды близкими к модели государственно регулируемого капитализма.

Развитие этих идей продолжилось во время учреждения земельного отделения ХСС и связанного с ним принятия партийных программ. Так, в программе «Десять пунктов» от 31 декабря 1945 г., наряду с «возвращением к частной экономической инициативе» и «уважением частной собственности», присутствуют такие регулирующие требования, как «ответственность под надзором государства», «справедливые зарплаты и стабильные цены», «упорядочение финансовой системы» [3, с. 233–234]. Другое программное заявление, принятое на собрании партии 17 мая 1946 г., уже определенно говорило об отказе следовать предшествовавшим устоявшимся экономическим моделям, отвергая «как безудержный капитализм, так и любую умерщвляющую личность коллективистскую экономическую форму». Частная собственность мыслилась «в согласовании с христианским нравственным законом» [3, с. 235].

Тем самым сторонники партии заявляли о некоем третьем пути, предполагавшем на основе христианских принципов сочетание идей свободного капитализма и регулируемой государством экономической

системы. При этом ни в одном из программных документов 1945–1946 гг. этот курс не идентифицируется с какой-либо из экономических теорий, и даже не имеет своего собственного названия. В то же самое время внутри «сестринской» ХДС, еще с 1945 г. была предложена концепция «христианского социализма», соединявшая католическое социальное учение с антикапитализмом и требованиями широкого обобществления ключевых отраслей промышленности. Наиболее представительными ее сторонниками были глава восточногерманского ХДС Якоб Кайзер и обербургомистр Дюсельдорфа (с 1947 г. министр-президент земли Северный Рейн-Вестфалия) Карл Арнольд. Однако в 1946 г. внутри ХДС британской зоны развернулась бурная полемика относительно этой концепции. Так руководитель ХДС британской оккупационной зоны Конрад Аденауэр выступил категорически против и самой этой модели и даже термина «христианский социализм» [1, S. 10].

Внутри же ХСС предметом спора были не сколько сами контуры третьего пути, сколько то, как этот третий путь назвать. Так, например, председатель ХСС Йозеф Мюллер считал вполне допустимым именовать его «христианским социализмом», пытаясь реабилитировать само понятие «социализм» и подчеркивая, что это, прежде всего, некая модель «христианского солидаризма» и «христианских социальных реформ» [12, S. 216]. Однако внутрипартийная оппозиция Й. Мюллеру упрекала его в том, что такое название недопустимо, поскольку может стать первым шагом к установлению «коллективистского социализма» [12, S. 217–218]. В любом случае, эта дискуссия закончилась безрезультатно, и партия сосредоточилась на углублении основных принципов этого особо пути.

О верности третьему пути «между доктринальным либерализмом и доктринальным социализмом» заявляется и в последующих программах, принятых на земельном собрании партии 15/16 декабря 1946 г. – «Программе принципов» и программе действий «Тридцать пунктов» ([13, S. 1736]; [3, с. 240]). Сущность этого «среднего пути» в обеих программах остается неизменной – это движимая частной инициативой рыночная экономика, которая при этом должна была обслуживать интересы «общественного блага» и регулироваться государством. И если «Программа принципов» лишь признавала «право государства регулировать экономику с точки зрения общественного блага» [3, с. 240], то программа «Тридцать пунктов» государственное регулирование считала необходимым. Основной целью этого регулирования заявлялась борьба против «сговора предприятий» и «концентрации экономической власти». При этом активная роль в данном процессе отводилась участию «избранных из кругов профессиональных объединений органов самоуправления экономики» [13, S. 1738].

Изъятие частной собственности допускалось лишь при условии противоречия «общественному благу» и только с возмещением ([13, S. 1738]; [3, с. 241]). А в «Программе принципов», рядом с положением о возможности изъятия собственности в государственные руки, четко прописано, что союз «отвергает изъятие собственности через коллективизацию или всеобщую социализацию» [3, с. 241]. Таким образом, передача государству частной собственности рассматривалась всего лишь как возможность, а не как руководство к действию. Сама же собственность характеризуется не иначе, как «естественное право, в осуществлении которого каждый имеет притязания», частная инициатива приветствовалась и объявлялась «существенной побудительной силой для творческих людей», а задачей государства ставилось создание «всех возможностей, чтобы каждому позволить получить нравственно оправданную собственность» ([13, S. 1736]; [3, с. 241]). При этом особое внимание уделялось мелкой и средней собственности. «Не безликие гигантские предприятия, – говорится в программе «Тридцать пунктов», – а многочисленные малые и средние предприятия должны в будущем задать облик народного хозяйства» [13, S. 1738]. Таким образом, ответственный мелкий или средний собственник рассматривался в качестве одного из главных двигателей экономики.

Взгляды ХСС на аграрную политику также не отличались особым радикализмом: в программах ничего не говорится о необходимости проведения аграрной реформы, ликвидации крупной земельной собственности, масштабном перераспределения земель, и тем более – кооперировании. «Поддержку жизнеспособного крестьянства» предлагалось проводить путем ликвидации дисбаланса и выравнивания цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, а также введением технических новшеств в виде машин и средств удобрения, улучшением сельскохозяйственных культур и модернизацией сельхозпредприятий [13, S. 1739].

Таким образом, в отличие от первых программ ХДС, экономическая платформа ХСС 1945–1946 гг. изначально имела более рыночный уклон. Эту платформу ни в коем случае нельзя признать антикапиталистической; равно как сравнение ее со смешанной моделью экономики также будет большой натяжкой. В первых программах уже довольно четко обозначена приверженность рынку, пусть и находящемуся под государственным контролем и ограниченным «христианским нравственным законом». Социалистическая экономика полностью отвергалась, а программы всячески старались избегать слова «план» и «планирование», предпочитая оперировать термином «регулирование». Само же регулирование и борьбу с монополиями необходимо рассматривать не как попытку возвышения государства, а скорее как стремление сделать всех граждан самодостаточными собственниками и придать демократическому устройству соответствующий экономический эквивалент.

Данная платформа в 1946 г. служила также в качестве переговорной позиции партии во время разработки баварской конституции в земельном учредительном собрании. Окончательный проект конституции представлялся как компромисс между ХСС и СДПГ, поэтому социал-демократам в экономической части был сделан ряд уступок, касающихся регулирования экономики, а также социализации собственности в качестве крайней необходимости и возможной временной меры в сложившихся экономических условиях. Однако в целом окончательный вариант конституции не противоречил принципиальным программ-

ным установкам ХСС. С одной стороны, признавалась «свобода самостоятельной деятельности индивида в экономике» (ст. 151), поддержка экономической свободы и независимости малых и средних предприятий (ст. 153), возможность приватизации предприятий, если это «соответствует экономическим целям». С другой стороны мы видим и ряд ограничительных моментов, вписывавшихся в программные установки ХСС – запрет ценового сговора и создания монополий (ст. 156), признание накопления капитала «не самоцелью, а средством развития народного хозяйства» (ст. 157), обязывающий характер собственности по отношению к окружающим (ст. 158), ограничение экономической свободы «нравственным требованием общественного блага» (ст. 151), возможность изъятия важнейших средств производства, банков и страховых компаний в общественную собственность, если этого «потребуют интересы общества» (ст. 160), а также возможность изъятия земельной собственности «для неотложных целей общественного блага» (ст. 163) [14, S. 29–33].

Одновременно с принятием партийных программ шла разработка деталей экономического курса в рамках комитета по экономической политике ХСС, который в феврале 1946 г. возглавил экономист Йоханнес Землер, ставший в 1947 г. директором управления экономики Экономического совета во Франкфурте. Впоследствии за свою независимую позицию он вынужден будет покинуть этот пост [3, с. 172] и уступить его Людвигу Эрхарду, который и проведет знаменитую валютную реформу именно в этой должности. Первоначально приоритетными вопросами комитета по экономической политике являлись интеграция Баварии в общегерманскую экономику, облегчение трудностей оккупационного режима, репарационные выплаты [15, S. 1, 3–5]. Одновременная шла и выработка общих принципов экономического курса.

Имеющиеся архивные материалы позволяют судить о том, что уже с начала 1946 г. разработки комитета отличались более либеральной направленностью по сравнению с экономической частью партийных программ, предложений в земельное учредительное собрание и окончательной редакцией баварской конституции, утвержденной ХСС. Так, в письме земельному президиуму партии относительно необходимой экономической политики главный акцент разработок комитета по экономической политике сделан на неприкосновенность частной собственности, признание ценности предпринимательской инициативы и соответствующего права на предпринимательскую выручку, поддержку кооперативов, а также малых и средних предприятий, поскольку они, по мнению комитета, «служат преимущественно социальным задачам» [16]. В свою очередь, роль государства виделась во вмешательстве в «те сферы экономики, в которых своими силами для всеобщего блага не может справиться частная экономика». Т.е. там, где отношения мог отрегулировать рынок, регулировать должен был исключительно рынок, что собственно соответствует основным принципам неолиберальных экономических теорий. Кроме того, государство должно было бороться с теневым капиталом и не допускать «необоснованного влияния крупных предприятий в отдельной экономической отрасли или в экономике в целом» [16]. Собственно крупные предприятия рассматривались как менее желательная форма по сравнению с мелкими и средними предприятиями, поэтому еще одной задачей государства разработчики видели ограничение концентрации производства.

Обращает на себя внимание и то, что в разработках комитета слабо просматривается требование государственного регулирования экономики. По этому вопросу говорится лишь в одном предложении, в котором отрицается «определяемая и проводимая исключительно государством плановая экономика», но, с другой стороны, признается «необходимость руководства и управления экономикой на период экономического восстановления» [16]. Таким образом, государственное регулирование представлялось вынужденной и временной мерой. Вероятнее всего, именно поэтому Й. Землер не стал возражать против включения в партийные программы требований о государственном регулировании. Однако, судя по разработкам комитета, на долгосрочную перспективу эта мера отвергалась. По этому поводу в письме председателю Й. Мюллеру Й. Землер высказался еще в марте 1946 года, заявив, что регулирующая функция государства должна сводиться не более чем к определению «последовательности и темпов осуществления экономических проектов» [17]. Государство, по его мнению, должно было отказаться от ведущей роли в области планирования и контроля, предупреждая о том, что в таком случае «частная инициатива будет ограничиваться больше необходимого или едва просматриваться» [17].

Практически ничего не говорилось и о возможности социализации крупной собственности, хотя этот вопрос в первые послевоенные годы имел особую актуальность. По сохранившимся материалам комитета по экономической политике ХСС четко прослеживается нежелание его участников говорить на эту тему, хотя в базовых программных документах и заявлениях партии возможность социализации не исключалась. Очевидно, это было связано, как и в случае с государственным регулированием экономики, с временностью признания меры и отсутствием определенности, в каких случаях и какую собственность можно изъять. Кроме того, и задачи социализации виделись совершенно в другом. «Социализацию экономики мы ни в коем случае не отвергаем, – говорилось в письме члена комитета по экономической политике Ганса фон Айкена. – …Можно осуществлять социализацию по существу, насколько это необходимо, но при этом сохранять частноэкономическую форму. Также могут быть иные компромиссные решения, например частичная по форме и существу социализация, которая в отдельных случаях может стать целесообразным решением» [18]. Тем самым понимание социализации сводилось к работе капитала на благо общества.

Уже с начала 1947 г. происходит полный отказ от требования возможности социализации и в дальнейших разработках партии и комитета по экономической политике оно не прослеживается. 23 января 1947 г. в экономических предложениях члена комитета по экономической политике Хуго Финка говорится,

что вопрос о социализации ключевых отраслей «не имеет в Баварии какого-либо решающего значения», а вопрос о передаче под тот или иной государственный контроль «на сегодняшний день полностью исчерпан» [19]. В качестве аргументов к данной позиции Х. Финк приводит тот факт, что в Баварии среди немногих шахт, обслуживающих предприятий и транспорта большая часть находится в руках государства. Помимо этого, он констатировал, что собственно тяжелая промышленность в Баварии была едва представлена [19].

Стоит отметить, что в это же самое время ХДС принимает Аленскую экономическую программу, риторика которой была до крайности антикапиталистической [20, с. 206] и полностью вписывалась в концепцию «христианского социализма». «Сестринский» ХСС эту программу воспринял с крайним недоверием. Так, на одном из заседаний комитета по экономической политике его представитель Курт Вимер охарактеризовал программу как отражение проблем только рейнско-рурского региона и «мыслей далеко идущей социализации» [21].

31 августа 1947 г. в противовес Аленской программе ХДС была принята «Экономическая и социальная программа Христианско-Социального союза в Баварии». Она представила разработки комитета по экономической политике в завершенном виде. В этой программе уже четко просматривается не только отказ от возможности социализации, но и от государственного регулирования экономики, а сам термин «государственное регулирование» заменялся понятиями «государственный контроль», «государственное влияние», «государственное вмешательство». Например, в преамбуле можно встретить утверждения, что «в такие времена катастрофы и нужды плановые и регулирующие методы государства недопустимы», а подъема производительности народного хозяйства можно достичь только «путем освобождения экономических сил от слишком жесткого государственного давления» [22, S. 1742–1743].

Вместо государственного регулирования программа предполагала развитие экономического самоуправления и ведущую роль органов самоуправления в экономике. «Государство, – говорится в программе, – должно только тогда брать на себя выработку экономических задач, когда предприятий и органов самоуправления для этого либо не существует, либо не может существовать» [22, S. 1746]. Конечным пунктом развития экономического самоуправления предполагались отношения, когда «не бюрократия, а сам покупатель будет определять движение товаров» [22, S. 1743]. Олицетворение такого самоуправления – мелкие и средние предприятия – предполагалось поддерживать до тех пор, пока они не станут «отвечать решающим экономическим и техническим преимуществам крупным предприятиям» [22, S. 1743].

В программе также признавалась зависимость германской экономики от импорта сырья и от экспорта готовой продукции. Поэтому приветствовалось вступление в план Маршалла и укрепление экономических связей между европейскими государствами [22, S. 1747]. Не наблюдался отказ и в восстановлении экономического единства Германии, поэтому экономическое объединение британской и американской зон оккупации и создание Бизонии 1 января 1947 г. разработчиками программы оценивалось положительно.

Характерна еще одна особенность этой программы. Если предыдущие программные документы отвергали как социалистическую, так и либеральную рыночную экономику, то в социально-экономической программе от 31 августа 1947 г. отрицание рыночного либерализма не прописано. Зато наряду с плановой экономикой отвергается «монопольный и государственный капитализм», который, по мнению разработчиков программы, ведет к «возвышению бюрократии», «деперсонификации экономики» и «подавлению свободы» [22, S. 1742]. Все это дает основание охарактеризовать данную программу как неолиберальную.

Стоит отметить также, что доктрина социально-рыночной экономики, которая стала популяризироваться Л. Эрхардом лишь после валютной реформы в 1948 г., руководствовалась теми же принципами, что и социально-экономическая программа от 31 августа 1947 г. Сам Л. Эрхард, кстати, с октября 1945 г. по декабрь 1946 г. работал в баварском правительстве, занимая пост министра торговли и промышленности [23, S. 41–42] и, судя по всему, еще тогда придерживался неолиберальной платформы, разделяемой экономическим комитетом ХСС. Между прочим, необходимость проведения валютной реформы также являлась программным требованием ХСС еще до 1948 г. Требования оздоровления валюты присутствуют еще в некоторых программах местных ячеек ХСС и в разработках комитета по экономической политике. Социально-экономическая программа от 31 августа 1947 г. также закрепляла это требование, утверждая, что через валютную реформу лежит путь к устранению черного рынка и избытка денежной массы, а также к «возвращению всей экономической и социальной жизни к здоровому базису и началу для экономического восстановления» [22, S. 1747].

Таким образом, если пересмотр экономической платформы ХДС в сторону неолиберальной теории социально-рыночного хозяйства стал осуществляться только в 1948 г., то неолиберальная платформа в ХСС утвердилась уже летом 1947 г. Она органично вплелась в прежние программные установки о третьем пути в экономике, утверждая, что социально ориентированный свободный рынок, базирующийся на христианском нравственном законе – это и есть особый путь между диким капитализмом и любой регулируемой государством экономической системой. Тем самым, в идеологическом отношении принятие теории социально-рыночного хозяйства как предвыборной платформы не являлось для ХСС проблематичным, поскольку ее основные принципы партия разделяла задолго до валютной реформы.

Популяризация теории социально-рыночного хозяйства Л. Эрхардом всячески приветствовалась партийными экономистами, несмотря на то, что практическая реализация этого курса Экономическим советом во Франкфурте вызывала в партии резкую критику. Эпизодически экономисты ХСС даже дистанцировались от Л. Эрхарда, обвиняя его в неумелом руководстве [3, с. 123–126]. Вместе с тем, общие основы

экономической политики не подвергались сомнению. Так, в одном из партийных документов под названием «Принципы экономической политики ХСС в Баварии», датированном серединой 1948 г., говорится, что партия приветствует рыночные методы, «поскольку только они поднимают экономическую инициативу и тем самым производство в необходимом объеме» [24]. В этом документе также впервые прописано, что ХСС «стремится к социально-рыночному хозяйству», суть которого заключалась в согласовании принципов экономической свободы и социальной справедливости. Социальная справедливость в программе сводилась к возможности каждому заработать своим и трудом и к соответствию цен и зарплат. Поэтому одной из задач государства должен был являться контроль за ценами и недопущение их взвинчивания. Кроме того, государство должно было контролировать «производство и сбыт продуктов массового потребления в достаточном количестве и твердые цены» [24]. Окончательное снятие разногласий с Экономическим советом относится к 1949 г.: уже перед выборами в Бундестаг в одной из брошюр «Экономика – наша судьба» ХСС признавал, что разделяет ответственность за экономическую политику не только в Баварии, но и во Франкфурте [25, S. 4]. Перед теми же выборами экономическая программа ХДС «Дюссельдорфские тезисы», базировавшаяся на неолиберальных принципах, стала общей предвыборной программой для ХДС и ХСС.

Таким образом, экономическая платформа ХСС представляла собой поиск «среднего пути» между социализмом и свободным капитализмом. Руководствуясь стремлением соблюсти интересы всех слоев общества, этот путь в идеале своем стремился к тому, чтобы каждый человек стал свободным и самодостаточным собственником, а демократическое устройство своим эквивалентом в экономике имело бы экономическое самоуправление. Поэтому неизменными приоритетами экономических взглядов ХСС стали признание права частной собственности, поддержка предпринимательской инициативы, а также мелких и средних предприятий как воплощение этой инициативы и экономического самоуправления, равно как стремление во что бы то ни стало оградить ответственного мелкого и среднего собственника от чрезмерного экономического влияния не только государства, но и частных монополий. Сам же призыв к социализации крупной собственности в Баварии не прижился, несмотря на то, что ее возможность была прописана в первых программах. Это отличало взгляды ХСС от экономической платформы ХДС. Причиной тому, во многом, была особая экономическая структура Баварии, являвшейся аграрной землей, в которой немногочисленные крупные предприятия и так находились под контролем или в собственности государства.

Экономическая платформа ХСС 1945–1946 гг., закрепленная в первых программах и конституции, стала первоосновой для обращения к позициям неолиберальной модели. Сравнительная легкость перехода к теории социального рыночного хозяйства была обусловлена тем, что даже в 1946 г., при доминировании идеи регулируемой государством экономики, в разработках Христианско-Социального союза уже просматривались черты основ данной теории. Сами экономические принципы ХСС имели куда больше преемственности с предыдущими программами, нежели у ХДС. Фактический переход партии к платформе социального рыночного хозяйства состоялся уже в 1947 г. (т.е. еще до начала ее популяризации Л. Эрхардом), когда, к примеру, тот же ХДС еще стоял преимущественно на антикапиталистических позициях. Все это и дало, в конечном счете, основания к первым выборам в Бундестаг выступить с единой вместе с ХДС экономической платформой, оформленной в «Дюссельдорфских тезисах».

Литература

1. Uertz, R. Christentum und Sozialismus in der frühen CDU : Grundlagen und Wirkungen der christlich-sozialen Ideen in der Union, 1945–1949 / R. Uertz. – Stuttgart : Deutsche Verlags-Anstalt, 1981. – 230 S.

2. Попов, И.Д. Отношения между ХДС и ХСС в первые послевоенные годы (1945–1949) / И.Д. Попов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. – 2008. – № 1. – С. 179–181.

3. Попов, И.Д. Христианско-Социальный союз в Баварии: организационное и идейное становление (1945–1949 гг.) / И.Д. Попов. – Саарбрюкен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 252 с.

4. Zorn, W. Bayerns Geschichte im 20. Jahrhundert : von der Monarchie zum Bundesland / W. Zorn. – München: Beck, 1986. – 790 S.

5. Henzler, Ch. Die Christlich-Soziale Union in den ersten Nachkriegsjahren / Ch. Henzler // Geschichte einer Volkspartei : 50 Jahre CSU – 1945–1995 / Hanns-Seidel-Stiftung; [Red.: Burkhard Haneke ...]. – Grünwald: Atwerb-Verl., 1995. – S. 109–161.

6. ACSP, NL Arnold Wilhelm 2, Programm der Christlich-sozialen Union Nürnberg.

7. Aufruf der Bayerischen Christlich-Sozialen Union München, September / Oktober 1945 // Die CSU 1945–1948 : Protokolle und Materialien zur Frühgeschichte der Christlich-Sozialen Union / hrsg. Im Auftr. des Instituts für Zeitgeschichte von Barbara Fait und Alf Mintzel, unter Mitarb. von Thomas Schlemmer. 3 Teibände. Bd. 3: Materialien, Biographien, Register. – München: Oldenbourg, 1993. – S. 1708–1712.

8. BayHStA, NL Schwalber 5, Was will der Bayerische Volksbund?

9. Programm der Christlich-Sozialen Union für Würzburg-Stadt und –Land // Die Kapitulation von 1945 und der Neubeginn in Deutschland : Symposion an der Universität Passau, 30.-31.10.1985 / hrsg. von W. Becker. – Köln; Wien : Böhlau, 1987. – S. 287–282.

10. BayHStA, NL Pfeiffer 41, Anruf an alle wahlfähigen Männer und Frauen des Landkreises Rottenburg.

11. Gründungsprogramm der Partei der christlich-sozialen Einigung in Bayern vom 15. November 1945 // Geschichte einer Volkspartei : 50 Jahre CSU – 1945–1995 / Hanns-Seidel-Stiftung; [Red.: Burkhard Haneke ...]. – Grünwald: Atwerb-Verl., 1995. – S. 433–436.

12. Mintzel, A. Geschichte der CSU: Ein Überblick / A. Mintzel. – Opladen: Westdt. Verl., 1977. – 498 S.

13. Die Dreißig Punkte der Union, 31. Oktober 1946 // Die CSU 1945–1948 : Protokolle und Materialien zur Frühgeschichte der Christlich-Sozialen Union / hrsg. Im Auftr. des Instituts für Zeitgeschichte von Barbara Fait und Alf Mintzel, unter Mitarb. von Thomas Schlemmer. 3 Teibände. Bd. 3: Materialien, Biographien, Register. – München: Oldenbourg, 1993. – S. 1734–1741.

14. Die Verfassung des Freistaates Bayern vom 2. Dezember 1946 // Die Verfassung des Freistaates Bayern vom 2. Dezember 1946: Kommentar / begründet von Dr. Hans Nawiasky.

Hrsg. Claus Leusser, Karl Schweiger, Erich Gerner, Hans Zacher. – 2. überarb. Auflage. – München, 1976. – S. 1–35.

15. ACSP, NL Müller Josef C63, Die Wirtschaftliche Ziele der Christlich-Sozialen Union in Bayern vom 25.05.1946.

16. ACSP, NL Müller Josef C63, J. Semler an den Landesvorstand der Christlich-Sozialen Union in Bayern, den 27. 05.1946.

17. ACSP, NL Müller Josef C63, Unsere Wirtschaft vom 4.3.1946.

18. ACSP, NL Müller Josef C63, Dr. Hans von Eicken an Josef Müller, 18. März 1946.

19. ACSP, NL Müller Josef C63, Vorschläge zur bayerischen Wirtschaftspolitik und Neu-Ordnung der bayerischen Wirtschaftskontrollstellen, 23.01.1947.

20. Погорлецкий, А.И. Экономика и экономическая политика Германии в XX веке / А.И. Погорлецкий. – Санкт-Петербург: Изд-во Михайлова В.А., 2001. – 682 с.

21. ACSP, NL Müller Josef C63, Niederschrift über die Sitzung des Wirtschaftspolitischen Ausschusses des Christlich-Sozialen Union in Bayern den 11.08.1947.

22. Wirtschafts- und Sozialprogramm der Christlich-Sozialen Union in Bayern, 31. August 1947 // Die CSU 1945–1948 : Protokolle und Materialien zur Frühgeschichte der Christlich-Sozialen Union / hrsg. Im Auftr. des Instituts für Zeitgeschichte von Barbara Fait und Alf Mintzel, unter Mitarb. von Thomas Schlemmer. 3 Teibände. Bd. 3: Materialien, Biographien, Register. – München: Oldenbourg, 1993. – S. 1742–1752.

23. Hentschel, Volker. Ludwig Erhard : ein Politikerleben / Volker Hentschel. – München: Olzog, [1996]. – 712 S.

24. ACSP, NL Müller Josef C63, Wirtschaftspolitische Richtlinien der CSU in Bayern.

25. BayHStA, NL Pfeiffer 42, Wirtschaft ist unser Schicksal.

Сокращения

ACSP – Archiv für Christlich-Soziale Politik
BayHStA – Bayerisches Hauptstaatsarchiv

Рецензент – В.А. Саблин, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории и исторических дисциплин, декан исторического факультета ВоГУ.

I.D. Popov

DEVELOPMENT OF THE ECONOMIC DOCTRINE OF THE CHRISTIAN SOCIAL UNION IN THE EARLY POST-WAR YEARS

The article deals with the economic doctrine of the Christian Social Union in Bavaria in the early post-war years on case study of Bavarian archives. The conclusion was drawn that the market principles were widely presented in the early CSU programmes, and in 1947 (it's almost a year before the currency reform and popularization of the social market economy by Ludwig Erhard) the CSU completely embraced the neoliberal economic doctrine.

Christian Social Union, Christian Democratic Union, Christian socialism, neoliberalism, L. Erhard, social market economy, Bavaria, Germany.

УДК 94(47).084

В.А. Саблин
Вологодский государственный университет

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНЕ В ПЕРИОД АГРАРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917–1918 гг.

Статья посвящена формированию в деревне Европейского Севера России земельных комитетов и их реорганизации в структурные подразделения низовых Советов. Показана роль земельных органов в процессе формирования нового аграрного строя. Изучена политическая обстановка на Европейском Севере страны в эти годы. Отмечена роль низового земельного аппарата в ходе масштабного передела земли в 1917–1918 гг.

Земельные комитеты, земельные отделы Советов, аграрная революция, партия большевиков, партия социалистов-революционеров (эсеров), национализация земли, уравнительный передел.

Аграрная революция, в короткий срок приведшая к смене поземельных отношений в России, являлась ярчайшим примером стихийного нормотворчества деревенских масс, при этом сочетавшим в себе и важнейшие элементы институирования формирующегося нового аграрного строя.

В статье рассматривается процесс создания земельного аппарата в 1917–1918 гг. на Европейском Севере России, в Архангельской, Олонецкой, Вологодской и выделившейся из нее летом 1918 г. Северо-Двинской губерниях. Осуществление в этом регионе аграрных преобразований имело свои особенности и во много определялось своеобразием социально-экономических отношений, характером землепользования, национального состава населения, политической обстановки.

Всероссийское Временное правительство, пришедшее к власти после падения монархии в феврале 1917 г., учреждает земельные комитеты, на плечи которых планировалось возложить все вопросы подготовки законопроектов масштабной земельной реформы к Всероссийскому Учредительному собранию, изучение своеобразия хозяйственных условий, и выработку приемлемых методов решения аграрного вопроса. Историки в основном единодушны в оценках состава и структуры земельных комитетов, начиная Главного земельного комитета, созданного 21 апреля 1917 г., заканчивая губернскими, уездными и волостными, как органов, отражающих демократическую стадию Великой Российской революции. Общим мнением является и то, что низовые земельные комитеты с лета 1917 г. фактически инициировали аграрный переворот, возглавив начавшийся стихийный передел земли и ликвидацию земельной собственности [9]. В Вологодской губернии, земельные комитеты были организованы в 200 волостях из 282, и аграрное движение отличалось здесь наибольшим динамизмом среди всех губерний Европейского Севера [3, с. 302–3012]. Политическое руководство земельными комитетами, начиная с Главного земельного комитета, стремилась осуществлять партия эсеров – самая влиятельная партия в крестьянской стране. 19 и 20 августа 1917 г. эсеровская редакция «Известий Всероссийского Совета крестьянских депутатов» опубликовала Примерный наказ о земле, составленный на основе 242 наказов, привезенных с мест делегатами I Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов (май 1917 г.), как своего рода проявление воли многомиллионного российского крестьянства. Основу Наказа составляли требования безвозмездной отмены частной собственности на землю и обращения ее в общенародное достояние, с последующим использованием на уравнительных началах. Заведование землей предлагалось передать в руки земельных комитетов.

На Европейском Севере в условиях катастрофического малоземелья интересы мелкого крестьянского двора приходили во все большее противоречие с интересами государства – главного земельного собственника в регионе. Одновременно растет напряжение в отношениях общинной деревни с немногочисленным слоем частных владельцев земли (помещиками, хуторянами и отрубниками). По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.средний размер землевладения, приходящийся на одно частновладельческое хозяйство в Архангельской губернии, был даже несколько ниже показателя обеспеченности землей общинных дворов (4,4 дес. против 5,1 дес.), в Олонецкой губернии он, наоборот, превосходил в несколько раз площадь крестьянских наделов (1248,4 дес. против 37,4 дес.). Важнее, однако, сопоставить распределение земли в целом между крестьянами и частными владельцами. Если в Олонецкой губернии в частном владении находилось 33,9% земли, то в Архангельской лишь 7,6%. Такое положение явилось следствием постепенного роста крестьянского землевладения за счет частновладельческих и казенных земель путем покупки земли у помещиков непосредственно или через Крестьянский банк, в небольшой степени – за счет казенной земли, поступившей к крестьянам в виде дополнительных наделов в ходе дореволюционного землеустройства. Данный вывод находит подтверждение в результатах ретроспективного

сопоставления объемов крестьянской и частновладельческой земли за 1887–1917 гг. По данным частичного земельного обследования, проведенного ЦСУ РСФСР в 1922 г., в регионе из каждых 100 десятин частной и крестьянской земли на собственно крестьянские земли в 1887 г. приходился 71%, а на владельческие – 29%, в 1905 г. эта пропорция составляла 86% и 14%, в 1917 г. – 94% и 6% [1, с. 13].

Такая специфика поземельных отношений в регионе нашла свое отражение в характере крестьянских представлений о путях справедливого решения аграрного вопроса. Достаточно емко эту специфику иллюстрируют ответы крестьян на вопросы специальных анкет, проводимых в июле–августе 1917 г. губернскими земельными комитетами с целью конкретизации «Общего плана деятельности комитетов по подготовке земельной реформы», составленного Главным земельным комитетом. В Вологодской губернии анкета носила название «Вопросник к разрешению земельной реформы в Вологодской губернии». В распоряжении исследователя имеется всего 42 заполненные анкеты, которые все же позволяют получить представление об изначальном характере крестьянских требований в аграрной революции [7, с. 26–37]. Примечательно то, что сам характер вопросов понуждал респондентов к оценке ими аграрных проблем в масштабах государства. Поэтому полученные данные во многом тождественны сводному крестьянскому Наказу о земле, что еще раз подтверждает его общекрестьянский характер (по крайней мере, соответствует мнению общинной части сельского социума). Тем не менее, региональная специфика крестьянских требований в них прослеживается довольно рельефно. Абсолютным представлялось требование упразднения частной собственности на землю во всех ее видах. Примечательно, что наиболее радикально предлагалось решить судьбу частных земель, сдававшихся в аренду (в условиях региона это, как правило, помещичьи земли). Бесспорным в глазах крестьянства выглядело и требование конфискации «владельческого» сельскохозяйственного инвентаря. В силу своеобразия взаимоотношений крестьянских сообществ с «казной» и «уделом» логичным выглядело требование передачи заведования лесами в руки народа или крестьянских организаций (80% ответов).

Наиболее предпочтительной формой землепользования признавалось общинное пользование (деревня была единодушна в неприятии артельного земледелия), при этом в большинстве ответов содержалось предложение о бессрочном переделе земли (58–60% ответивших) по трудовой или, реже, потребительской норме. Своеобразный общинный эгоизм проявлялся в отказе в наделении землей приписного и живущего на стороне населения (52% и 59% ответов).

В соседнем с Вологодской губернией Шенкурском уезде Архангельской губернии аналогичная анкета «О желательности направления земельной реформы» вызвала живейший интерес крестьянства. Сводный анализ ответов на нее был опубликован уже в 1918 г.[1] Мнение шенкурских крестьян о реформе практически не расходилось с мнением вологжан. Отличием являлось то, что уезд был единодушен в признании прав на землю только за приписным населением, и то, что шенкурская деревня категорически высказалась за недопустимость отвода земли под хутора и отруба. Существовавшие в уезде 254 хуторских двора предлагалось немедленно свести в общинный пай. Так, уже в июне 1917 г. первый уездный крестьянский съезд вынес резолюцию «за скорейшее уничтожение злейшего врага крестьянина – столыпинского землеустройства» [5, с. 30].

Все вышесказанное объясняет тот факт, что уже в марте 1917 г. на Европейском Севере отмечены выступления крестьян, направленные на разгром помещичьих усадеб, раздел хуторов и удельных земель. Массовый характер приняли самовольные порубки в казенных лесах. К осени 1917 г. стихия «черного передела» затронула даже самые глухие селения северных губерний. Формы и методы его проведения достаточно хорошо освещены в советской литературе. Они мало чем отличались от поведения крестьянства других регионов страны. Правда, степень напряжения крестьянской борьбы была здесь гораздо ниже (в течение мая–октября 1917 г. в Архангельской и Вологодской губерниях было зафиксировано всего 14 антипомещичьих выступлений).

Главная причина определенной сдержанности северного крестьянства состояла в том, что государственную деревню всегда отличал разумный практицизм. Как уже отмечалось, надеяться на солидную прирезку частновладельческой земли крестьянин не мог. Здесь фактически исчез слой помещиков, в отношении которого крестьяне бывшей крепостной деревни проявляли крайние формы насилия. От аграрной реформы северная деревня ждала не только ликвидации земельной собственности, но, в первую очередь, упорядоченного землепользования и возможной прирезки наделов за счет казенных лесов. Находившиеся под влиянием партии эсеров общественные и исполнительные органы (волостные комитеты, волостные земства, продовольственные комитеты, кооперативы, крестьянские Советы и их исполкомы, земельные комитеты), представлявшие в глазах деревни начала демократической власти, по своему составу были в основном крестьянскими и искренне пытались справедливо решить возникавшие в деревне проблемы. Так, в составе волостных комитетов Вологодской губернии 76% членов являлись крестьянами, во вновь избранных волостных земствах также преобладали крестьяне. Особенно это было заметно в Архангельской губернии, в которой земства создавались впервые в 1917 г.

Вряд ли все же эсеровская аграрная программа целиком определяла поведение крестьян. Ситуация многовластия, граничащая с безвластием и анархией, провоцировала деревню на независимые самостоятельные действия, воспринималась как свобода от всяких обязательств перед государством и обществом. С осени 1917 г. крестьянские выступления стали отличаться большим радикализмом. Связано это было с ростом нетерпения, общей усталостью от неопределенности обстановки и ухудшения экономической ситуации.

Последующий ход революции привел к свержению Временного правительства в октябре 1917 г. и приходу к власти партии большевиков во главе с В.И. Лениным. Среди первых законов новой власти, принятых на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, был Декрет о земле, ос-

[1] Вестник земельно-лесного дела. 1918. № 10. С. 22–28.

нову которого составил опубликованный эсерами в августе 1917 г. Примерный наказ о земле, включенный в текст Декрета без единой поправки.

Согласно Декрету решение земельных вопросов возлагалось на низовые советские органы. Поскольку Советы в то время существовали далеко не везде, новое правительство решает использовать созданные повсеместно земельные комитеты, предварительно переизбрав их. Деятельность низовых земельных комитетов должна была строиться по принципу строгой согласованности с работой Советов там, где они были, и вышестоящих земельных комитетов. В качестве временной инструкции для волостных земельных комитетов советское правительство решило в этот период использовать резолюцию I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов от 23 июня 1917 г. Предлагалось избрать низовые земельные комитеты на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права при тайном голосовании. Все распоряжения земельных комитетов, утвержденные уездными Советами крестьянских депутатов, получали силу закона и должны были безусловно и немедленно проведены в жизнь[2].

13 декабря 1917 г. было опубликовано утвержденное Советом народных комиссаров 4 декабря 1917 г. «Положение о земельных комитетах и об урегулировании ими сельскохозяйственных отношений»[3]. По этому закону на обязанности волостных земельных комитетов лежало приведение в исполнение постановлений по земельным делам «центральной власти» и вышестоящих земельных комитетов, выполнение поручений вышестоящих земельных комитетов по собиранию необходимых для земельной реформы сведений, составлению соображений и заключений по вопросам реформы и выполнение действий, необходимых для нее подготовительных действий.

Губернским и уездным комитетам предписывалось произвести учет всех земель и сельскохозяйственного инвентаря, изъять их из владения частных лиц, выделять «культурные имения» и охранять их от обесценения, организовывать в них хозяйства, распределять земельный фонд и инвентарь в уравнительно-трудовое пользование, разрешать земельные споры и др.

Переворот, совершенный большевиками в октябре 1917 г., мало изменил общеполитическую ситуацию в северной деревне. Вместе с тем Декрет о земле был воспринят как некая санкция на самостоятельность действий в аграрном вопросе. Так, например, 27 ноября 1917 г. на совместном заседании Подпорожского волостного земельного комитета Олонецкой губернии с представителями волостных земской и продовольственной управ было принято решение «взять в свое ведение самоуправления волостного земства и земельного комитета все казенные, частновладельческие, крестьянские, церковные, монастырские и удельные земли, как пахотные, покосные и лесные площади на всей территории своей волости, как народное достояние, и быть распорядителями до введения нормальной жизни в законодательном порядке Учредительным собранием не допуская никакого расхищения»[4]. В течение зимы 1917–1918 гг. деревня готовилась к масштабному переделу земли весной 1918 г.

Позиция всех губернских земельных комитетов в крае, занятая ими по отношению к Декрету о земле, определялась в первую очередь все той же расстановкой политических сил в первые месяцы после переворота. В них, как и в большинстве уездных Советов и земельных комитетов, главенствовали меньшевики и правые эсеры, отказавшиеся признать легитимность действий большевиков. Поэтому не случайно вслед за Главным земельным комитетом, занявшим открыто антибольшевистскую позицию и объявившим Декрет о земле незаконным и недействительным [4, с. 58] в начале ноября 1917 г. Архангельский и Вологодский губернские земельные комитеты высказались также за непризнание новой власти[5]. Олонецкая губернская земельная управа разослала на места циркуляр с призывом саботировать аграрные законы Совета Народных комиссаров[6].

Председатель Олонецкого губернского земельного комитета и член Олонецкой губернской земской управы И.А. Кищенко (1877–1942) прямо заявлял, что «не разделяет совершенно политики современной правительственной власти СНК, что до сего времени он боролся с этой политикой, где как мог и намерен бороться впредь»[7]. Отказавшись признать центральные советские органы Олонецкий губернский земельный комитет на своей III сессии (31 октября – 15 ноября 1917 г.) принимает решение о необходимости «согласовывать свои действия с Олонецким Советом, поскольку он не идет за большевистским правительством»[8].

Призывам губернских земельных органов последовали Вельский, Усть-Сысольский, Шенкурский, Яренский и некоторые другие уездные земельные комитеты на Севере[9]. Руководство Усть-Сысольского уездного земельного комитета скрыло от населения решения II Всероссийского съезда Советов по земельному вопросу. По сведениям Н.Д. Иванова телеграмма с текстом Декрета о земле была уничтожена [2, с. 23].

Тем не менее, уже в конце декабря 1917 г. – начале 1918 г. были переизбраны уездные комитеты в Сольвычегодске (21 декабря 1917 г.)[10] и Каргополе, началась перестройка волостных земельных комитетов[11]. В целом по стране этот процесс закончился к февралю 1918 г. [6, с. 126]. Поскольку размежевание большевиков с эсерами завершилось на Европейском Севере в основном весной 1918 г. [10, с. 49–50], реорганизация земельных комитетов замедлилась и проводилась не всегда последовательно.

17 февраля 1918 г. Первый Архангельский губернский съезд рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в резолюции по земельному вопросу под-

[2] Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 35. С. 68.
[3] Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 221–224.

[4] Центральный государственный архив Карельской Республики (ЦГА КР). Ф. 108. Оп. 1. Д. 2/17. Л. 139.
[5] Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 105. Оп. 16. Д. 1. Л. 11; Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 267. Оп. 1. Д. 4. Л. 19.
[6] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 6. Д. 815. Л. 3 об.
[7] РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 813. Л. 56 об. –57.
[8] ЦГА КР. Ф. 108. Оп. 1. Д. 2/16. Л. 10 об.
[9] РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 589. Л. 37 об.
[10] Великоустюгский Центральный архив (ВЦА). Ф. Р-54. Оп. 1. Д. 8. Л. 96.
[11] РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 589. Л. 17 об.

черкнул, что «вся земля, весь лес, недра и воды обращаются во всенародное достояние. Заведование и непосредственное распоряжение ими принадлежит земельным комитетам, которые должны действовать на основе положения, изданного Советом Народных Комиссаров»[12]. 28 февраля 1918 г. открылось заседание IV сессии губернского земельного комитета, на котором был решен вопрос о реорганизации земельных органов в губернии[13]. Основываясь на решениях губернского съезда Советов, предписывалось переизбрать губернский и уездные комитеты в полном соответствии с Положением от 13 декабря 1917 г. Состав волостных земельных комитетов был изменен. Число членов в них по сравнению с Положением заметно увеличивалось[14].

По имеющимся данным, к весне 1918 г. переизбрание и реорганизация земельных комитетов в Архангельской губернии была осуществлена лишь в Онежском, Кемском и частично в Шенкурском уездах. В остальных – наряду с перевыборами земельных комитетов предстояло заново создать земельный аппарат в целом ряде волостей. К примеру, в Мезенском уезде в 30% волостей земельные органы к тому времени вовсе не создавались[15].

Структура вновь созданных органов была довольно разветвленной. Например, при губернской земельной управе были созданы секретариат, бухгалтерия, плановый архив, хозяйственное делопроизводство, а также 13 специальных отделов: административно-организационный, литературный, земельной реформы, колонизационный, лесной, лесоустроительный, хозяйственных заготовок, статистико-экономический, водно-промысловый, мелиоративный, землемерный, по разработке недр, агрономический[16].

Земельный комитет Олонецкой губернии всячески противился реорганизации комитетов, яро отстаивая их самостоятельность и прежнюю структуру, находя в этом поддержку со стороны эсеровского руководства губернии. 30 января 1918 г. в Петрозаводске начал работу III Олонецкий губернский съезд крестьянских депутатов. Большевистская фракция на съезде была представлена 44 депутатами (28,4%). Съезд высказался за передачу власти Советам, подчерну в, что «никакого Учредительного собрания, кроме Советов, быть не может»[17]. На «соединенном» заседании земельной комиссии съезда и губернского земельного комитета было принято Положение «О желательности направления земельной реформы в Олонецкой губернии в связи с ее особенностями»[18], но вопрос о перевыборах земельных комитетов в губернии не рассматривался до конца февраля 1918 г. Все же когда он был поставлен в повестку дня IV сессии губернского земельного комитета (21января / 8 февраля), земельная управа сделала все возможное, чтобы свести на нет требования Положения СНК от 4 декабря 1917 г. Было принято решение «о самостоятельности земельных комитетов, как чисто крестьянских организаций». Мало того, провозглашалось право «референдума по земельному законодательству». Вопрос о передаче того, или иного «центрального закона» на референдум должен был решаться губернской земельной управой и исполкомом Совета крестьянских депутатов[19].

Сессия приняла решение не переизбирать волостные комитеты, а лишь пополнить состав губернского и уездных земельных комитетов за счет членов исполкомов Советов вместо представителей земства, «в случае его упразднения»[20]. В свою очередь структура губернского и уездных земельных комитетов слегка перестраивалась. Отныне уездный земельный комитет должен был состоять из отделов земельного, лесного, трудовой кооперации и общего. Губернский соответственно – земельного, лесного, трудовой кооперации, общего и технического (землемерие и гидротехника). Агрономическая часть входила в состав земельного отдела. Все другие специалисты приглашались в земельный комитет по мере надобности[21]. Состав губернской земельной Управы был увеличен с 3 до 5 членов. На сессии принимается решение о делегировании А.Т. Королева в Главный земельный комитет при ВЦИКе[22].

Примечательно, что для укрепления своих позиций Олонецкий губернский земельный комитет апеллировал к авторитету разогнанного большевиками Учредительного собрания и принятого 27 января 1918 г. ВЦИК и СНК РСФСР «Основного закона о социализации земли». В опубликованной земельным комитетом «Временной инструкции земельным комитетам Олонецкой губернии о порядке принятия в свое ведение всех земель, лесов, вод и недр и распоряжения ими» отмечалось: «С принятием пятого января сего 1918 года Всероссийским Учредительным Собранием первых десяти пунктов основного закона о земле и утверждением и опубликованием основного закона о социализации земли, Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Совета Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов с другой, право собственности на землю в пределах Российской Республики отменено и все земли со всеми их недрами, лесами и водами объявлены общенародным достоянием, а распоряжение этими землями, недрами, лесами и водами предоставлено центральным федеративно-областным органам и органам местного самоуправления»[23].

Уже принятые решения губернский земельный комитет не спешил проводить в жизнь. Только после того, как низовые Советы начинают самостоятельно преобразовывать земельные комитеты, губернская земельная управа была вынужден послать 6 апреля 1918 г. циркуляр о выборах «на ближайшем сельском сходе»членов волостных земельных комитетов. Причем реорганизация уездных земельных комитетов

[12] Борьба за установление Советской власти на севере. Сборник документов. Архангельск, 1959. С. 161.
[13] Вестник Архангельского губернского земельного комитета. 1918. № 1. С. 3.
[14] Положения, принятые IV сессией Архангельского губернского земельного комитета. Архангельск, 1918. С. 11–13.
[15] Вестник Архангельского губернского земельного комитета. 1918. № 1. С. 27.
[16] РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 61. Л. 110.
[17] Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии. Сборник документов и материалов. Архангельск, 1959. С. 152.
[18] Известия Олонецкого губернского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. 28 марта.
[19] РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 813. Л. 50, 52 об.
[20] РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 813. Л. 53.
[21] ЦГА РК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 3/19. Л. 21–22.
[22] ЦГА РК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 2/18. Л. 246–246 об.
[23] ЦГ А РК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 3/19. Л. 144.

должна была произойти лишь после того, как таковая завершится в волостях. Руководствоваться при этом предлагалось Положением о земельных комитетах от 4 декабря 1917 г. и журнальным постановлением 4 сессии губернского земельного комитета от 21 января / 8 февраля 1918 г.[24] Затянувшееся решение этого вопроса привело к тому, что в губернии 15% волостных земельных комитетов сохранили свою изначальную структуру до июня 1918 г. Данный вывод основан на анализе сведений волостных земельных отделов, посылаемых в губернских земельный отдел Олонецкого губисполкома, в ответ на его запрос от 6 июля 1918 г. Автору удалось обобщить полученные сведения по 7 уездным и 82 волостным отделам, что составляло 70% всех земельных органов губернии[25].

Обособленное от Советов, хотя и под их руководящим влиянием, функционирование земельных комитетов и после реорганизации вряд ли устраивало власть. В этом качестве они не могли быть использованы в полной мере для реализации аграрной политики. С другой стороны, сосредоточив основное внимание на вопросах учета и распределения земель и исчерпав свои задачи, они стали непригодны для проведения последующих земельных преобразований. Уже в декабре 1917 г. Народный комиссариат внутренних дел принял специальную инструкцию по организации Советов рабочих и солдатских депутатов, в которой уже содержались указания о создании земельных отделов Советов. Наибольший размах организация земельных отделов Советов приобрела после опубликования 19 февраля 1918 г. «Основного закона о социализации земли»[26]. В составе исполкомов Советов начали создаваться земельные органы с гораздо более широкими, чем у земельных комитетов функциями. Таковой орган – первый на Европейском Севере – был сформирован в Вологодском уезде. 29 января 1918 г. исполком Вологодского уездного Совета рабочих и солдатских депутатов принял решение о слиянии волостных и уездного земельного комитетов с Советами и образования при местных Советах земельных отделов. Уездный земельный отдел подразделялся на подотделы: статистический, лесной, культурно-организационный. Во главе отдела стоял комиссар, назначаемый уездным исполкомом из числа его членов[27]. В конце января 1918 г. в Великоустюгском уезде земельные комитеты были также преобразованы в земельные отделы Советов[28].

Решение о слиянии земельных комитетов с Советами в Вологодской губернии и создании при последних земельных отделов было принято на III сессии губернского земельного комитета (5–12 февраля 1918 г.). Во главе отдела создавалась коллегия, которая из своей среды избирала комиссара земельного отдела[29]. 3 апреля 1918 г. объединенный губернский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов утвердил структуру земельных органов губернии. Губернский земельный отдел состоял из следующих подотделов: земельно-исполнительного, государственного земельного фонда, переселения, агрономическо-экономического, лесоустроительного, гидротехнического и землемерно-технического. Штат сотрудников утверждался в 116 человек[30]. Отдел возглавляла коллегия, при которой существовала финансово-хозяйственная и инспекторская части, а также делопроизводство. Заведование коллегией возлагалось на комиссара[31]. Уездные земельные отделы состояли из коллегии во главе с комиссаром и двух подотделов – земельного и лесного. Состав сотрудников утверждался в 16 человек. Волостные отделы организовывались из трех членов коллегии, делопроизводителя, его помощника и сторожа[32].

Согласно указанной инструкции были реорганизованы земельные комитеты в уездах. 1–7 апреля 1918 г. был реорганизован Сольвычегодский уездный земельный комитет, а вскоре и земельные комитеты во всех 40 волостях уезда[33]. В Яренском уезде примерно в это же время был реорганизован уездный земельный комитет, а в апреле 1918 г. во всех волостях уезда были ликвидированы комитеты и созданы земельные отделы при волисполкомах[34]. По решению Третьего Никольского уездного крестьянского съезда при уездном исполкоме 16 апреля 1918 г. была сформирована земельная коллегия, а к середине мая земельные отделы были созданы во всех 37 волостях уезда[35].

Создание земельных органов при Советах Архангельской губернии началось в апреле 1918 г. 24 апреля приказом комиссара земельно-лесного отдела губисполкома все земельные комитеты переименовывались в земельно-лесные отделы Советов. Земельные управы соответственно в земельные управы земельно-лесных отделов Советов[36].

К концу июля 1918 г. земельно-лесные отделы в губернии были переименованы в земельно-лесные комиссариаты. Во главе губернского комиссариата стояла коллегия, включавшая в себя пятерых сотрудников. При коллегии выделялись секретариат, плановый архив, хозяйственное делопроизводство, бухгалтерия, административно-организационный отдел. При комиссариате функционировали: земельный, лесной, лесоустроительный, лесных хозяйственных заготовок, статистико-экономический, водно-промысловый, мелиоративный, землемерно-технический, агрономический и литературный подотделы[37].

Провозглашенная в июле 1918 г. реорганизация земельных органов в губернии не была доведена до практической стадии воплощения. 2 августа в Архангельске была свергнута Советская власть. Во многом формальное, преобразование земельных и сохранение структуры бывших земельных комитетов в неизменном виде позволило руководству Верховного Управления Северной области – правительству, созданному в Архангельске после свержения Советской власти,

[24] ЦГА РК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 3/19. Л. 24–25.
[25] ЦГА РК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 2/18. Л. 230 об. –231; Д. 8/84. Л. 1–118.
[26] Вестник отдела местного управления Комиссариата внутренних дел. 1918. № 4. С. 2, 4.
[27] ГАВО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 1. Л. 57; Д. 4. Л. 20.
[28] ГАВО. Ф. 267. Оп. 1. Д.1. Л. 91.
[29] ГАВО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–12; Д. 4. Л. 61 об.
[30] ГАВО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 58. ЛЛ. 4, 6–8 об.
[31] ГАВО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 4. Л. 73.
[32] ГАВО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 58. Л. 6, 7, 8 об.
[33] ВЦА. Ф. Р-54. Оп. 1. Д. 8. Л. 96 об.
[34] ВЦА. Ф. Р-54. Оп. 1. Д. 8. Л. 148.
[35] ВЦА. Ф. Р-54. Оп. 1. Д. 8. Л. 30–31.
[36] ГААО. Ф. 105. Оп. 5-а. Д. 1. Л. 1.
[37] РГАЭ. Ф. 478. Оп. 3. Д. 61. Л. 76.

уже 15 августа 1918 г. восстановить земельные комитеты в их прежних правах[38]. Правда, руководствуясь идеями создания всесословной демократической власти, уже через месяц, 14 сентября, архангельское правительство упраздняет земельные комитеты, передав всеземельные дела восстановленным земским органам [8, с. 735–741]. Началу ликвидации земельных комитетов в Олонецкой губернии послужили решения I очередного губернского съезда земельных отделов (5–12 июня 1918 г.)[39]. Съезду предшествовала довольно упорная борьба с властями Губернского земельного комитета во главе с И.А. Кищенко за самостоятельность земельных комитетов. Объявление о созыве съезда было отправлено на места 30 апреля 1918 г.[40] К тому времени из имеющихся сведений из 82 волостей губернии в 20% были уже в январе – начале февраля 1918 г. образованы волостные земельные отделы[41]. Власти настаивали на ликвидации земельных комитетов. Так уже 31 мая 1918 г. Каргопольский уездный комиссариат земледелия при уездном Совет настаивал на том, что «земельные комитеты, как самостоятельные учреждения существовать не должны, а должны быть отделы при губернском, уездных и волостных Советах»[42]. Тем не менее, И.А. Кищенко в своем докладе «Об объединении деятельности всех земельных органов губернии» попытался убедить съезд в необходимости сохранить самостоятельность земельных комитетов. Отметив, что «в губернии функционирует чуть ли не четыре вида земельных органов – земельные комитеты, земельные отделы при Совдепах, Комиссариаты земледелия и земства», он подчеркивал, что правовые основания для деятельности имеют лишь земельные комитеты, созданные по Положению СНК от 4 декабря 1917 г., а «остальные же этого рода учреждения действуют в лучшем случае по положению, составленному кустарным способом у себя дома, а то и просто без всякого положения, ни в чем никому никаких гарантий не дающих и вносящих своей разноголосицей в сложное земельное дело путаницу и хаос». Его призыв сохранить за земельными органами, как бы они не назывались, «полную самостоятельность и независимость в земельных вопросах»[43] не был услышан, а ему самому вскоре придется покинуть свой пост.

26 июня 1918 г. состоялось заседание вновь избранной губернской земельной коллегии, на котором была определена новая структура губернского земельного отдела[44]. Отдел состоял из земельного, лесного, кооперации труда, организационного, хозяйственного подотделов и бухгалтерии. Внутри всех подотделов выделялись специальные части: агрономическую, гидротехническую, землемерно-техническую и рыболовство[45]. Преобразование уездных земельных комитетов в земельные отделы в губернии затянулось и было завершено в июле–августе 1918 г.[46] Это запаздывание вовсе не означало, что в волостях при Советах земельные отделы не создавались. По нашим подсчетам к июню 1918 г. в 67% волостей Олонецкой губернии работали земельные отделы. В данном случае низовые Советы опережали Центр[47].

Окончательное завершение процесса реорганизации земельных органов было связано с размежеванием большевиков с левыми эсерами. Возглавлявшие Вологодский и Олонецкий губернские земельные отделы левые эсеры А.А. Садиков и И.В. Курилов были смещены с занимаемых постов в июле-августе 1918 г., а их место заняли большевики[48].

К концу лета 1918 г. на Европейском Севере действовали 3 губернских земельных отдела, 27 уездных, 620 волостных и 9 городских на правах волостных отделов. Соответственно в Архангельской губернии по данным на конец июля 1918 г. – 10 уездных, 2 городских и 202 волостных[49], в Вологодской губернии по данным на 5 июня 1918 г. – 10 уездных и 292 волостных[50], в Олонецкой губернии на конец августа 1918 г. – 7 уездных, 7 городских, 126 волостных земельных отделов[51].

Как видим, созданные органы не были едиными ни по своей структуре, ни по функциям, носили разнообразное название, что в полной мере зависело от степени организации деревенских масс, глубины и степени социально-экономических проблем, встававших перед земельными органами.

Разнобой в организационной структуре земельных органов был преодолен осенью 1918 г. На основе «Временного положения о Комиссариате земледелия, земельных отделах, съездах земельных отделов и инструкторском надзоре Северной области»[52], принятого в Петрограде I областным съездом земельных отделов и сельскохозяйственных коммун 1–7 октября 1918 г.[53]структура губернских и уездных земельных органов была приведена в соответствие со структурой областного Комиссариата земледелия.

Завершившийся в основном к осени 1918 г. «черный передел» земли вскоре потребовал создания при земельных отделах новых структур по упорядочиванию землепользования и землеустройства. При отделах создаются такие подразделения, как технический совет, подотделы земельной политики, коммун, землемерно-технический, агрономический, лесной, земельных улучшений, статистико-экономический, культурно-просветительский, сметно-финансовый (бухгалтерия), и секретарская часть. Волостные земельные отделы состояли из коллегии во главе с председателем и канцелярии[54].

Таким образом, характер деятельности низовых земельных органов в течение 1917–1918 гг. на Европейском Севере России дает основание для выводов о том, что предшествующий строй аграрных отношений и общее направление аграрной политики в России

[38] ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 143. Л. 1; Д. 149. Л. 140.
[39] ЦГАРК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 310, 311; Д. 32/16. Л. 64.
[40]ЦГАКР. Ф. 108. Оп. 1. Д. 2/18. Л. 236.
[41] ЦГА РК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 8/84. Л. 1–113.
[42] ЦГА РК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 2/18 . Л. 204 об–242.
[43] ЦГА РК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 1/5 . Л. 293–295 об.
[44] РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 813. Л. 64.
[45] ЦГА РК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 310, 311; Д. 3/19. Л. 53–54.
[46] ЦГА РК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 7/66. Л. 2-а.
[47] ЦГА РК. Ф. 108. Оп. 1. Д. 8/64. Л. 1–113.
[48] РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 813. Л. 73; Д. 1194. Л. 69.
[49] ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 136. Л. 35–38 об.
[50] ГАВО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 4. Л. 73.
[51] ЦГА КР. Ф. 108. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 88 об.
[52] Краткий обзор деятельности Комиссариата земледелия Союза коммун Северной области (июнь–октябрь 1918 г.). Пг., 1918. С. 11.
[53] ЦГА КР. Ф. 108. Оп. 1. Д. 3/19. Л. 130.
[54] ЦГА КР. Ф. 108. Оп. 1. Д. 3/19. Л. 132–137 об.

обусловили своеобразие аграрного переворота, когда социально-политические тенденции превалировали над организационно-производственными.

Созданные Временным правительством земельные комитеты были призваны провести серию подготовительных мероприятий для предстоящей земельной реформы. На практике земельные комитеты явились действенным инструментом аграрной революции в интересах деревни: ликвидации земельной собственности и распределения земли на уравнительных началах. Пришедшие к власти в октябре 1917 г. большевики пошли на компромисс с деревней, сохранив земельные комитеты в роли самостоятельных крестьянских организаций, оставив им при этом прежние функции. Однако по мере усиления своего политического влияния в крестьянской стране и размежевания с эсерами, большевики последовательно «инкорпорировали» земельные органы в структуру Советов, с целью последующей реорганизации земельного строя.

Литература

1. Бляхер, Я. Современное землепользование / Я. Бляхер // Народное хозяйство СССР за 1923/4 год. IV статистико-экономический ежегодник. – Москва, 1924.

2. Иванов, Н.Д. Первые шаги к социализму / Н.Д. Иванов. – Сыктывкар, 1967.

3. История северного крестьянства. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1985. – Том 2. Крестьянство Европейского Севера в период капитализма.

4. Колотинская, Е.Н. Правовые основы советского земельного кадастра / Е.Н. Колотинская. – Москва, 1974. – Ч. 1.

5. Овсянкин, Е.И. Огненная межа / Е.И. Овсянкин. – Архангельск, 1997.

6. Першин, П.Н. Аграрная революция в России / П.Н. Першин. – Москва, 1966. – Кн. 2. Аграрные преобразования Великой Октябрьской социалистической революции (1917–1918 гг.).

7. Саблин, В.А. Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917–1921. (Социальные и экономические результаты) / В.А. Саблин. – Вологда, 2002.

8. Саблин, В.А. Food Policy of White Power in the European North of Russia in the 1918–1920 years. Продовольственная политика Белой власти на Европейском Севере России в 1918–1920 гг. / В.А. Саблин // Bylye Gody. 2015. Vol. 37. Is. 3. С. 735–741.

9. Хитрина, Н.Е. Аграрная политика Временного правительства в 1917 году / Н.Е. Хитрина. – Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2001. – 382 с.

10. Шумилов, В.И. Великий Октябрь на Европейском Севере России / В.И. Шумилов // Вопросы истории Европейского Севера. – Петрозаводск, 1978.

Рецензент – Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ.

V.A. Sablin

LAND AUTHORITIES IN A NORTHERN VILLAGE DURING THE AGRARIAN REVOLUTION OF 1917–1918

The article provides an overview of the process of formation of land committees and their reorganization into structural divisions of local Soviets in the European North of Russia villages. The role of land authorities in the process of formation of the new agrarian system is traced. The political situation of the European North of Russia during the given period is studied. It also seems necessary to define the importance of local land authorities in the process of large-scale redistribution of the land in 1917–1918.

Land committees, land departments of the Soviets, agrarian revolution, the Bolshevik Party, the Party of Socialist-Revolutionaries (SRs), nationalization of the land, equalizing redistribution.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 13

П.Н. Барышников, С.А. Заварзина
Пятигорский государственный лингвистический университет

ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ ФИГУРАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ: ОТ АНАЛОГИИ К ИНФЕРЕНЦИИ

Адекватное употребление фигуративных выражений остается приоритетом человеческого языка перед искусственными интеллектуальными системами. Связано это с такими плохо формализуемыми компонентами естественной семантики как аналогия, инференция, метафора, интуитивный вывод, ситуативный контекст, пресуппозиция. В данной статье речь идет способах вычислительного представления фигуративной семантики и об ограничениях вычислительных моделей. Мы исходим из утверждения, что информационное измерение языковой системы накладывает структуру правил на нестрогую семантику естественного языка, содержание которой кластеризируется в рамках речевого и феноменального опыта субъекта. Машинные семантические процедуры протекают в рамках готовой формальной модели. Ключевая проблема состоит в том, что компьютерные модели охватывают лишь некоторый диапазон дескриптивного представления знания. Формальное представление пресуппозиции и контекстуального знания всегда ограничено конечной дескриптивной моделью. В то время как в фигуративной семантике используются подвижные механизмы непрямого вывода. Данные тезисы подтверждаются на примере концептуально-семантического анализа аналогии и инференции, как механизмов непрямого вывода.

Аналогия, метафора, концептуализация, инференция, контекст, искусственный интеллект.

Введение

Компьютерная лингвистика еще на самой заре своего становления обладала романтической притягательностью и философскими чертами. Решение проблемы вычислимости языковых процессов и создание компьютерных моделей, пригодных для обработки текста (машинный перевод, синтаксический анализ, распознавание речи и т.д.) открыло широкие горизонты для развития языковых человеко-машинных интерфейсов. Попытки формализовать семантику естественного языка были далеки от успехов синтаксического машинного анализа, т.к. сталкивались с глобальной философской проблемой референции и онтологическим измерением отношений имени и вещи.

Моделирование семантических процессов позволяет раскрыть глубинные механизмы смыслопорождения при употреблении языковых выражений и смыслоизвлечения при интерпретации текста и дискурса. Достижения в области компьютерного моделирования когнитивных процессов достигли такого уровня, что уже возможно как традиционное движение «от языка к мышлению», так и «от мышления к языку» [28, с. 202–230]. При этом важно понимать, что результаты машинной обработки языка останутся всегда лишь эффективной имитацией языковой деятельности.

В данной работе рассматриваются важнейшие когнитивные механизмы, такие как аналогия (аналогистическая метафоризация) и инференция в контексте семантических процессов. Авторы не разделяют оптимизм сторонников вычислительных подходов и ставят своей целью продемонстрировать интуитивные невычислимые компоненты фигуративной семантики естественного языка.

1. Выводное знание по аналогии

Аналогия является одним из ключевых когнитивных механизмов вывода, который известен человечеству с древнейших времен. В силлогистике Аристотеля мы видим классификацию выводов по трем типам: дедуктивные, индуктивные и выводы по аналогии. Этот тип вывода или обоснования принятия решения распространен в опыте обыденной жизни, в научном познании и даже в когнитивных механизмах животных [5]. Аналогия традиционно определяется как рассуждение, в котором на основании сходства некоторых признаков двух или более предметов (систем предметов) или явлений делается вывод об их сходстве относительно других признаков.

Если объект (явление или процесс) A обладает признаками a, b, c, d, e и объект (явление или процесс) B обладает признаками a, b, c, d, то *возможно*, что (явление или процесс) B обладает признаками a, b, c, d, e. При таком умозаключении предполагается отношение импликации: $a \wedge b \wedge c \wedge d \rightarrow e$. Этот же принцип вероятностного атрибутивного переноса лежит в основе многих стилистических фигур, в том числе и в процессах метафоризации.

Далее мы рассмотрим подробнее механизмы выведения знания по аналогии в классической силлогистике и искусственных интеллектуальных системах. Это необходимо для обоснования тезиса о том, что базовые принципы семантического переноса и замещения реализуются даже на уровне неабстрагирован-

ного принятия решений, т.е. аналогия вычисляется. Аналогия (как строгая, так и нестрогая) как выводной механизм вычислим в случае строго определения терминов и атрибутов. Метафора, в основе которой лежит принцип переноса по сходству, выглядит как «поэтическое» нарушение правил вывода по аналогии, и в этом случае аналогия невычислима.

1.1. Структура суждений по аналогии

Известно, что логическая операция аналогии подразделяется на два вида: аналогию свойств и аналогию отношений. Аналогия свойств (1) указывает на вероятностную наследуемую причинно-следственную связь между признаками двух или нескольких объектов.

Пример нестрогой аналогии свойств:

(1)
A (a ^ b ^ c ^ d ^ e),
B (a ^ b ^ c ^ d),
◊ B (a ^ b ^ c ^ d ^ e).

Если Adam съел пирожки, конфеты, апельсин, молоко и отравился, а Bob съел пирожки, конфеты, апельсин, и молоко, то, возможно, что Bob съел пирожки, конфеты, апельсин, молоко и тоже отравился

В аналогии отношений используется информация, которая характеризует принцип связи между предметами или явлениями и переносится с модели на прототип. Описание свойств связи обосновывает комбинаторную процедуру вывода.

Например:

(2) *IF "boat" + "gold" = "old goat",*
THEN "slot" + "pick" = "ick plot".

или

(3) *IF "boat" + "gold" = "gold boat",*
THEN "cactus"+"green" = "green cactus".

В примере (2) описание связи R (+) сводится к правилам буквенных комбинаций (правила сортировки) непроизвольных слов из четырех букв:

$a,b,c,d \wedge Ma1, b1, , c1, d1 \rightarrow Nb1, , c1, d1 \wedge Ma1, b,c,d.$

В то время как в примере (3) описание связи R (+) сводится к синтаксической коллокации прилагательного и существительного: Sub + adj = (adj + sub).

Другими словами – аналогия свойств описывает логические сущности, аналогия отношений – природу их связей. Очевидно, что правила вывода по аналогии отношений контекстуально более зависимы и требуют строгого описания сущностных свойств переменных.

Два этих вида операции вывода по аналоги делятся на строгие, нестрогие и ложные. В строгой аналогии свойств, если из совокупности признаков M={a,b,c,d} для объекта A с необходимостью следует признак e, то наличие у объекта B совокупности признаков M с необходимостью обусловливает наличие признака e: a ^ b ^ c ^ d →e. Такой механизм вывода применим как для логико-рациональных процедур человеческого познания (например, в экспериментальной науке или математических доказательствах), так и для искусственных интеллектуальных процедур, например, в экспертных системах или в системах поддержки принятия решений. Степень вероятности нестрогой аналогии P(a) лежит в интервале [1; 0], где 1 – истина, а 0 – ложь, т.е. 1 > P(a) > 0. При этом если P(a) = 0, то мы получаем заключение по ложной аналогии.

Аналогия как механизм логического вывода является неотъемлемым компонентом индуктивных умозаключений, JSM-метода, вывода на основе прецедентов (CBR) и т.п. [1]. Важно подчеркнуть, что в естественном языке аналогистическая семантика носит интуитивный характер. Выражения "like a bolt from the blue" или "out of the blue", "thunderstruck" или "a bombshell", объединенные концептом [Suddenness], обладают метафорической синонимией и связаны системой понятий, выраженной лишь косвенно через иконический изоморфизм денотатов и концептуальные оппозиции (рис. 1).

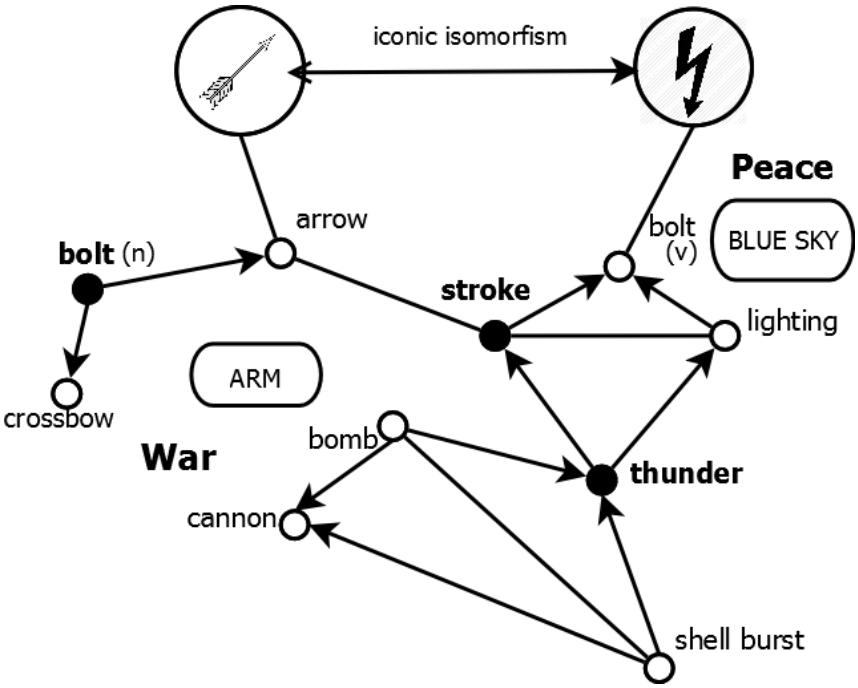


Рис. 1. Ассоциативно-метафорическая структура концепта [Suddenness]

Очевидно, что в естественном языке при метафоризации не соблюдаются логические правила аналогии. То есть:

- количество общих признаков может не превышать одного или общий признак может быть неявным, ассоциативным;
- признаки могут быть несущественными;
- общие признаки могут не иметь связи с переносимым признаком.

Основная проблема при построении искусственных интеллектуальных систем кроется в наличии факторов информационной нестабильности:

- поиск решения в условиях временных ограничений;
- отсутствие полного описания исходной информации, необходимого для решения;
- вариативность поиска;
- наличие нечетких, размытых данных;
- необходимость коррекции и введения дополнительной информации в базу знаний системы при поиске решения [27].

Важно понимать, что любое информационное измерение языковой системы накладывает структуру правил на нестрогую семантику естественного языка, содержание которой кластеризируется в рамках речевого опыта и опыта осмысленного существования. Машинные семантические процедуры протекают в рамках готовой формальной модели, даже если речь идет о самообучающихся системах.

В естественном языке способ переноса признаков и свойств не зависит от времени и не имеет строго описанной концептуальной онтологии. Как рождаются метафоры? Какова роль механизма аналогии при переносе свойств по сходству? На эти вопросы когнитивные науки и, в частности, лингвистическая семантика пытаются ответить последние пятьдесят лет. Существуют подходы, в рамках которых получены нетривиальные результаты: Conceptual Metaphor Theory (CMT), Context-Limited Simulation Theory of Metaphor (CLS), Lexical Concepts and Cognitive Models Theory and Metaphor, (LCCM), A Discourse Dynamics Framework for Metaphor, Computational Interpretation of Metaphor и т.д.

Рассмотрим некоторые нерешенные проблемы в рамках вычислительных подходов в исследованиях фигуративной семантики.

1.2. Семантическая комбинаторика и интуитивный вывод

В современных компьютерных моделях особую роль занимает Метод аналогистического мэппинга в лексических онтологиях Method of Analogical Mapping in Lexical Othologies ([25], [10], [14], [22]). Трудно переоценить роль аналогии как когнитивной процедуры в человеческом мышлении. Аналогия играет ключевую роль в фигуративной семантике и, в частности, в генезисе метафор. Теоретическое противостояние классического объективизма и эксперенциализма в когнитивных науках ставит остро вопрос семантической природе машинных процедур вывода, основанных на знании. Начиная с 80-х годов XX в. специалисты в области искусственного интеллекта пытаются формализовать и алгоритмизировать человеческий предметный опыт, т.к. именно опыт контакта с реальностью, а не просто абстрактные операции, лежит в основе семантики языкового выражения. При развитии компьютерных систем стало возможным представить предметный опыт в виде расширенных баз данных и предметных онтологий. Другими словами, машинные операции вывода имеют дело не с реальными предметами и не с переменными программного синтаксиса, а с сущностными отношениями между информационными объектами. Для компьютерной системы в онтологии предмет и значение сливаются на информационном уровне.

В чем суть онтологического представления предметной области и человеческого знания через отношения «сущность-связь»? На этот вопрос существует три вида ответов: лингвистический, компьютерный и философский. В лингвистическом понимании, берущем начало в классической философской проблеме следования правилу, онтология – это наложение ограничений на концептуализацию, представленную в базе знаний. Сама база знаний включает в себя множество объектов, связанных между собой определенными отношениями, и представленных через строгий декларативный словарь [11]. То есть онтология – это организованный определенным образом перечень понятий. (Пример лингвистической онтологии – системная классификация видов животных и растений К. Линнея). В компьютерном понимании онтология предметной области представляет собой набор формальных параметров входящих компонент и правил ограничений, заданный на языке исчисления предикатов. В компьютерных системах «на логическом уровне каждой онтологии соответствует некоторая теория (сигнатура и аксиомы), а иногда и некоторая фиксированная модель (множества, последовательность операций и система отношений) [26]. Основное отличие компьютерной трактовки онтологии от лингвистической состоит в формализуемости системы и возможности машинной обработки. Математический подход определяет онтологию как многосортную алгебраическую систему $S = \langle U, R, F, C \rangle$, где U – множество сортов, R – множество отношений, F – множество функций, C – множество констант, а база знаний – является подсистемой этой алгебраической системы [29].

Основная трудность построения формальной онтологии языкового метафорического опыта, состоит в том, что аналогия как механизм построения реляционной системы нестабильна. Современное программное обеспечение (например, «Ontorion Fluent Editor») легко справляется с аристотелевской таксономической трактовкой метафоры, где метафора – это результат сравнения двух сущностей, расположенных на родовидовых ветвях одного дерева. Но метафора – явление ассиметричное без возможности буквального прочтения с глубокими контекстуальными коннотациями.

Ключевой проблемой для человекоподобных интеллектуальных машинных процедур является опыт социальной коммуникации и речевой деятельности. Человеческие «базы знаний» и «базы данных» пополняются за счет спонтанной аналогии схожих признаков. Принципы определения изоморфизма вариатив-

ны и размыты. В этой размытости и состоит «мерцание» метафорических выражений, неуловимое для лингвистических процедур искусственного интеллекта, которые опираются на протокольные дескрипции типа:

(4)	*DINOSAUR – a person with incredibly outmoded ideas.*	*Dinosaur* is a *being*. *Person* is a *being*. Dinosaur (attr.) – *die out*, ***very rare*** *species.* *Outmoded ideas* (attr.) – ***very rare.*** *Outmoded ideas* is-a-part-of Person. **Conclusion:** *Person with outmoded ideas has the attributes of the very rare species as a dinosaur.*

При этом в употреблении естественного языка аналогии могут ветвиться по совершенно непредсказуемым ассоциациям: *Very rare* ***as*** *the last specimen* → *The last of the Mohicans*→ *relict*→ *living fossil (e.g.:* That man has all the ways of a living fossil).

На наш взгляд, сегодня наиболее эффективные попытки компьютерного представления метафорических знаний сводятся к созданию полных онтологических дескрипций и базам лексических парафраз. Механизм аналогии не последнюю роль играет в онтологическом представлении концептуальных метафор ([13], [24], [19]). Этот подход берет начало из концептуальной теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джоносона, основной тезис которой состоит в том, что концептуальная структура человеческого знания носит метафорический характер [15]. Ключевая проблема состоит в том что компьютерные модели охватывают лишь некоторый диапазон дескриптивного представления фигуративной семантики языкового выражения. Формальное представление пресуппозиции и контекстуального знания всегда ограничено конечной дескриптивной моделью. В то время как в фигуративной семантике используются подвижные механизмы непрямого вывода.

2. Инференция и фигуративная семантика

2.1. Инференция как когнитивный механизм

Принцип аналогии, который задействован при построении метафоры, является ведущим принципом и в процессе осуществления инференции. Инференция – механизм восстановления информации, эксплицитно не представленной в тексте. Восстановление происходит за счет взаимодействия семантического пространства языка с фоновым знанием интерпретатора и обусловливается зависимостью речевого смысла от познавательного опыта человека. В результате данного процесса происходит активация скрытой, вероятностной, ассоциативной информации. Принцип аналогии предполагает, что интерпретация происходит с предпочтением тех вариантов выводов на основе инференции, которые коррелируют с аналогичными представлениями, имеющимися в опыте интерпретатора. Таким образом, инференцию можно рассматривать и как процесс генерирования знания, выводимого на основе лингвистических и экстралингвистических принципов, и как результат такого процесса.

Инференция является одной из самых важных проблем обработки естественного языка. Характерно, что человек осуществляет инференцию с опорой на интуицию, догадки и гипотетические суждения на основе особой когнитивной структуры. Специфика этой когнитивной структуры состоит в взаимообусловливающих связях между языковыми значениями и возможными семантическими интерпретациями, выводимыми из таких связей. Интерпретации, в свою очередь, обладают признаками алгоритма с варьирующимися шагами, число которых может быть достаточно велико, а предел варьирования не всегда задается. Важно отметить, что автоматизированная интеллектуальная система (ИС) владеет только строгими алгоритмическими правилами вычисления вывода с заранее прописанным количеством шагов, составляющих целостный алгоритм. Сегодня перед специалистами в области искусственному интеллекту стоит задача смоделировать процесс машинного понимания текстов на естественном языке, имитируя когнитивную деятельность человека.

Инференции, которые производит человек в речемыслительной деятельности, основываются на непрямом выражении смысла и происходят с опорой на широкий круг фоновых знаний: языка, энциклопедических знаний, знаний контекста. Особенностью применения фоновых знаний человеком является то, что его фоновые знания всегда подстраиваются под контекст. И в этом отношении искусственному интеллекту очень сложно сравниться с человеком.

Кроме этого, принципиально сложным и важным для компьютерных исследований является то, что выводная информация интерпретатора сопровождается эмоционально-оценочными характеристиками на основе его перцептивного опыта, которые не поддаются строгой стереотипизации и алгоритмическому моделированию. Инференция построена на том, что у человека всегда есть ожидания о дальнейшем развитии ситуации, и эти ожидания зачастую эмоционально маркированы, вследствие чего и сам процесс инференции маркирован наличием эмоционально-психологической предустановки [30]. На основании каждого высказывания человек строит вывод, который может уточняться последующим высказыванием, следовательно, ожидания могут нарушаться, эмоциональный фон трансформируется, а инференциальный вывод соответственно изменяется. Инференция приспосабливается к контексту, является контекстно-зависимой, а надобность в ней может вообще исчезать за счет расширения контекста.

Среди сложностей, возникающих при строгом алгоритмическом моделировании речевой коммуникации, с которыми сталкивается ИС, целесообразно выделить следующие:

- смысловая размытость языковых выражений;
- вариативность языковой системы;
- образность номинации;
- контекстуальность;
- омонимия;
- гибкость в передаче эксплицитной и имплицитной информации.

С одной стороны, необходимо учитывать ограничения накладываемые контекстом на интерпретацию отдельных высказываний. С другой – для заполнения семантических лакун в структурно-смысловом пространстве текста деталями, которые не эксплицированы в нем, требуется знание релевантных фактов, схем опыта, сценариев, по которым разворачивается та или иная стереотипизированная ситуация, а также представление о возможных путях отклонения от такого рода сценариев.

2.2. Алгоритмизация непрямого вывода

Для репрезентации знаний в ИС задействуются различные схематические представления. Теория схем [2], понимаемая как представление упорядоченных структур, которые включают сеть взаимосвязанных компонентов, признаков того или иного концепта, стала использоваться как «модель человеческого познания». Причем последнее представляется как процесс категоризации с опорой на систему релевантных признаков. В терминологии Л. Талми схематизацией называется процесс отражения мира действительности в языке [23].

Понятие схемы включает сеть взаимосвязей, удерживающих составляющие элементы концепта в рамках единой системы. Компоненты схем связаны различными системно-структурными отношениями, отсюда ожидания о ходе событий и возможность для интерпретатора осуществить инференцию. Ассоциативность мышления образует когнитивный стержень семантических связей, а инференция обеспечивает поиск смысловых связей через ассоциации. В примере

(5) *Steven put a canary into a cage.*

выводным знанием, получаемым в ходе инференции, является выражение «canary is a bird pet». Исходя из семантических отношений, мы знаем, что [canary→bird], отсюда [bird→fly] и [fly → free to go away]. Здесь мы имеем следующую ассоциативную зависимость [cage→ people want to prevent free to go away], далее [people want to prevent to go away → pet]. Таким образом, активация [bird] и [cage] и таких дополнительных цепочек схемы как [fly], [free to go away], позволили прийти к выводу «canary is bird pet», так как мы знаем из опыта, что [pet birds live in cages] [17].

Знание когнитивных структур является базисом для формирования контекстных ожиданий, позволяющих спрогнозировать будущие события. Структуры знаний о мире помогают человеку ориентироваться в ситуации, однако большую роль играет способность человека достраивать схемы и оценивать их с точки зрения правдоподобности и релевантности.

В ИС негибкий характер схем является недостатком и требует учета влияния контекста на них. Для того чтобы автоматизировать вычисление небуквальных смыслов с достаточной степенью адекватности, необходимо преодолеть следующие проблемы:

- создание обширных баз знаний, которые могли бы охватить значительную часть метафорического опыта;
- конструирование и алгоритмическое моделирование таких схем репрезентаций знаний, которые подходили бы для логики здравого смысла с ее нестрогой «игровой» семантикой;
- развитие методов инференции и контролирующих механизмов, способных производить релевантные инференции со скоростью человека [12].

Любой текст в ИС трансформируется в графическое дерево, которое показывает его основные концепты в качестве узлов и лексические отношения по краям (edges). Различные узлы связаны общим фондом знаний. Фонд знаний, используемый в процессе инференции, включает значительный по объему набор семантических связей между концептами. Все слова с одинаковым значением связаны в концептуальный узел, представляющий это значение. Подтверждение данному тезису мы находим во многих работах ([21], [4], [18], [6], [3], [20]).

В процессе инференции вырабатывается своего рода алгоритм для нахождения семантических связей между концептами. Чем теснее прочнее межконцептные связи в фонде знаний интерпретатора, тем более вероятной становится инференция. Сложность заключается в определении путей, которые связывают лексические элементы текста с базой знаний и объединяют их между собой в соответствии с контекстом каждого предложения. За счет пересечения путей происходит усиление семантических связей в базе данных.

В процессе инференции в поиске семантических связей можно выделить несколько взаимообусловленных уровней:

1) уровень лексических отношений, который позволяет определить и объяснить отношения между лексическими единицами текста;

2) уровень предложения;

3) уровень текста.

Роль инференции заключается в разрешении неоднозначности, которая возникает в многоуровневой системе текста. Строгая алгоритмическая форма функционирования искусственного интеллекта плохо приспособлена к интерпретации реальных смысловых приращений в структуре дискурса и к разрешению различного рода неясностей, понимание которых зависит от речевого контекста.

В некоторых случаях на инференцию приходится опираться для установления референта. Например, если говорящий сообщает, что ему предстоит полет на самолете, у интерпретатора активизируется схема [Транспорт], что объясняет употребление определенного артикля при первом упоминании о спасательном жилете в следующем примере:

(6) *After she had found her seat she checked whether the life vest was beneath it.*

При интерпретации следующего примера человек никогда не допустит ошибки, а для ИС он может быть неоднозначным:

(7) *John gave the dog the sandwich. It wagged its tail.*

В данном случае необходимо так настроить автоматическую систему, чтобы она корректно вычислила, какое из существительных, упомянутых в первом высказывании, выступает антецедентом местоимений *it* и *its* во втором высказывании.

Сбои в работе механизмов вычисления происходят также и на синтаксическом уровне за счет неверной фиксации субъекта и объекта действия, субъекта и результата действия, субъекта действия и самого

действия. Например, в тех случаях, когда у главного предложения имеется и субъект, и объект действия, сложность возникает в определении того, кто именно выступает субъектом осуществления действия. Эта классическая синтаксическая проблема является, в основном, семантической и зачастую связана с употреблением в англоязычном тексте различных по статусу глагольных форм, соотносимых с одним или разными актантами-субъектами. Инференция и общие знания лингвистического и экстралингвистического плана играют существенную роль в данных случаях и помогают учитывать релевантные концептуальные факторы. Например:

(8) *a) My supervisor talked to me about [being absent so often].*

b) My supervisor talked to me about [approving the raise] [16, с. 434].

Грамматическая структура представленных предложений полностью идентична, они имеют один и тот же предикат (talk), однако отличается контролер, эксплицированный или имплицированный субъект действия / состояния. Во втором предложении значение лексических единиц *approve* и *raise* активирует схему «ОТНОШЕНИЯ РАБОТНИКА И РАБОТОДАТЕЛЯ», что позволяет сделать вывод о том, что работодатель контролирует уровень заработной платы подчиненного и, следовательно, субъектом действия выступает именно работодатель. В первом же предложении имеется в виду, что подчиненный часто отсутствовал на рабочем месте, на основании чего можно сделать вывод о том, что в данном случае субъектов у глагольных форм два. Показательно, что в русском переводе предложение из первого примера трансформируется в сложноподчиненное, в то время как предложение из второго примера останется простым по синтаксической структуре.

В свою очередь предложение «Jane carried a girl with the spade.» может быть проинтерпретировано двойственно, в связи с тем, что после глагола «carry» может употребляться только один объект или же объект и инструмент:

a) The girl with the spade (= it was the girl who had a spade that Jane carried).

b) Jane used the spade to carry the girl (carried + with the spade), где spade = instrument.

Сложной проблемой для ИС является то, что в естественном языке слова могут иметь несколько значений. Полисемия как отношения между множественными значениями слова по своей природе, подобно метафоре, также во многих случаях строится по механизму аналогии, вследствие чего мы зачастую говорим о метафоре как о механизме образования новых значений уже существующих лексических единиц.

Подобная концептуальная многозначность (conceptual polysemy) представляет собой результат семантического потенциала профилей когнитивных моделей, доступ к которым активируется лексическим концептом, например:

How is the book? [=TEXT]

The book is interesting. [LEVEL OF INTEREST]

The book is heavy. [=TOME]

It is a long book. [=DURATION]

Лексический концепт BOOK обеспечивает доступ к схемам знаний, которые представляют отношения между концептами, когнитивными моделями и их атрибутами. Если использовать результаты анализа В. Эванса, то в данной модели можно выделить следующие профили [9]:

В примерах, представленных выше, контекст употребления определяет путь доступа от лексического к ментальному концепту через профили когнитивных моделей посредством высвечивания (‘salience/prominence’) [16] (‘highlighting’) [7] того или иного атрибута, ассоциируемого с данной моделью. В процессе инференции происходит активация концептуального содержания, закодированного когнитивной моделью. Лексические концепты прямо и опосредованно обеспечивают доступ к различным областям ассоциаций в концептуальной системе. Лексика маркирует связь когнитивных моделей между собой при семантическом согласовании других языковых компонентов. Отсюда можно заключить, что каждая когнитивная модель представляет собой сложную структуру знаний, предоставляющую доступ через ассоциации и семантические связи к другим когнитивным моделям, что позволяет разделить когнитивные модели на первичные и вторичные, и при этом доступ к последним осуществляется не напрямую, а опосредованно через первичные модели [8].

Данное разграничение позволяет объяснить разделение значений на прямые и переносные. В следующем примере *Freud is tough to read. → Freud’s writings are tough to read,* Freud означает произведения (Freud’s writings), созданные человеком. Рассмотрим схематический профиль модели [FREUD].

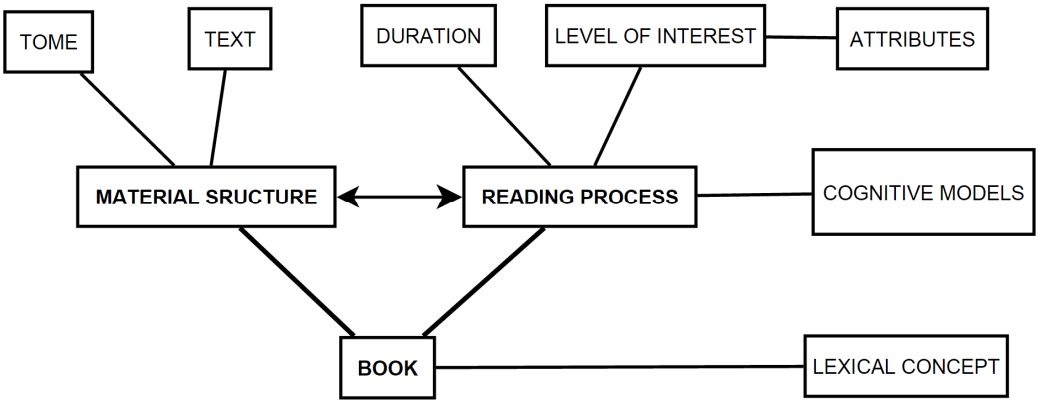


Рис. 2. Схема когнитивной модели для концепта [BOOK]

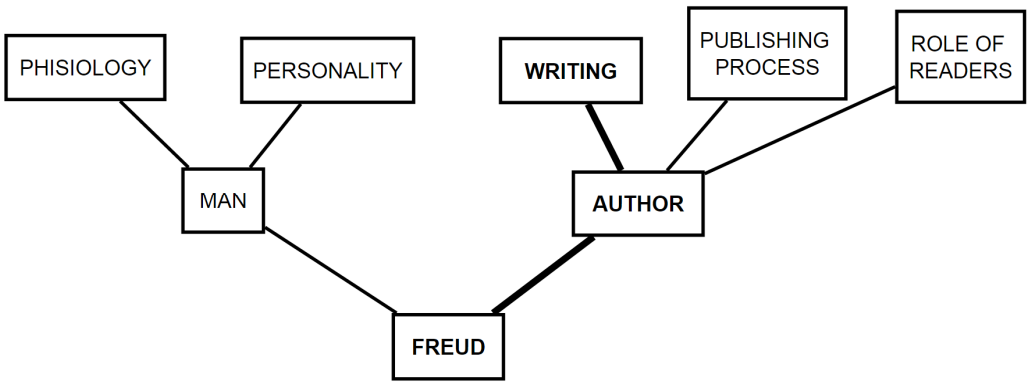


Рис. 3. Схема когнитивной модели для концепта [FREUD]

Небуквальная интерпретация связана с активацией вторичной когнитивной модели [WRITINGS]. Несмотря на сложности разграничения центральных и периферийных когнитивных моделей, данное качественное разграничение является существенным для структурирования непрямого значения, в том числе метафоры и метонимии.

Выводы

Суммировать вышеизложенные рассуждения можно в виде нескольких тезисов. Аналогия представляет собой ключевой когнитивный механизм процесса метафоризации. При этом логическая структура аналогии вполне поддается строгому формальному описанию. Концептуально-семантическая структура метафоры основывается на принципах переноса, которые выводимы из опыта осмысленного существования. Концептуальные шаблоны метафоризации закреплены в текстах культуры, при этом индивидуальный опыт языкового употребления порождает непредсказуемые ассоциативные пути, зависящие от множества факторов (ситуативный контекст, пресуппозиция, уровень фоновых знаний, тип интуитивно-сенсорной чувствительности и т.д.). Онтологическое представление предметной области метафорических выражений сталкивается с проблемой непрямого интуитивного вывода, основанного на «мерцающих» семантических компонентах. Компьютерные модели охватывают лишь некоторый диапазон дескриптивного представления фигуративной семантики языкового выражения.

Ключевой когнитивный механизм непрямого вывода – инференция – представляет собой сложную совокупность логических и ассоциативных процедур семантической «реставрации» языкового выражения. Формальное моделирование инференции усложняется неясными семантическими связями между фоновыми знаниями и контекстом. Вероятностные показатели инференции зависят от межконцептных связей в фонде знаний интерпретатора. Автоматизированное вычисление небуквальных смыслов возможно только при формализации механизмов контроля релевантности языкового выражения. Извлечение контекстуальной информации из текста и дискурса требует особой концептуально-ассоциативной базы знаний, основанной на опыте произвольного построения метафорических выражений. Логико-синтаксические структуры и квантитативные методы представления абстрактной языковой системы в компьютерных моделях пока не способны адекватно представить семантику естественного языка как результат когнитивной деятельности.

Литература

1. Anshakov, O.M. The JSM method: A set-theoretical explanation [Text] // Automatic Documentation and Mathematical Linguistics, 2012. № 5, vol. 46, 202–220. DOI 10.3103/S0005105512050020.

2. Bartlett, B. Remembering: a study in experimental and social psychology [Text] // British Journal of Educational Psychology, 1933. № 2, vol. 3, 187–192. DOI 10.1111/j.2044-8279.1933.tb02913.x.

3. Bobrow D.; Condoravdi C.; Crouch R.; Kaplan R.; Karttunen L.; King T.; Paiva, V. de; Zaenen, A. A basic logic for textual inference. Proceedings of Workshop AAAI, 2005. [Электрон. ресурс] Режим доступа: https://www.aaai.org/Papers/Workshops/2005/WS-05-05/WS05-05-008.pdf

4. Charniak, E. A neat theory of marker passing. [Text] // Fifth National Conference on Artificial Intelligence. Morgan Kaufmann, 1986.

5. Clive, D.; Wynne, P.; Monique, A.; Udell, P. Animal Cognition. Evolution, Behavior and Cognition. [Text] New York: Palgrave Macmillan, 2013. – 296. ISBN 978-0-230-29422-6.

6. Coppin, B. Artificial intelligence illuminated. [Text] Boston MA: Jones and Bartlett Publishers, 2004. ISBN 978-0763732301.

7. Evans, V. How words mean. Lexical concepts, cognitive models, and meaning construction. [Text] Oxford, New York: Oxford University Press, 2009. – xv, 377. ISBN 9780199234660.

8. Evans, V. Metaphor, lexical concepts, and figurative meaning construction [Text] // Journal of Cognitive Semiotics, 2013. № (1-2), vol. 5, 73–107.

9. Evans, V. Conceptual vs. Inter-lexical Polysemy: An LCCM Theory Account. [Text] // Language and thought: Contemporary cognitive linguistics. M. Languages of Slavic Culture, 2015. ISBN 978-5-9906039-9-8.

10. Fred, A.; Dietz, J.; Liu, K.; Filipe, J. Knowledge Discovery, Knowledge Engineering and Knowledge Management: First International Joint Conference, IC3K 2009, Funchal, Madeira, Portugal, October 6-8, 2009, Revised Selected Papers: Springer, 2011. ISBN 9783642190315.

11. Gruber, T.R. Towards Principles for the Design of Ontologies Used for Knowledge Sharing. [Text] // International Journal of Human-Computer Studies, 1994. № 5/6, vol. 43, 907–928.

12. Harabagiu, S.M.; Moldovan, D.I. A parallel system for text inference using marker propagations [Text] // IEEE Transactions on Parallel and Distributed Systems, 1998. № 8, vol. 9, 729–747. DOI 10.1109/71.706046.

13. Huang, C.-R.; Chung, S.-F.; Ahrens, K. An Ontology-Based Exploration of Knowledge Systems for Metaphor. [Text] // Ontologies. Boston, MA. Springer US, 2007, 489–517. ISBN 978-0-387-37019-4.

14. Krawczyka, D.C.; Holyoak, K.J.; Hummel, J.E. The One-to-One Constraint in Analogical Mapping and Inference [Text] // Cognitive Science, 2005, vol. 29, 797–806.

15. Lakoff, G.; Johnson, M. The Metaphorical Structure of the Human Conceptual System [Text] // Cognitive Science, 1980. № 4, 195–208.

16. Langacker, R. Cognitive Grammar: A basic introduction: Oxford University Press, 2008. ISBN 9780195331967.

17. Mazzone, M. Crossing the Associative/Inferential Divide: Ad hoc Concepts and the Inferential Power of Schemata [Text] // Review of Philosophy and Psychology, 2014. № 4, vol. 5, 583–599. DOI 10.1007/s13164-014-0201-8.

18. Norvig, P. Inference in text understanding. [Text] // Proceedings. AAAI-87, Sixth National Conference on Artificial Intelligence : July 13–17, 1987. Los Altos, Calif. Kaufmann, 1987. ISBN 9780934613422.

19. Raad, E.; Evermann, J. The role of analogy in ontology alignment: A study on LISA [Text] // Cognitive Systems Research, 2015, vol. 33, 1–16. DOI 10.1016/j.cogsys.2014. 09.001.

20. Russell, S.; Norvig P. Artificial intelligence: a modern approach. [Text] Pearson Education, 2010. ISBN 978-0136042594.

21. Scragg, G. Semantic nets as memory models. [Text] // Computational semantics. Amsterdam et al, 1978, 101–128.

22. Spellman, B.A.; Holyoak, K.J. Pragmatics in Analogical Mapping [Text] // Cognitive Psychology, 1996, vol. 31, 307–346.

23. Talmy, L. How language structures space. [Text] // Spatial orientation: theory, research, and application. N. Y. Plenum, 1983, 225–282.

24. Trausan-Matu, S. Metaphor processing for learning terminology on the Web. [Text] // Artificial intelligence: methodology, systems, and applications. 9th international conference ; proceedings. Berlin. Springer, 2000, 232–241. ISBN 3-540-41044-9.

25. Veale, T. Re-representation and creative analogy: A lexico-semantic perspective [Text] // New Generation Computing, 2006. № 3, vol. 24, 223–240. DOI 10.1007/ BF03037333.

26. Бениаминов, Е. Некоторые проблемы широкого внедрения онтологий в IT и направления их решений / Е. Бениаминов // Труды Симпозиума «Онтологическое моделирование». – Москва, 2008. – С. 71–82.

27. Еремеев, А.П. Моделирование рассуждений на основе прецедентов в интеллектуальных системах поддержки принятия решений / А.П. Еремеев, П.Р. Варшавский // Искусственный интеллект и принятие решений. – 2009. – № 2. – С. 45–57.

28. Кибрик, А.Е. Когнитивный подход к языку / А.Е. Кибрик // Компьютеры, мозг, познание: успехи когнитивных наук / под ред. Б.М. Величковского, В.Д. Соловьева. – Москва: Наука, 2008. – С. 202–230.

29. Клещев, А.С. Математические модели онтологий предметных областей. Ч. 1. Существующие подходы к определению понятия «онтология» / А.С. Клещев, И.Л. Артемьева // Научно-техническая информация. – 2001. – № 2. – Серия 2: Информационные процессы и системы. – С. 20–27.

30. Узнадзе, Д.Н. Психологические исследования / Д.Н. Узнадзе. – Москва: Наука, 1966.

Рецензент – Н.А. Ястреб, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии ВоГУ.

P.N. Baryshnikov, S.A. Zavarzina

COMPUTATIONAL FORMS OF THE FIGURATIVE SEMANTICS: FROM ANALOGY TO INFERENCE

The adequate usage of figurative expressions is one of the main priorities of the human language in comparison to artificial intelligent systems. The reason for this is that such components of the natural language semantics as analogy, inference, metaphor, intuitive reasoning, situational context, presupposition are difficult to formalize. This article deals with the computational ways of presenting figurative meaning as well as with the constraints of their models. We proceed from the assumption that the informational measuring of the language demands the system of rules for the fuzzy semantics of the natural language with its meaning clustered around the speech activity and human cognitive experience. The computational semantic procedures are only possible as part of a complete formal model that can cover only some of the range of the descriptive representation of the knowledge. The formalization of the presupposition and contextual knowledge is constrained by an ultimate descriptive model in contrast with the flexibility of indirect inference mechanism in the natural language semantics. These points are proved by the conceptual-semantic analysis of analogy and inference as the central cognitive mechanisms of knowledge extracting.

Analogy, metaphor, conceptualization, inference, context, artificial intelligence.

УДК 165.0

А.В. Оботуров
Вологодский государственный университет

СЕТЕВАЯ МОДЕЛЬ ОБОСНОВАНИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ КРИТИЧЕСКОГО КОНВЕНЦИОНАЛИЗМА

Рассматривается соотношение классической иерархической модели обоснования научного знания, признающей взаимосвязь консенсуса и диссенсуса на фактуальном и методологическом уровнях, с сетевой моделью, согласующей релятивность критериев адекватности конкурирующих теорий, наличие недоопределенности, легитимность аксиологического плюрализма, гипотетической методологии с конвенциональной научной рациональностью. Показана необоснованность отождествления с иррационализмом и субъективизмом, ограничения методологии эмпиризма и индуктивизма в критическом рационализме К. Поппера и постпозитивизме Т. Куна. Осуществлено применение идей сетевой модели конвенциональной научной рациональности Л. Лаудана к доказательству плодотворности методологии взаимосвязи различных научных теорий, концепций и проектов, роли и значения их гуманитарной экспертизы.

Конвенция, консенсус, диссенсус, конкурирующие теории, иерархическая модель, релятивность критериев, критический конвенционализм, сетевая модель, аксиологический плюрализм, гипотетическая методология, К. Поппер, Т. Кун, Л. Лаудан, конвергентные технологии, гуманитарная экспертиза.

Введение

Проблема конкурирующих несоизмеримых теорий, поставленная представителями постпозитивизма во второй половине XX века, не утратила своей актуальности и значимости на современном этапе развития философии науки и техники. Напротив, активно разрабатываемые проблемы и идеи конвергентных технологий, глобальных проектов, связанных «со сценариями будущего нашей цивилизации, трансгуманистической эволюцией, преобразованиями человеческой телесности и социума, радикального продления жизни (вплоть до кибернетического бессмертия), вызывают в научном сообществе различные оценки, служат предметом оживленных дискуссий» [1, с. 7] .

В связи с этим, актуальным и необходимым представляется анализ несоизмеримых теорий в контексте неклассической сетевой модели обоснования научного знания, сетевого подхода, который представляет собой «динамично развивающийся междисциплинарный дискурс, охватывает все большие массивы научных изысканий в различных областях знания» [14, с. 48]. Сегодня в философский методологический оборот входят такие понятия, как сетевое общество, сетевая проблематика, сетевая теория, сетевая логика, сетевая структура, сетевое взаимодействие и коммуникация и т.д. Анализ сетевой модели обоснования научного знания позволяет не только восстановить истинность взглядов основоположников теорий взаимосвязи конкурирующих теорий, но и методологически применить их к обоснованию научности современных, казалось бы, несоизмеримых идей, взглядов, проектов.

Такой подход направлен не только на обоснование возможности диалога различных когнитивных практик, но и необходимости применения аксиологической методологии, гуманитарной экспертизы, так как современные технологии «затрагивают не только среду обитания человека, но и его тело, мозг, ценности, жизненный мир, а эти изменения требуют философского осмысления» [15, с.187].

Иерархическая модель адекватности научного знания в аспекте конкурирующих теорий и аксиологического плюрализма

Одной из центральных проблем неклассической теории познания является анализ конвенционализма как направления идей, согласно которому «принятие определенных суждений, выражающих то или иное решение эмпирических проблем в рамках научных теорий, вытекает из ранее принятых понятийных (терминологических) соглашений» [11, с. 283]. Актуальность исследования проблем конвенционализма в начале XX века была связана с бурным развитием философии науки, аналитической философии, постпозитивизма, представители которого поставили в центр внимания проблемы понимания механизмов развития знания, эмпирического базиса науки, его связи с теоретическим уровнем, критериями сравнения и выбора конкурирующих теорий, возможностью коммуникации между представителями альтернативных концепций, принятием и функционированием «конвенций в условиях профессионального согласия (консенсуса) или несогласия (диссенсуса)» [6, с. 130].

Особенно активно представителями постпозитивизма исследовался вопрос о том, каким образом ученые, имеющие различные точки зрения и теории, приходят в конечном итоге к согласию, соглашению, каким путем достигается конвергенция диссенсуса в консенсус. В центре внимания оказались вопросы о том, как соотносится классическая иерархическая модель обоснования научного знания с неклассическими, постпозитивистскими концепциями, представители которых говорили о «взаимопроникновении эмпирического и теоретического, о плавном переходе

от одного уровня знаний к другому и даже об относительности самой этой дихотомии» [8, с. 328].

Такой подход подрывал основы как рационального конвенционализма, выдвигающего на первый план семантические правила продуктивного применения языка, так и конвенционализма в контексте критического рационализма – признания решающей роли «творческой активности исследователя, выдвигающего смелые гипотезы и не опасающегося, а приветствующего их опровержение» [11, с. 283]. В силу этого, в центре критического анализа оказалась иерархическая модель обоснования научного знания, известная как теория инструментальной рациональности, представители которой выделяли такие иерархически возвышающиеся друг над другом уровни, как фактический (фактуальные разногласия и консенсус); методологический (методологические разногласия) и аксиологический (ориентация на базовые познавательные цели). Главный вывод, который делали представители классической модели, состоял в том, что «разногласия о фактическом следует разрешать на методологическом уровне; методологические расхождения следует улаживать на аксиологическом уровне» [5, с. 313].

Рассматривая сильные и слабые стороны такой иерархической модели обоснования консенсуса, американский философ и методолог Л. Лаудан видел значение этой версии в том, что «она может (вопреки мнению тех, кто подчеркивает недоопределенность) охарактеризовать обстоятельства, при которых мы могли бы ожидать, что фактуальное разногласие разрешится в консенсус, и она может (вопреки лейбницианским идеалистам) также охарактеризовать широкий диапазон обстоятельств, при которых мы могли бы ожидать, что продолжится диссенсус» [5, с. 316].

Вместе с тем, слабость иерархической модели проявлялась в том, что не всегда методологические правила, совместно с доступными эмпирическими свидетельствами, исключают множество фактуальных утверждений или гипотез, не совместимых с отстаиваемой теорией, тогда как «остающийся избыток возможных гипотез оказывается методологически допустимым» [5, с. 313]. Поэтому не все фактуальные разногласия возможно разрешить, так как конкурирующие теории не могут быть одинаково хорошо подтверждены существующими правилами и эмпирическими свидетельствами.

В связи с этим, иерархическая модель, приводящая к согласию только в некоторых случаях, не удовлетворяла как сторонников архирационализма, желающих безотлагательно разрешить каждое фактуальное разногласие, так и представителей радикальной недоопределенности, считающих, что любое разногласие может быть потенциально продлено. Выход из такой ситуации Лаудан видел в изменении взгляда на сущность методологических правил, которые, понятые в контексте иерархической модели обоснования, «не представляют собой ничего иного, кроме пробного инструментария для реализации чьих-то познавательных целей…» [5, с. 317]. Поэтому для разрешения методологического диссенсуса становится уместным согласование в отношении более «высоких» познавательных ценностей и целей по сравнению с классическими требованиями простоты, самосогласованности и эмпирической корректности теории.

Итак, классическая иерархическая модель конвенциональной научной рациональности ставила проблему соотношения консенсуса и диссенсуса на фактуальном и методологическом уровнях, но она оказалась слишком слабой и не позволяла вынести вердикт, когда ученые не соглашались относительно некоторых своих базовых целей, то есть расходились по аксиологическим вопросам. Свидетельствами таких расхождений являлись дискуссии между реалистами и инструменталистами, редукционистами и антиредукционистами, защитниками и критиками простоты, сторонниками телеологии и представителями «чистой» философии действующих причин и т.д.

Иерархическая модель не позволяла, оставаясь на фактуальном и методологическом уровнях, подняться до аксиологического уровня, поэтому появилась настоятельная потребность дополнить ее другой моделью. Необходимость этого была обусловлена также тем, что согласие ученых на фактуальном и методологическом уровнях вовсе не означало консенсуса на аксиологическом уровне. Так, и реалисты, и инструменталисты были согласны в том, что теории должны описывать достаточно широкий круг явлений, иметь высокую эмпирическую поддержку, обладать прогностическими предсказаниями, однако они расходились в целях – реалисты использовали эти аргументы для истинного описания мира, инструменталисты – для «спасения явлений». В результате этого встал вопрос, возможен ли консенсус на аксиологическом уровне или он неосуществим по причине того, что связан с субъективными и эмоциональными предпочтениями, по которым не возможен рациональный дискурс. Однако история науки показывает способность ученых разрешать большинство дискуссий даже тогда, когда они связаны с расхождениями в отношении научных целей и ценностей.

Так, в основе успеха ньютоновской механики почти столетие лежал отказ от гипотетических рассуждений и приверженность к индуктивным обобщениям экспериментальных фактов, но к середине XVIII в. устранение из теорий «ненаблюдаемых сущностей» для объяснения наблюдаемых процессов становится невозможным в связи с успехами в развитии теории электричества, эмбриологии и биологии. Это способствовало утверждению альтернативной аксиологии, новой методологии науки вопреки эмпирицистской критике, представители которой отвергали неподтвержденное наблюдениями «микротеоретизирование».

Определенный вклад в обоснование необходимости применения гипотетико-дедуктивного метода как наиболее приспособленного к физике, благодаря которому «мы имеем право предполагать или предвосхищать путь истины» [16, с. 212], внес философ, физик, математик и астроном XVIII века Р.И. Бошкович. Несмотря на то, что его идеи о динамическом атомизме не встретили поддержки среди современников, они предвосхитили достижения науки XIX–XX вв. и «получили высокую оценку в работах Д.И. Менделеева и В.И. Вернадского» [3, с. 304]. Особую поддержку гипотетический метод получил и в трудах Дж. Лесажа, который, не считая его «всеобщим предрассуд-

ком», выдавал «эпистемологический мандат методу гипотез, показывая, что этот метод приближает легитимные цели науки…» [5, с. 337], а спустя полвека «официальная» методология научного сообщества признала легитимность гипотез относительно «ненаблюдаемых сущностей».

Релятивность критериев обоснования конкурирующих теорий в концепциях критического реализма и постпозитивизма

В XX веке проблемы взаимосвязи эмпирического и теоретического, научного открытия и обоснования, конвенции и гипотезы, консенсуса и диссенсуса находились в центре внимания представителей основных этапов развития философии науки – позитивизма, неопозитивизма и постпозитивизма. Особое влияние на анализ соотношения классического, иерархического и неклассического подходов в решении поставленных проблем оказали взгляды К. Поппера, который отказался от «узкого эмпиризма логических позитивистов и от их эпистемологического фундаментализма – поиска абсолютно достоверной основы знания» [12, с. 322].

Развивая концепцию критического рационализма и теорию научного познания, Поппер выступил против принципа верификации как однозначного критерия познавательного значения научных утверждений. В связи с этим, он утверждал, что «эпистемология должна заниматься исследованием научных проблем и проблемных ситуаций, научных предположений…, научных дискуссий, критических рассуждений, той роли, которую играют эмпирические свидетельства в аргументации…» [9, с. 447]. Такой подход Поппера привел к неоднозначным оценкам его взглядов – от утверждения Лакатоса о том, что «Поппер никогда не предлагал теории рациональной критики последовательных конвенций» [17, с. 144], до обвинений Лауданом Поппера в том, что он «свел аксиологию к неанализируемому предмету вкуса или… к “полезности”» [5, с. 328].

Имеющийся разнобой и искажение взглядов Поппера отмечено им самим в «Постскриптуме» к «Логике научного открытия», где он писал, что его представления вызывают «больше искажающих интерпретаций, нежели представления других, что они могут более драматично сталкиваться с некоторыми широко распространенными и бессознательно усвоенными взглядами и что в результате этого люди могут отождествлять их с некоторой формой иррационализма, скептицизма и релятивизма» [10, с. 92].

На самом деле Поппер утверждал, что, начиная, по крайней мере, с Реформации, центральной проблемой философии знания являлись вопросы о том, «как возможно рассудить или оценить далеко идущие притязания конкурирующих теорий или верований…, и как мы можем обосновать (justify) наши теории и верования?» [10, с. 92–93]. По его признанию, хотя высказанные им первоначальные предположения негативного решения классической проблемы обоснования напоминали взгляды скептиков и иррационалистов, на самом деле он «развенчал эту классическую проблему и заменил ее новой центральной проблемой, которая допускает решение, не являющееся ни скептическим, ни иррационалистическим» [10, с. 95].

Говоря о роли и значении гипотезы в росте и развитии научного знания, Поппер писал, что «мы не пренебрегаем основаниями, выдвигая гипотезу и направляя ее на критическое обсуждение» [10, с. 96]. Напротив, благодаря такому критическому обсуждению становится возможной реализация цели науки как поиска удовлетворительного объяснения неизвестного путем известного, перехода к теориям все большей содержательности, универсальности, более высокой степени точности. Это противоречило взглядам классического эссенциализма, представители которого считали, что наука должна искать окончательные объяснения в «терминах сущностей», однако такой ответ стал бы концом развития самой науки. Отвергая идею окончательного обоснования, Поппер утверждал, что «не может быть объяснения, не нуждающегося в дальнейшем объяснении, ибо невозможно самообъясняющее описание сущности…» [10, с. 102].

Таким образом, взгляды Поппера, которые он сам называл «модифицированным эссенциализмом», вовсе не означали отказа от идей реализма, перехода на позиции субъективизма и иррационализма, так как, критикуя познавательную значимость абсолютизированного эмпиризма и индуктивизма, признавая гипотетический, предположительный характер научного знания, он утверждал, что «наши теории заключают утверждения о структурных и реляционных свойствах мира и что свойства, описываемые объясняющими теориями, должны в том или ином смысле быть более глубокими, нежели те, которые объясняются» [10, с. 104]. В связи с этим, не совсем адекватной представляется оценка Лауданом анализ динамики научного знания, данного не только Поппером, но и Т. Куном.

Кун, с точки зрения Лаудана, придерживается тезиса о том, что «ученые различных школ постоянны в своей поддержке различных познавательных целей» [5, с. 328], что «разнообразные сдвиги превалирующих целей в науке попадают не в историю рационального человеческого мышления, а в историю вкуса и моды» [5, с. 328]. Такой вывод, по утверждению Лаудана, неверен, так как «для критической оценки познавательных целей может быть использована широкая совокупность инструментов» [5, с. 329].

Однако непосредственный анализ работ Куна позволяет сделать и иные выводы по поводу его взглядов. Так, в лекции «Объективность, ценностные суждения и выбор теории», прочитанной в 1973 г., Кун утверждал, что с традиционной точки зрения стандартными критериями оценки адекватности конкурирующих теорий являются «точность, непротиворечивость, область приложения, простота и плодотворность…» [4, с. 63], которые обладают не только очевидными достоинствами, но и недостатками. Точность, например, позволяет проводить различие теорий, но «не является тем критерием, который обеспечил бы регулярный недвусмысленный выбор» [4, с. 63].

Другие критерии также не решают проблемы доказательства адекватности теории полностью, так как если стоит проблема выбора между альтернативными теориями, то «два исследователя, следующие одному и тому же набору критериев выбора, могут прийти к различным заключениям» [4, с. 65]. Поэтому при решении вопроса об адекватности тех или иных теорий

необходимо выходить за рамки имеющегося перечня критериев, разделяемых учеными, и обращаться к характеристикам индивидов, совершающих выбор, «не стесняя себя их соответствием тем канонам, которые делают науку наукой» [4, с. 65].

К таким факторам относятся индивидуальные особенности ученого, специфика его исследовательского опыта, вовлеченность в те или иные движения его времени и т.д. Подобные критерии играют свою определенную роль, так как «всякий отдельный выбор между конкурирующими теориями зависит от смеси объективных и субъективных факторов и критериев, разделяемых группой, и индивидуальных критериев» [4, с. 66]. Поэтому Кун выступает против тех философов науки, которые отрицают роль субъективного фактора в обосновании научного знания.

Выбор, который делается учеными между конкурирующими теориями, с точки зрения Куна, зависит не только от объективных критериев, разделяемых группой, но и от «идиосинкразических факторов, зависящих от индивидуальной биографии и характеристик личности» [4, с. 71]. Кроме того, во многих проявлениях человеческой жизни имеют место критерии, которые влияют на принимаемые решения, но не отвечают на вопрос, каково это решение. К ним относятся нормы, ценности, максимы, особенно ярко проявляющиеся в пословицах и поговорках, в которых есть различный выбор, а в целом – его нет, но, несмотря на это, они влияют на механизм принятия решения, «проливают дополнительный свет на сущность вопроса, подлежащего решению, и указывают на тот остаточный аспект решения, за который каждый должен брать ответственность на себя» [4, с. 71].

Не меньшую роль в принятии решений, особенно в конфликтных и двусмысленных ситуациях, наряду с максимами, играют ценности и нормы, которые, несмотря на их относительность, многое определяют в нашей жизни. Стандартные критерии хорошо функционируют на самых ранних стадиях выбора теории, но для того, чтобы теория выжила, состоялась необходимо учитывать факторы субъективности, зависящие от индивидуальной биографии или личностных особенностей, которые должны дополнять, а не отбрасывать стандарты фактуальности или достоверности.

Таким образом, признаваемая Куном некоторая ограниченность факторов объективности, точности и непротиворечивости теорий, достигается «не путем выделения элементов собственно называемых субъективными» [4, с. 80], а путем выявления истинного значения объективности, а не ее границы. Думается, что эти доводы Куна относительно релятивности объективных критериев адекватности конкурирующих теорий не противоречили, а соответствовали стремлениям Лаудана построить сетевую модель научной рациональности.

Легитимность плюрализма и гипотетической методологии в сетевой модели конвенциональной научной рациональности

Классическая иерархическая модель, утверждающая однонаправленную лестницу обоснований научного знания, оказалась, по справедливому утверждению Лаудана, недостаточной для достижения консенсуса между несоизмеримыми теориями и признанием легитимности гипотетического метода. В связи с этим, он предлагает заменить иерархическую модель сетевой, признающей, что процесс разбирательства и взаимного согласования пронизывает все три уровня научных состояний, поэтому «обоснование течет как вверх, так и вниз по иерархии, связывая цели, методы и фактуальные утверждения» [5, с. 339].

Ни один из трех уровней – фактуальный, методологический и аксиологический – не являются предпочтительными, привилегированными или наиболее фундаментальными, они переплетаются в своей взаимозависимости. Более того, сетевая модель предполагает широкое многообразие причин и намерений, так как не существует единственно правильной и однозначной цели исследования. Такой плюрализм в признании причин, целей и намерений научного познания означает не отказ от рациональности и ее главных признаков – конвенциональности, согласия, консенсуса, а приводит к утверждению, что «наши явные и неявные ценности должны быть синхронизированы» [5, с. 340].

Такое понимание соотношения несоизмеримых теорий, полностью отрицаемых классической теорией познания, рассматривается в неклассической эпистемологии как весьма плодотворный и перспективный метод познания. Новое осмысление соотношения причины и следствия, динамизма структуры, сознания историчности ценностей привело к тому, что «на место бинарного отношения истинно-ложно пришли неопределенность, относительность, дискретность, разнообразие концепций…» [7, с. 60]. В связи с этим, плодотворным представляется применение методологии сетевой модели к анализу таких глобальных, неоднозначно оцениваемых современных проектов, как трансгуманистическая эволюция.

Так, разброс мнений о значимости, адекватности, применимости и безопасности основных идей «Глобального будущего 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция» весьма велик – от уверенности в необходимости суперпроекта «кибернетического бессмертия» не только научному, но и всему нашему обществу, «погрязшему в ненасытном потребительстве, меркантильных расчетах…» [1, с. 248], до утверждений о том, что проект «Россия 2045» представляет собой «котлован для аватара» [13, с. 181]. Разработчики и сторонники проекта признают крайнюю сложность и дискуссионность выдвигаемых ими идей и «открыты для интеллектуального общения …, для творческих дискуссий» [1, с. 9]. Однако, для того чтобы теории, претендующие на кардинальное преобразование природы человека, а значит, и социума, не превратились в «технологическое умопомешательство» [2, с. 13], необходима экспертиза конкурирующих теорий не только на фактуальном, методолгическом, аксилогическом, но и на государственно-правовом и общественном уровнях.

Заключение

Таким образом, критика иерархической модели адекватности научного знания, признание релятивности критериев обоснования конкурирующих теорий, легитимности плюрализма и гипотетической методологии, имеющие место в постпозитивистских концеп-

циях второй половины XX века и сыгравшие определяющую роль в постановке и разработке основных проблем философии науки, в настоящее время выходят за рамки анализа специфики только научного знания. Сегодня методы, разработанные в рамках основных концепций аналитической философии XX века, применяются не только к анализу языка науки, но и к разработке и внедрению конвергентных технологий.

Сетевая модель обоснования научного знания, разработанная в контексте критического рационализма, признающая значимость аксиологического критерия обоснования научности несоизмеримых теорий, весьма плодотворно соотносится с проблемой необходимости гуманитарной экспертизы как метода «рефлексии человечества в зеркале новых технологий» [15, с. 196], которые должны быть направленны не только на преобразование и улучшение качества жизни, но и на сохранение человека и среды его обитания.

Литература

1. Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. – Москва: Издательство МБА, 2013. – 272 с.

2. Гуманитарное знание и социальные технологии (материалы «конференции-круглого стола») // Вопросы философии. – 2013. – № 9. – С. 3–30.

3. Кузнецов, М.А. Р.И. Бошкович / М.А. Кузнецов // Новая философская энциклопедия. – Москва: Мысль, 2010. – Т. 1. – С. 303–304.

4. Кун, Т. Объективность, ценностные суждения и выбор теории / Т. Кун // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. – Москва: Логос, 1996. – С. 61–82.

5. Лаудан, Л. Наука и ценности / Л. Лаудан // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. – Москва: Логос, 1996. – С. 295–342.

6. Микешина, Л.А. Философия науки: учебное пособие / Л.А. Микешина. – Москва: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006. – 440 с.

7. Микешина, Л.А. Эклектика и синкретизм: к вопросу о системности научного знания / Л.А. Микешина // Эпистемология & философия науки. – 2014. – № 1. – Т. XXXIX. – С. 60–78.

8. Никифоров, А.Л. Постпозитивизм / А.Л. Никифоров, // Современная западная философия: Словарь. – Москва: Тон – Остожье, 2000. – С. 327–330.

9. Поппер, К. Логика и рост научного знания. Избр. работы / К. Поппер. – Москва: Прогресс, 1983. – 605 с.

10. Поппер, К. Реализм и цель науки / К. Поппер // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. – Москва: Логос, 1996. – С. 92–105.

11. Порус, В.Н. Конвенционализм / В.Н. Порус // Новая философская энциклопедия. – Москва: Мысль, 2010. – Т. 2. – С. 283–284.

12. Садовский, В.Н. К.Р. Поппер / В.Н. Садовский, Н.С. Юлина // Современная западная философия: Словарь. – Москва: ТОН – Остожье, 2000. – С. 322–323.

13. Тищенко, П.Д. Россия 2045: котлован для аватара (Размышления в связи с книгой «Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция») / П.Д. Тищенко // Вопросы философии. 2014. – № 8. – С. 181–187.

14. Шенцова, Е.А. Сетевой подход в контексте философского дискурса / Е.А. Шенцова // Вопросы философии. 2012. – № 8. – С. 42–49.

15. Ястреб, Н.А. Конвергентные технологии: философско-эпистемологический анализ: монография / Н.А. Ястреб. – Вологда: ВоГУ, 2014. – 250 с.

16. Boscovich, R. De Solis a Lunac Defectibus, 1760. Цитируется по кн.: Stewart Dugald Selected Works / Ed. W. Hamilton. – Edinburg, 1854.

17. Lakatos, I. The Metodology of Scientific Research Programmes / I. Lakatos. – Cambridge: Cambridge University Press, 1978.

Рецензент – Н.А. Ястреб, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии ВоГУ.

A.V. Oboturov

THE NETWORK MODEL OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE JUSTIFICATION IN THE CONTEXT OF CRITICAL CONVENTIONALISM

The article addresses the relationship between the classical hierarchical model of scientific knowledge justification recognising the interdependence of consensus and dissensus on factual and methodological levels with the network model which is able to match the relativity of adequacy criteria of competing theories, the presence of underdeterminedness, the legitimacy of the axiological pluralism, the hypothetical methodology with conventional scientific rationality. It is shown that the limitations of empiricism and inductivism in critical rationalism of K. Popper and T. Kuhn's postpositivism is precariously identificated with the irrationalism and subjectivism. The network model ideas of conventional scientific rationality of L. Laudan is applied to the proof of fruitfulness of different methodology of interaction of scientific theories, conceptions and projects, as well as the role and importance of their humanitarian expertise.

Agreement, consensus, dissensus, competing theory, hierarchical model, criteria relativity, critical conventionalism, network model, axiological pluralism, hypothetical methodology, K. Popper, T. Kuhn, L.Laudan, converging technologies, humanitarian expertise.

УДК 167.7

Г.Н. Оботурова
Вологодский государственный университет

НАУЧНОСТЬ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

В статье исследуется специфика гуманитарного знания в контексте неклассической теории познания. На основе анализа работ Вико, Дильтея, Риккерта, Шпета показано становление гуманитарной парадигмы в истории философии и науки, выделение гуманитарных наук в самостоятельную область исследования. Дана характеристика специфики текстуальной, лингвистической, эпистемологической и аксиологической составляющих гуманитарного знания. На основе исследования произведений Гумбольдта, Витгенштейна, Эко, Л.А. Микешиной дана характеристика специфики научности гуманитарного знания на основе выявления его контекстульности, открытости, интерсубъективности, соотнесения с трансцендентальными ценностями.

Гуманитарное знание, неклассическая теория познания, гуманитарная парадигма, трансцендентальность, текст, язык, субъект, ценности.

Введение

Одной из актуальных проблем философии науки на современном этапе ее развития является вопрос о роли и значении гуманитарного знания, так как «многие традиционно воспроизводимые различения между естествознанием и социально-гуманитарными науками сегодня нуждаются в корректировке, а, подчас, и в радикальном пересмотре» [3, с. 59]. В связи с этим, философия и методология социальных и гуманитарных наук «нуждается в более глубокой аналитической разработке» [3, с. 60]. Классическая теория познания отказывала социальным и гуманитарным наукам в статусе всеобщности, необходимости, объективности, признавая возможность аподиктичности, трансцендентальности, научности знания «только в строгих, формализованных, математических и естественных науках» [10, с. 49–50]. Однако неклассическая теория познания признает научность, эпистемологическую полноценность и самодостаточность гуманитарного знания, в котором «представлены не только эмпирический, но и трансцендентальный уровни, хотя и в иной «пропорции» и в иных формах, нежели в естественных науках» [10, с. 50].

Необходимость обоснования научности, рациональности гуманитарных наук связана также с изменением роли и значения гуманитарного знания в становлении и развитии современной трансдисциплинарной и междисциплинарной картины мира, с использованием методов гуманитарных наук в естественнонаучном знании, в методологии которого «становится очень популярным нарративный тип объяснения» [3, с. 65]. Больше того, значимость гуманитарных наук, особенно философской рефлексии, связана с бурным развитием современных конвергентных технологий, затрагивающих проблемы «природы человека, ценностей, смысла жизни, социальной структуры и т.д., что формирует необходимость проведения гуманитарных исследований как социально-гуманитарной экспертизы технологических решений, инноваций, проектов» [15, с. 183].

Задачей данной статьи является выявление и анализ текстуальных, лингвистических, эпистемологических и аксиологических оснований рациональности, научности, трансцендентальности гуманитарного знания в контексте неклассической теории познания.

Становление парадигмы гуманитарного знания в истории философии и науки

Философское осмысление гуманитарного знания, с точки зрения В.Л. Махлина, «явление довольно позднее» [7, с. 194], так как «гуманитарные науки должны были сначала сложиться и выделиться в относительно самостоятельные дисциплины – а это произошло только в XIX веке…» [7, с. 194]. При этом необходимо отметить, что несомненный вклад в становление и развитие гуманитарной парадигмы, понимание специфики гуманитарного знания внесли в зарубежной философии Дж. Вико, В. Дильтей, Г. Риккерт, в отечественной – Г.Г. Шпет.

Так, Дж. Вико в работе «Основания новой науки об общей природе наций» обосновывал идею о «возможности существования гуманитарных наук как самостоятельного вида знания, несводимого к нормативам картезианской рациональности» [8, с. 140]. Пытаясь открыть «Новую Науку посредством *нового Критического искусства»* [1, с. 494], он приходит к выводу о «необходимости сделать Филологию научной в обеих ее частях – истории языков и истории вещей» [1, с. 491]. Основанием такой исторической научности он считал саму природу вещей, которая представляет собой «не что иное, как их возникновение в определенные времена и при определенных условиях…» [1, с. 77].

Не меньший вклад в философское обоснование легитимности гуманитарных наук внес В. Дильтей, который в работе «Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории» утверждал, что «совокупность наук, имеющих своим предметом исторически-общественную действительность, получает… общее название “наук о духе”» [6, с. 280]. Эти нау-

ки «образуют самостоятельную систему» [6, с. 274], единое целое в познании действительности, поэтому должны быть отделены от естествознания, так как любая позитивная наука имеет дело с каким-либо частным содержанием познаваемой действительности, тогда как «теория, претендующая на описание и анализ социально-исторических фактов, не вправе отвлечься от этой цельности человеческой природы и ограничить себя сферой духовного» [6, с. 282].

Говоря о роли и значении Дильтея в становлении гуманитарной парадигмы, нельзя не согласиться с утверждением В.Л. Махлина о том, что дильтеевское обоснование «наук о духе» оказалось продуктивнее и устойчивее самогó этого термина, так как сегодня «науки о духе» называются гуманитарными и «охватывают всю область того, что Дильтей называл «человечески-исторически-общественным миром» [7, с. 210].

В XIX – начале XX века определенный вклад в разработку проблемы специфики естественнонаучного и гуманитарного знания внес Г. Риккерт. Основным, применяемым многими науками методом познания, с его точки зрения, является генерализирующий метод, состоящий «в подведении частного под общее, в образовании общих родовых понятий, по отношению к котором объекты являются экземплярами» [12, с. 188]. Однако, генерализирующее понимание действительности, по его утверждению, «отнюдь не исчерпывает нашего интереса к окружающему нас миру и, следовательно, наших знаний о нем» [12, с. 185], поэтому в науках о духовной жизни общества решающую роль должен играть метод «*теоретического отнесения к ценности (Wertbeziehung)*» [12, с. 207], ядром которой является культура. В результате этого, основным главным объектом исторического исследования становится «не абстрагированный от него человек вообще, но человек, как *социальное существо*, и… лишь постольку, поскольку он участвует в реализации социальных ценностей» [12, с. 215].

В отечественной философии проблема специфики гуманитарного, в частности, исторического знания была поставлена Г.Г. Шпетом, основные идеи и произведения которого сегодня активно обсуждаются, реконструируются и издаются [11]. Среди широкого спектра интересующих его проблем – философии, психологии, эстетики, языкознания, особое место занимали вопросы логики и методологии исторического познания. Так, Л.А. Микешина отмечает актуальность постановки Шпетом таких проблем, как анализ «особенности метода объяснения в историческом исследовании, новый подход к соотношению общего и единичного, не совпадающий с традиционным формально-логическим; уточненное понимание индивидуального в истории; фактичность, объективность исторического знания; спор с идеями Вебера и Риккерта, в том числе и по проблеме ценностей» [5, с. 27].

Особое значение в контексте неклассической теории познания имеет анализ Шпетом проблемы ограниченности формально-логических способов определения понятий в гуманитарном знании. Ставя вопрос об ограниченности применения формальной логики как логики абстрактного к истории, которая конкретна, Шпет говорит о том, что «может быть, вовсе не отвергать ее нужно, а расширять и углублять» [13, с. 46]. Поставленная Шпетом проблема ограниченности формально-логических способов определения понятий в историческом познании находится в центре внимания исследования актуальных проблем неклассической теории познания, философии гуманитарных наук.

В современной отечественной философии проблемы трансцендентальности, научности, недостаточности формально-логических способов определения понятий в гуманитарном знания в контексте неклассической теории познания активно разрабатываются Л.А. Микешиной, труды которой «в области современной эпистемологии и методологии гуманитарного познания всегда вызывают большой интерес у специалистов и пользуются популярностью у преподавателей» [10, с. 49].

Анализируя сущность трансцендентальности *научного* знания в целом, Л.А. Микешина выделяет такие его основные параметры, как «универсальность (всеобщность), априорность, предпосылочность, условия возможности знания (аргумент пресуппозиции), противоположность эмпирическому, направленность на рациональность, объективная значимость, аподиктичность» [10, с. 51]. При этом основанием доказательства трансцендентальности *гуманитарного* знания она считает необходимость анализа таких его специфических свойства – «реальность как текст, язык как его «материя», субъект внутри объекта, ценности как атрибут…» [10, с. 51], что позволяет исследовать проблему способов обоснования научности гуманитарных наук.

Текстуальные, лингвистические, эпистемологические и аксиологические способы обоснования трансцендентальности гуманитарного знания

Текст является предпосылкой и основанием любых форм научного знания, однако специфика текста в гуманитарных наук состоит в его двояком функциональном проявлении – с одной стороны, он выступает как способ представления духовного и материального, природного и социального мира вне и внутри нас, с другой – «объектом познания становится сам текст непосредственно, его языковая природа, структура и функции, средства выражения и т.д.» [10, с. 51]. При этом, возможность выхода гуманитарного знания на трансцендентальный уровень связана с тем, что сам текст должен рассматриваться в единстве с контекстом и подтекстом, а «отдельный авторский текст необходимо соотносить с другими его текстами, а также текстами других авторов того же направления и т.д.» [10, с. 51].

Такой подход позволяет выявлять мировоззренческие, философские предпосылки, идеалы и основания гуманитарного знания, а «это и есть различные виды априоризма в науке, широко исследуемые в последние десятилетия и, в частности, в отечественной эпистемологии» [10, с. 52]. Кроме того, контекстуальная методология гуманитарного познания позволяет рассматривать текст как открытую структуру, выполняющую, по утверждению У. Эко, «посредническую роль между абстрактной категорией научной методологии и живой материей нашего восприятия…» [14, с. 182].

Лингвистическим обоснованием трансцендентальности гуманитарного знания является исследование языка не только с точки зрения его лингвистических и семиотических функций, «*не как мертвый продукт* (Erzeugtes), но как *созидающий процесс* (Erzeugung)» [4, с. 69]. Такой контекстуальный подход к пониманию сущности языка как «творящего органона мысли» был заложен В. Гумбольдтом, который утверждал, что «язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [4, с. 68]. В этом и проявляется трансцендентальный, всеобщий характер языка, ибо он выступает не просто как средство для взаимопонимания, но как «подлинный мир между духом (субъектом) и предметами» [10, с. 58].

В дальнейшем лингвистическим подтверждением трансцендентальности гуманитарного знания явилась концепция языковых игр Л. Витгенштейна, анализ простейших форм языка, которые «предстают не только как удобная абстракция, дающая ключ к пониманию сложных языковых форм, но одновременно как модель единства языкового употребления, “формы жизни”, ее фундаментальных отношений и событий, освоения мира» [10, с. 56].

Рассматривая язык в контексте его употребления, деятельности, Витгенштейн вводит понятие «языковой игры», под которой понимает «единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен» [2, с. 227]. Больше того, термин «*языковая игра*», с его точки зрения, «призван подчеркнуть, что говорить на языке» [2, с. 237] означает рассматривать его как компонент деятельности или форму жизни. Такой подход к пониманию языка как формы жизни и «выводит нас, – по утверждению Л.А. Микешиной, – на проблему языка в целом, его априорности и трансцендентальности» [10, с. 56].

Эпистемологическое обоснование трансцендентальности гуманитарного знания основано на анализе специфики места, роли и значения в нем субъекта познания. Если в естественных науках субъект познания противостоит объекту исследования, то в гуманитарных «субъект включен в сам объект – жизнь общества, формы культуры, гуманитарные и социальные науки, виды искусства, религию» [10, с. 58]. В связи с этим, гуманитарное знание представляет собой не просто познание как отражение, а «восприятие и представление познаваемого в опыте объекта с помощью существующих в культуре и науке эталонов-посредников – моделей, символов, вообще знаковых, в том числе языковых, логических и математических систем…» [10, с. 59]. Такой выход субъекта познания гуманитарных наук за пределы собственного опыта, устремленность к «универсальному горизонту опыта других субъектов» [10, с. 59] превращает его в трансцендентального субъекта, а само́ познание становится интерсубъективным и коммуникативным, ценностно ориентированным.

Аксиологическое доказательство научности гуманитарного знания обусловлено тем, что в нем объект как таковой, «сам по себе» интересует субъекта только в том случае, если «соответствует цели и отвечает духовным и материальным, этическим и эстетическим потребностям субъекта» [10, с. 61]. Основания метода «отнесения к ценности», как необходимой составляющей гуманитарного знания, были заложены еще Г. Риккертом, который писал, что обобщающе-генерализирующий метод, применяемый повсюду, обладает и определенной ограниченностью, так как «уничтожает всякую связь между своими *объектами* и ценностями, получая, таким образом, возможность рассматривать их как экземпляры общих родовых понятий, причем каждый экземпляр свободно может быть заменен любым другим» [12, с. 205].

Генерализирующий метод, по утверждению Риккерта, не может быть применен в исторической науке, так как «*лишь* под углом зрения какой-нибудь ценности индивидуальное может стать существенным, и потому уничтожение всякой связи с ценностями означало бы также и уничтожение исторического интереса и самой истории» [12, с. 206]. Поэтому, одной из основных процедур гуманитарных наук становится постижение трансцендентальных ценностей, «создающих достаточное эпистемологическое основание для получения этой группой наук знания, необходимого, объективно истинного – в целом отвечающего критериям научности» [10, с. 66].

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что неклассическая теория познания признает за гуманитарным знанием статус научности, трансцендентальности, самодостаточности в их специфических формах проявления – текста не только как способа представления внешнего и внутреннего мира человека, но и объекта познания; языка как «материи» текста; субъекта, находящегося внутри объекта познания, соотносящегося с трансцендентальными ценностями, в контексте которых анализ индивидуального поднимается на уровень всеобщего. Такой подход к исследованию специфики гуманитарного знания позволяет выявить текстологические, лингвистические, эпистемологические и аксиологические основания его научности – контекстуальность, открытость, интерсубъективнось, ценностную составляющую текста, языка, субъекта познания.

В перспективе дальнейшего исследования специфики трансцендентальности, научности гуманитарного знания особое методологическое значение не только для теории познания, но и для разработки проблем философии конкретных гуманитарных наук имеет анализ вопросов о неформально-логических способах категоризации, создания абстракций, общих понятий в когнитивной психологии, лингвистике, литературоведении. Такое исследование может быть особенно плодотворным при обращение к работам лингвистов, историков литературы и литературоведов, в частности А. Вежбицкой, Д.С. Лихачева, С.С. Аверинцева, А.В. Михайлова. Е.С. Кубряковой и других, которые «давно размышляют над этими проблемами и полученные ими результаты заслуживают самого пристального внимания эпистемологов» [9, с. 258]. Однако анализ этих проблем выходит за рамки данной статьи и может стать объектом дальнейшего отдельного рассмотрения.

Литература

1. Вико, Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Дж. Вико. – Москва; Киев: REFL-book – ИСА, 1994. – 656 с.

2. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Языки как образ мира. – Москва: ООО Издательство АТС; Санкт-Петербург: Terra Fantastica, 2003. – С. 220–546.

3. Гуманитарная наука как предмет философско-методологического анализа (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2007. – № 6. – С. 57–82.

4. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – Москва: Прогресс, 1984. – 400 с.

5. Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. К 130-летию Г.Г. Шпета. Встреча вторая (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2010. – № 7. – С. 3–39.

6. Дильтей, В. Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории / В. Дильтей // Дильтей В. Собрание сочинений. – Москва: Дом интеллектуальной книги, 2002. – Т. I.

7. Махлин, В.Л. Философия гуманитарных наук / В.Л. Махлин // Философия науки. Методология и история конкретных наук / Коллектив авторов. – Москва: Канон+ РООИ Реабилитация, 2007. – С. 194–220.

8. Мелихов, Е.А. Джамбаттиста Вико / Философия науки: Эпистемология. Методология. Культура: Хрестоматия: учебное пособие для вузов / Е.А. Мелихов. – Москва: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006. – С. 140.

9. Микешина, Л.А. Категоризация и особенности создания абстракций в гуманитарных науках / Л.А. Микешина // Философия науки. Методология и история конкретных наук / Коллектив авторов. – Москва: Канон+ РООИ Реабилитация, 2007. – С. 257–284.

10. Микешина, Л.А. Трансцендентальные измерения гуманитарного знания / Л.А. Микешина // Вопросы философии. – 2006. – № 1. – С. 49–66.

11. См.: Оботурова Г.Н. Реконструкция логики исторического познания Г.Г. Шпета в контексте неклассической теории познания // Вестник Вологодского государственного университета. – Вологда: Вологодский государственный университет, 2015. – Вып. 5. – С. 79–82.

12. Риккерт, Г. Философия жизни / Г. Риккерт. – Киев: Ника-центр, 1998. – 512 с.

13. Шпет, Г.Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования / Г.Г. Шпет. – Москва: Либроком, 2011. – 488 с.

14. Эко, У. Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике / У. Эко. – Санкт-Петербург: Академический проект, 2004. – 384 с.

15. Ястреб, Н.А. Конвергентные технологии: философско-эпистемологический анализ: монография / Н.А. Ястреб. – Вологда: ВоГУ, 2014. – 250 с.

Рецензент – Н.А. Ястреб, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии ВоГУ.

G.N. Oboturova

THE SCIENTIFIC CHARACTER OF THE HUMANITIES IN THE CONTEXT OF NON-CLASSICAL THEORY OF KNOWLEDGE

This article examines the specificity of humanitarian knowledge in the context of non-classical theory of knowledge. The case study of the works by G. Vico, W. Dilthey, H. Rickert, G. G. Shpet shows the formation of humanitarian paradigm in the history of philosophy and science, the selection of humanities as an independent field of study. The characteristic of the specific textual, linguistic, epistemological and axiological components of the humanities is given. Based on the study of the works of W. von Humboldt, L. Wittgenstein, U. Eco, L. A. Mikeshina, the article describes the specificity of scientific nature of the Humanities by means of identifying its contextualness, openness, intersubjectivity, the correlation with transcendental values.

Humanitarian knowledge, non-classical epistemology, humanitarian paradigm, transcendence, text, language, subject, values, G. Vico, W. Dilthey, H. Rickert, W. von Humboldt, G. G. Shpet, L. Wittgenstein, U. Eco, L. A. Mikeshina.

УДК 165.0

Н.А. Ястреб, О.Ю. Никифоров
Вологодский государственный университет

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА ИСТОРИИ ИДЕЙ К ОТБОРУ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ПО ФИЛОСОФИИ

Работа выполнена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 15-07-01322 «Открытая информационная система «История философских идей».

В статье рассматривается модель современной информационной системы, которая представляла бы основные философские идеи в структурированном виде с учетом философских, исторических и общекультурных контекстов. Приведено описание модели организации содержания информационной системы на основе метода «истории идей» и продемонстрирована ее реализация на примере идеи атомизма.

История идей, атомизм, информационная система по философии.

Введение

Современная философия преподается и развивается в электронном сетевом пространстве, наполненном множеством текстов, среди которых есть словарные статьи, сканированные классические книги и рукописи, статьи, эссе, заметки, комментарии. Доступность информации, однако, не означает доступность знания, для формирования которого необходимо вдумчивое осмысление и критический анализ. Переход высшего образования на федеральные государственные образовательные стандарты с реализуемым в них компетентностным подходом показал практически полную неготовность отечественного философского сообщества к разработке современных интерактивных средств обучения, а особенно к представлению содержания философских дисциплин в виде современных мультимедийных ресурсов. При этом основная трудность связана не с недостатком электронных библиотек, журналов, словарей, которые имеются в открытом доступе, а с отсутствием форм представления материала, обеспечивающих без снижения общего теоретического уровня доступность, наглядность материала, его связь с общекультурным контекстом. В то же время, в философии имеется разработанная методология, которую можно использовать для достижения такого результата – «история идей» А. Лавджоя.

Методология

Метод истории идей, предложенный А. Лавджоем [3], позволяет рассмотреть историю философии (как и других гуманитарных областей) не как огромную совокупность авторов, течений и текстов, а как эволюцию базовых смысловых структур, концептов, многие из которых проходят через все исторические эпохи. В связи с этим, нами была поставлена цель, состоящая в создании современной интерактивной информационной системы, которая представляла бы основные философские идеи в структурированном виде с учетом философских, исторических и общекультурных контекстов. Для этого необходимо решение двух исследовательских задач, а именно, философской и технической. Для отбора и организации содержания информационной системы «История философских идей» необходимо определение спектра базовых философских идей и их описание на разных этапах развития с учетом категориального, философского и общекультурного контекстов. Вычленение идеи и ее историческое описание невозможно без учета контекста, необходимо проследить ее развитие не только в философии, где она так или иначе представлена, но и в науке, литературе, изобразительном искусстве, религии. Данный подход позволяет осуществлять анализ различных аспектов рефлексивной жизни человека, и устанавливать больше междисциплинарных взаимосвязей, чем при обычном пространственно-временном представлении исторических сведений. Другим достоинством истории идей является то, что она работает не только на уровне анализа конкретных философских трудов, концепций, подходов, но и в области представлений, верований, убеждений, предпочтений, имеющихся у любого человека.

Техническая часть исследовательской проблемы состоит в разработке компьютерной модели, в которой каждая идея будет рассматриваться как динамический объект, изменяющий свое состояние во времени и раскрывающийся с учетом периода развития философской мысли, лингвистического, исторического, социального, культурного контекстов. Более подробно технические аспекты разрабатываемой системы изложены нами в работах [4, 5]. В данной статье мы обратим внимание на содержательную часть системы.

На основе поставленных задач была разработана методика отбора содержания, основанная на определении и описании «реперных точек» в развитии идеи, каждая из которых представляет качественный поворот в понимании выбранной идеи. На отрезках между двумя последовательно идущими реперными точками идея рассматривается как неизменяющаяся. Наглядно эволюционирующую идею можно рассматривать как прямую, параллельную оси времени, поэтому мы назвали предложенную модель «виртуальной машиной времени».

Содержательную часть описания каждой идеи составляют следующие разделы: наименование объекта-идеи, ее современное устойчивое определение; определение термина в основных философских и научных энциклопедиях; список основных «реперных точек»; описание «реперных точек» по схеме, представленной в таблице 1.

Результаты

Предложенная модель была апробирована на примере трех философских идей, а именно, атомизма, заботы о себе и идеи врожденного знания. На каждую из них был заполнен соответствующий паспорт. Так, атомизм рассмотрен нами как универсальная идея, предполагающая что любые объекты состоят из конечного количества элементов. В таком понимании идея атомизма не сводится к демокритовской концепции существования неделимых частиц, а понимается как мотив, проявляющийся на всех этапах истории философии и науки в концепциях стихийного, а затем метафизического материализма, логического и социального атомизма, фундаментальном принципе квантования в неклассической физике, идеях строения темной материи и темной энергии в современных моделях Вселенной; понятии «квалиа» в аналитической философии сознания и многих других.

В развитии идеи атомизма были выделены семь «реперных точек», а именно:

1) древнегреческий атомизм Левкиппа и Демокрита;
2) античный стоицизм и эпикуреизм;
3) средние века, Фома Аквинский;
4) возрождение, Джордано Бруно;
5) метафизический материализм Нового времени;
6) конец XIX – начало XX в., Планк, Эйнштейн;
7) современный этап: теория струн, темная материя и темная энергия, квалиа, социальный атомизм, цифровой атомизм.

Таблица 2 в несколько редуцированном виде демонстрирует, как выглядит в заполненном виде паспорт объекта-идеи.

Таблица 1

ПАСПОРТ ОБЪЕКТА-ИДЕИ

Наименование объекта-идеи	
Современное устойчивое определение	
Определение термина в основных философских и научных энциклопедиях	
Список основных «реперных точек»	
Описание	
Реперная точка 1.	
Название, период	
Развернутое и краткое историческое описание данного периода	
Ссылки на описание данного периода в основных электронных энциклопедиях	
Причины, оказавшие наибольшее влияние на формирование данного узла описания объекта-идеи	
Описание объекта-идеи в контексте данного периода (развернутое и краткое)	
Ключевые авторы (с указанием произведений и цитированием)	
Связь с другими объектами-идеями.	

Таблица 2

ПАСПОРТ ОБЪЕКТА-ИДЕИ «АТОМИЗМ»

Атомизм	
Современное устойчивое определение	Атомизм как идея предполагает, что любые объекты состоят из конечного количества элементов
Определение термина в основных философских и научных энциклопедиях	АТОМИСТИКА, атомизм – учение о дискретном (прерывистом) строении материи. В более широком смысле атомизм обозначает дискретность объекта, процесса, свойства (социальный атомизм, логич. атомизм и др.) [6, с. 41–42]. АТОМИЗМ – термин, принятый для обозначения совокупности натурфилософских учений о дискретной структуре материи, времени или пространства [1, с. 196]

Окончание таблицы 2

Список основных «реперных точек»	Древнегреческий атомизм Левкиппа и Демокрита; античный стоицизм и эпикуреизм; средние века, Фома Аквинский; возрождение, Джордано Бруно; метафизический материализм Нового времени; конец XIX – начало XX в., Планк, Эйнштейн; современный этап: теория струн, темная материя и темная энергия, квалиа, социальный атомизм, цифровой атомизм
Описание	
Реперная точка 1. Древнегреческий атомизм Левкиппа и Демокрита	
Название, период	Античность, Досократический этап древнегреческой философии конец V–IV вв. до н.э.
Развернутое и краткое историческое описание данного периода	Античность (от лат. antiquitas – древность, старина) – цивилизация и культура Древней Греции и Древнего Рима, рассматриваемые как начальная эпоха, основа европейской и современной мировой цивилизации и культуры в ряду эпох: античность – средние века – новое время. Эта точка зрения связана с тем, что античность сформировала государственное устройство, ставшее моделью для современной мировой цивилизации, – демократию, народовластие – и в процессе его формирования взрастила культуру, ставшую одной из существеннейших и энергичнейших сил всей последующей мировой культуры
Ссылки на описание данного периода в основных электронных энциклопедиях	http://www.hrono.ru/_300grek.php
Причины, оказавшие наибольшее влияние на формирование данного узла описания объекта-идеи	Характерной чертой раннегреческой философии является ярко выраженный космоцентризм, в центре внимания первых греческих философов находились проблемы мироздания – Космоса, природы, мира в целом. Главная заслуга философов раннего этапа была в том, что они сформулировали фундаментальный философский вопрос: что есть начало всех вещей? В концептуальном плане идея атомизма – результат отрицания возможности существования актуальной бесконечности
Описание объекта-идеи в контексте данного периода (развернутое и краткое)	Представим себе два кувшина. Один наполнен водой, в второй – пустой. Перельем половину воды в пустой кувшин и выльем ее. Затем снова перельем половину оставшейся воды и выльем и т.д. Наступит ли такой момент, когда останется частичка воды, которую поделить надвое уже будет нельзя? Поскольку бесконечность не существует, Демокрит сделал вывод о том, что все тела делимы не до бесконечности, а до предела, т.е. состоят из неделимых частиц, или атомов
Ключевые авторы (с указанием произведений и цитированием)	Анаксагор – идея гомометрии Демокрит – все состоит из атомов и пустоты Архимед –математический атомизм
Связь с другими объектами-идеями.	История античного атомизма кроме учений Демокрита и Эпикура соотносится с учением о неделимых частях пространственной величины (первичные треугольники Платона, неделимые линии Ксенократа), времени, движения (Диодор Крон). Альтернативой принципу дискретности был принцип непрерывности (континуума), сторонники которого (Аристотель, стоики) были главными его критиками

Выводы

Апробация модели показала ее эффективность для отбора содержания и его графического представления в информационной системе. К достоинствам выбранного подхода можно отнести то, что он позволяет устанавливать многоуровневые связи между различными этапами и философскими концепциями, демонстрируя их общие основания на уровне базовых концептов-идей и методологические различие, ярко проявляющиеся в специфике толкования фундаментальных философских идей. К недостаткам используемого метода можно отнести трудоемкость и сложность историко-философской работы, требующей не только философской, научной и общекультурной интуиции, но и глубокого знания первоисточников, поскольку зачастую ценные связи находятся во фрагментах, не нашедших отражения в словарях, учебниках и хрестоматиях. В связи с этим планируется организовать широкое сетевое обсуждение наполняемой информационной системы среди современных отечественных философов и историков.

Литература

1. Античная философия: Энциклопедический словарь. – Москва: Прогресс-Традиция, 2008. – 896 с.
2. Зубов, В.П. Развитие атомистических представлений до начала XIX века. – Москва: Наука, 1965. – 372 с.
3. Лавджой, А. Великая цепь бытия: История идеи / А. Лавджой. – Москва: Дом интеллектуальной книги, 2001. – 376 с.
4. Никифоров, О.Ю. Обобщенная структурная модель информационной системы «История философских идей» / О.Ю. Никифоров, Н.А. Ястреб // Человек в технической среде: сборник научных статей / под ред. Н.А. Ястреб. – Вологда: ВоГУ, 2015. – Вып. 2. – С. 90–93.
5. Никифоров, О.Ю. Проект открытой информационной системы «История философских идей» / О.Ю. Никифоров, Н.А. Ястреб // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2013. – № 2. – С. 68–73.
6. Философский энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1983. – 830 с.

Рецензент – Н.В. Дрянных, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии ВоГУ.

N.A. Yastreb, O.Yu. Nikiforov

HISTORY OF IDEAS AS A METHOD OF CONSTRUCTING THE INFORMATION SYSTEM ON PHILOSOPHY

The article considers a model of the modern information system which would present the structured form of main philosophical ideas in their philosophical, historical and common cultural aspects. Based on the ideas' history method, the model of content organization of this information system is described in the report. The implementation of this model is illustrated with the example of the atomistic idea.

History of ideas, atomism, the information system on the philosophy.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.09

Ю.В. Розанов
Вологодский государственный университет

КУРОРТНЫЙ ТЕКСТ А.М. РЕМИЗОВА

Курортный текст А.М. Ремизова составляют главы из мемуарных книг писателя «Взвихренная Русь» и «Мышкина дудочка», отразившие впечатления от неоднократного посещения Ессентуков. В последней книге знаменитый курорт уподоблен раю, куда почти не проникают отголоски трагических событий российской истории и где возможна встреча с духовно близким человеком, пусть и умершим. Такое мистическое предположение позволило Ремизову выразить свое реальное отношение к Лермонтову, Чехову, Короленко.

Курорт, рай, двойничество, революция, символизм, мистика.

В самом начале 1950-х годов в газете «Новое русское слово», выходившей в Нью-Йорке, появилось несколько мемуарных очерков А.М. Ремизова, представителя уже уходящего поколения русской эмиграции. Они легли в основу одной из последних мемуарных книг писателя «Мышкина дудочка», изданной в 1953 благотворительным издательством «Оплешник» в количестве трехсот экземпляров. Тексты «Мышкиной дудочки» не укладываются в общепринятые рамки мемуарной прозы. Оценивая новую работу Ремизова, Ю.К. Терапиано писал: «Даже с чисто формальной точки зрения словесное мастерство и образная выразительность стиля Ремизова достигает здесь такого уровня, что, читая, даже не отдаешь себе отчета в том, как эта вещь сделана, т.е. ни одно слово не “выпадает” из общего ритма речи, и только остановившись умышленно на формальном наблюдении, начинаешь замечать все особенности ремизовского языка <…> Мир представляет собой как бы сон наяву, все в нем взаимопроникаемо, судьбы людей, животных и “неодушевленных” предметов связаны между собой таинством общей жизни, в мире нет ничего замкнутого в себе и отдельного, которое не могло бы превращаться из одного в другое» [5, с. 4]. Писатель, безусловно, осознавал новаторский, экспериментальный характер своей новой работы. В инскрипте на книге, подаренной своим друзьям – супругам Струве, Ремизов, уже почти ослепший, писал: «Марье Семеновне / Глебу Петровичу / Струве / интермедия к Розовому блеску[1] для передышки тут я гораздил без оглядки и делаю словесные опыты-копыты» [4, с. 383]. Все это в полной мере можно отнести и к «курортному» тексту «Мышкиной дудочки» – главе «В сияньи голубом».

В отличие от других известных писателей Серебряного века, Ремизов долго не мог позволить себе отдых на курортах. Каждое лето, когда литературно-художественный Петербург устремлялся на дачи и в санатории, семья Ремизовых или оставалась в пыльном каменном городе, или довольствовалась деревенскими домами своих знакомых. Только в 1915 году супруги смогли в первый раз позволить себе месячный отдых и лечение в Ессентуках в санатории доктора М.С. Зёрнова. Это оказалось возможным благодаря льготным путевкам общества «Санаторий». Ессентукское вспомогательное общество «Санаторий» было образовано в 1900 году известным московским врачом М.С. Зёрновым, каждый летний сезон работавшим на этом молодом курорте. (Ессентуки стал развиваться значительно позже других курортов группы Кавказских Минеральных Вод.) Общество «Санаторий» ставило перед собой задачу «создать благоприятные условия жизненной обстановки во время лечения в Ессентуках за возможно недорогую плату для малосостоятельных лиц всяких профессий и положений»[2]. Общество строило санаторные здания и фактически бесплатно предоставляло комнаты своим «малосостоятельным» пациентам, которые оплачивали лишь питание и медицинское обслуживание. Первый санаторий общества, рассчитанный на 70 мест, был построен в 1902 году, второй – «Новая санатория» доктора Зёрнова – в 1912. (Сейчас это корпус № 1 санатория «Шахтер».) К 1915 году общество «Санаторий» располагало 244 комнатами, обширной столовой на 300 человек, библиотекой и читальным залом. Вокруг зданий был разбит лечебный парк с аллеями, газонами, цветниками и розариумом. Поблизости находился питьевой бювет «Ессентуки № 17». По пятницам устраивались литературные и музыкальные вечера, пользовавшиеся большой популярностью. В них участвовали как знаменитые артисты и

[1] Писателю в зрелые годы было свойственно рассматривать все свои книги как единый текст, отдельные части которого связаны самыми разными связями, включая игровые и мистические. Здесь упомянут роман Ремизова «В розовом блеске» как более серьезное произведение по сравнению с «интермедией» «Мышкина дудочка».

[2] Цит. по: Корчевная, А. Город Ессентуки. История и современность [Электронный ресурс] / А. Корчевная. – Режим доступа: http://rusjourn.ru/show/?id=86116

писатели, так и скромные любители. «Кого только не пришлось нам видеть и слышать в санаторской столовой: чуть ли не весь Художественный театр со Станиславским во главе, Никулину, Варламова, Давыдова», – вспоминала жена владельца санатория Софья Александровна Зёрнова-Кеслер[3]. На высоте было и медицинское обслуживание. Зёрнов еще в 1901 году научно обосновал использование воздушных и солнечных ванн в медицинских целях, а в 1910 году открыл в Ессентуках Электросветовой, диагностический и терапевтический институт. К.С. Станиславский восторженно отзывался о курорте: «Здесь, конечно, лучше, чем в Виши [курорт во Франции, в департаменте Аллье]. Мне нравится, как ведет меня доктор Зёрнов. Думаю, что я не обмалокровлю, а напротив…»[4]. Ему вторил другой знаменитый пациент – В.Г. Короленко: «Что касается местности и климата, то они, конечно, лучше Наугейма [курорт в Германии, в Гессен-Дармштадте]. По силе воды не уступают наугеймским, по разнообразию – превосходят. Порядки не так плохи, как прежде рассказывали. По дешевизне – дешевле заграничного. Мы, например, платим в санатории Зёрнова пять рублей за двоих, и очень недурно. Хорошая комната, изрядный стол»[5].

Думается, что такого же мнения был и Ремизов, страдающий болезнью желудка, по крайней мере он еще дважды (в 1916 и 1917 годах) приезжал с женой в этот санаторий. Три поездки писателя в Ессентуки поразному отразились в его текстах. Более полно представлен третий, последний отдых четы Ремизовых в санатории доктора Зёрнова со 2 августа по 7 сентября 1917 года. Во-первых, сохранился дневник писателя, в котором отражены некоторые события ессентукской жизни, правда, крайне скупо [2, с. 469–478]. (В дневниках он фиксировал, главным образом, свои сновидения.) Во-вторых, в автобиографической хронике «Взвихренная Русь» пребывание на курорте описано в девятом разделе главы «Москва» [1, с. 143–147]. Здесь же встречаются фрагментарные воспоминания о предыдущих сезонах. И, наконец, главу из «Мышкиной дудочки» можно определить как основной курортный текст писателя.

Ситуация в санатории доктора Зёрнова для Ремизова каждый раз выглядела по-новому. Если в августе 1915 года, несмотря на войну с Германией, санаторий имел вполне мирный, можно сказать, идиллический вид, то в 1916 многое поменялось. Ремизов вспоминал курорт той поры: «Ессентуки представляли собой огромный госпиталь: по аллеям бродили бесчисленные раненые на костылях и в бинтах, сопровождаемые сестрами милосердия в форме, в косыночках с красным крестом, спадающими на плечи широкими круглыми пелеринами» [1, с. 144]. Еще хуже стало в 1917 году. В дневниковых записях тех дней тревога, отчаяние, безнадежность. 9 августа: «Сегодня началась забастовка. Чаю нет, дали сырое яйцо и хлеб. Прислуга комнату не убирала. <…> Развал и распад» [2, с. 471]. 14 августа: «Погубили Россию. Неумелость, бесталанность» [2, с. 471]. 10 сентября: «Вчера после трехдневного путешествия с препятствиями вернулись домой. <…> А все-таки здесь легче, свободнее. Как тяжело жить в провинции с подслушиванием и подсматриванием [2, с. 478]. Такие же настроения и в соответствующем разделе книги «Взвихренная Русь»: «И в санатории, как и везде, та же растормошенность, и то же “по военному времени”. Революция вылезла забастовкой: забастовка “служащего персонала”, а во время Корниловского выступления – в “шпионстве”, когда, пользуясь случаем, сводили счеты» [1, с. 144].

Совершенно иные настроения в очерке «В сияньи голубом» – итоговом ессентукском тексте Ремизова, в котором совместились события всех трех сезонов с явным преобладанием августа 1915 года как наиболее благополучного. Злоба дня, которой насыщены курортные записи писателя 1916–1917 годов, или исчезла совсем, или ушла в подтекст, порой едва уловимый. В «сильной позиции» текста находится образ рая. «А какой рай Божий открыл нам московский доктор Михаил Степанович Зёрнов…» «Мы приехали в Ессентуки в ясное августовское утро; помню особенный свет, тепло, распростертые по горизонту горы… И вот мое первое чувство: рай Божий. Среди этой райской благодати начинается наша жизнь…» [3, с. 155].

Сравнение курорта с раем довольно банально, особенно при первом посещении, но в данном случае оно имеет нетривиальное продолжение. В раю (на «том свете») возможна встреча с духовно близким тебе человеком, пусть и давно умершим. На курорте происходит такая мистическая встреча Ремизова с Лермонтовым, гением места Кавказских Минеральных Вод. «В лунные ночи, а эти осенние ночи и тихи и тревожны, земля, натрудившаяся, отдыхает, каменеют ее черные тяжелые горбы: Бештау, Бык, Верблюд и, дымясь мерцающим туманом, уносится Машук – “Выхожу один я на дорогу./ Сквозь туман кремнистый путь блестит; / Ночь тиха, пустыня внемлет Богу, / И звезда с звездою говорит”. И я чувствую его, моего звездного обреченного спутника, – в блестящий кремнистый путь…» [3, с. 155]. Другой цитатой из знаменитого лермонтовского стихотворения писатель озаглавил свое произведение, еще раз подчеркнув космический, райский архетип.

Рассказав о «встрече через века», Ремизов задает себе вопрос, что было бы с Лермонтовым, живи он «в наше время». Ответ выглядит неожиданным и странным: «В газетах его печатали бы на Рождество и Пасху… и вернее, и вовсе не печатали бы: уж очень своеволен и своедумье ни на какую мерку – “не понятно”, “не понимаем!”. Иванов-Разумник – в своих “Заветах” и “Скифах”. Но на “Заветах” не больно разойдешься. А стало быть, случись беда, надо лечиться, – единственный выход: подать прошение в Хлебный переулок, № 9 доктору М.С. Зёрнову» [3, с. 156]. Ремизов уподобляет прогнозируемую писательскую судьбу Лермонтова своей собственной жизни в искусстве, которую он считал крайне тяжелой и даже трагической. Рассказы, появлявшиеся лишь в праздничных выпус-

[3] Цит. по: Корчевная, А. Город Ессентуки. История и современность [Электронный ресурс] / А. Корчевная. – Режим доступа: http://rusjourn.ru/show/?id=86116

[4] [Б. а.] Ессентукские встречи. К.С. Станиславский на Кавказе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kmvline.ru/lib/ev_15.php

[5] [Б. а.] Ессентукские встречи. В.Г. Короленко на Кавказе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kmvline.ru/lib/ev_18.php

ках газет и журналов, постоянные упреки редакторов в том, что автор непонятен для среднего читателя, и, наконец, сближение с Р.В. Ивановым-Разумником и его литературной группой «Скифы» – все это знаки его литературной биографии.

Ессентуки, конечно, рай, курорт подобен раю, но от настоящего рая его отличает наличие довольно сильного и постоянного ветра. На том свете, если судить по распространенным мифологическим представлениям, ветра никогда не бывает. Ветер – единственное, что раздражает писателя, отвлекает его от отдыха и работы, путает листы рукописей, «а то возьмет и лист за листом, играя, закрутит в трубку, не успеешь, и все очутится за окном» [3, с. 156]. Ремизов, похоже, намеренно преувеличивает силу ветра, который в современных рекламных изданиях Ессентуков характеризуется эпитетами «мягкий», «степной», «душистый», «освежающий», т.е. расценивается как еще одно достоинство курорта. Такое преувеличение необходимо писателю, ведь ветер – это символ революции, символ перемен. (Хотя бы по поэме А.А. Блока «Двенадцать», которую Ремизов считал гениальной и в поэтическом, и в политическом смыслах.) Революция создает множество неудобств, личных и бытовых проблем, вызывает тревогу и сумятицу в мыслях. Кому можно рассказать о них, кому пожаловаться?

В санатории появляются два новых пациента, две «светлых личности» – Короленко и Чехов. В идеологическом смысле такие люди в санатории Зёрнова более чем уместны. И Владимир Галактионович, и Антон Павлович были, правда, по-разному, «властителями дум и выразителями чаяний» той самой трудовой демократической интеллигенции, для которой и был создан данный санаторий. Естественно, что к Короленко, как к более подходящей для этой цели «светлой личности», выстраивается очередь курортников с различными просьбами и жалобами. Во «Взвихренной Руси» графическим приемом отступа слева писатель выделяет слова, объясняющие тягу людей к «знаменитому русскому писателю»: «Человек есть человек и при всяких соображениях, и при всяких стихийных явлениях, и при каждой точке зрения остается человеком, который может не только есть и пить, но которому больно и мучается» [1, с. 145]. Идет к нему и Ремизов, поговорить и пожаловаться *на ветер*, т.е. на все те проблемы, которые вызвала революция. Короленко очень серьезно отнесся к жалобе, обещал вопрос о ветре обсудить с хозяином санатория и обещание свое вскоре выполнил. «Спрашивал у Михаила Степановича, – сказал как-то Короленко, но уже сурьезно, – Михаил Степанович одобряет: “и слава Богу говорит, не будь этого ветра, и все б мы здесь задохнулись”. И что же оказалось: город Ессентуки – невылазная свалка и зараза, а чистить не желают, чистит ветер» [3, с. 157]. Здесь уже прочитывается «скифский взгляд» на революцию как на очищающую стихию, который во многом был близок и Ремизову. При этом взгляды доктора Зёрнова на климатическую специфику Ессентуков писатель передает довольно точно. Еще в 1903 году на Втором Всероссийском съезде бальнеологов Зёрнов заявлял: «Санитарные условия Ессентукской группы находятся в самом первобытном состоянии. Отсутствие чистого воздуха – это какая-то роковая принадлежность Ессентуков. Только после дождя и можно им подышать, но в это время невылазная грязь делает улицы почти непроходимыми»[6].

Во «Взвихренной Руси» общение рассказчика с Короленко показано по-другому, с другим набором фактов, но общая тональность такая же. Владимир Галактионович – «светлая личность», милый, добрый, доступный для всех, многое понимающий человек. Многое, но не все… В заключительном эпизоде содержится легкая критика позитивистских воззрений знаменитого писателя. «Я купил красного зайца: необыкновенного – красный! <…> Заяц изумительный: “он смотрел и все понимал” <…> “Владимир Галактионович, – не удержался я, – какой чудесный заяц, погладьте!” Короленко взял моего зайца и совсем ласково спросил меня, смотря еще ласковее: “Вы убеждены, что неодушевленные предметы чувствуют?” Для меня в ту минуту было это так несомненно, я так носился с этим зайцем, и на такое у меня просто не было слова ответить» [1, с. 146]. По смыслу эпизод соответствует репутации Короленко в символистских кругах, отраженной в афористическом выражении, приписываемом К.И. Чуковскому: «Короленко знает ужасы жизни, но не знает *ужаса* жизни». Возможно, что легкий ремизовский выпад против старомодного позитивизма Короленко отчасти мотивирован и тем, что Владимир Галактионович был одним из тех многих литераторов и редакторов, которые не принимали раннее творчество Ремизова и тем самым препятствовали его литературной карьере.

Перейдем к другой «светлой личности», посетившей демократический санаторий. Высокого седоватого господина в пенсне отдыхающие поначалу приняли за графа Витте, но «к вечеру всем стало известно, что это Чехов». В рассматриваемом тексте нет никаких дат и явных временных ориентиров, поэтому мистификация возможна и на уровне некой путаницы живых и уже умерших знаменитостей. Вскоре выяснилось, что это действительно Чехов, но не писатель, а его родной брат Иван Павлович, учитель из Москвы. Впрочем, это прояснено для читателей, обитатели же санатория и рассказчик благодаря «магии имен» видят в скромном учителе великого писателя. «Поддавшись всеобщему убеждению, забывая, что Антон Павлович давно помер, я хоть и называл нашего компаньона Иваном Павловичем, но невольно смотрел и слушал как Антона Павловича, которого только раз, да и то во сне видел, но осеннюю печаль чеховских рассказов и это не холодное безразличное сердце, этот трепет человека, которому открыто о какой-то воле, но пути скрыты, храню в памяти незабывно» [3, с. 161]. По поводу двух Чеховых в произведении возникает мотив двойничества, вполне уместный в курортном локусе, где тот свет (подобие рая Божьего) накладывается на этот.

Мотив двойничества еще раз обыгрывается Ремизовым в такой почти обязательной курортной процедуре как финальная групповая фотография «на память» на фоне фасада главного санаторного здания.

[6] Цит. по: Город-курорт Ессентуки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kmvtut.ru/

Ремизов описывает два, даже три фотографических снимка. Первый представляется вполне реальным: «На память решено было сниматься: М.С. с Короленкой и Чеховым, а кругом ступеньками, прижавшись друг к другу, вся санатория…» [3, с. 161]. Эта фотография фигурирует во «Взвихренной Руси». Там она сопровождается несколько анекдотичным рассказом фотографа, упустившим знаменитых клиентов: «Почему не снял больше карточек и во всех видах и положениях…» [1, с. 147]. Второй снимок относится к области мистики и спиритизма. В те годы увлечение мистическим часто пересекалось с новейшими достижениями в области техники. В газетах, например, появляясь сообщения о том, что с помощью специальных методов фотографии и киносъемки удавалось зафиксировать невидимые простым глазом объекты, например привидения. Еще чаще подобные факты подавались как игра случая: фотографировали одно, а на снимке проявлялось нечто совершенно другое. Спириты, в свою очередь, тоже пытались использовать для личных целей достижения фототехники. Вот как выглядела вторая курортная фотография: «Под деревом на скамейке около старого здания санатории – Короленко и с ним, как уверяли, Антон Павлович Чехов, заложив ногу на ногу, и художник Реми из «Сатирикона», с поджатыми» [3, с. 161]. Известного художника-карикатуриста Н.В. Ремизова-Васильева, подписывающего свои работы музыкальным псевдонимом «Ре-ми», писатель представлял как своего более благополучного двойника, слегка намекая на его близость к инфернальному миру – «негритянское обличье» [3, с. 197]. В основе мистификации – частые случаи путаницы обоих Ремизовых. «Я, как Иван Павлович к *Чехову*, привык к своей роли: я – художник Реми из «Сатирикона» [3, с. 162].

Текст символически закольцован. Закончен курортный сезон. Разъехались по домам и знаменитости, и простые пациенты доктора Зёрнова. В опустевшем лечебном парке рассказчик встречает маленькую девочку. «“Стой, – сказала она и лукавыми глазенками посмотрела, как проверила: – я тебя сниму”. <…> А она вынула коробочку, пальчиком там повела, как фотограф делает: “Готово! – и подает багряный виноградный листок: – Вот ваша карточка”». И эта третья фотография признается Ремизовым перед лицом вечности самой настоящей: «Я не “художник”, не “Сатирикон”, я только осенний виноградный листок» [3, с. 162]. А «кремнистый путь» в вечность указан Лермонтовым…

Литература

1. Ремизов, А.М. Взвихренная Русь // Ремизов А.М. Собрание сочинений / А.М. Ремизов. – Москва: Русская книга, 2000. – Т. 5. – С. 3–420.

2. Ремизов, А.М. Дневник 1917–1921 годов // Ремизов А.М. Собрание сочинений / А.М. Ремизов. – Москва: Русская книга, 2000. – Т. 5. – С. 423–533.

3. Ремизов, А.М. Мышкина дудочка // Ремизов А.М. Собрание сочинений / А.М. Ремизов. – Москва: Русская книга, 2003. – Т. 10. – С. 3–176.

4. Струве, Г. Надписи А.М. Ремизова на книгах. Из моего собрания / Г. Струве // Русский альманах. – Париж: [Б. и.], 1981. – С. 379–386.

5. Терапиано, Ю.К. [Рецензия на кн. А.М. Ремизова «Мышкина дудочка»] / Ю.К. Терапиано // Новое русское слово (Нью-Йорк). – 1953. – № 15023. – С. 4.

Рецензенты: С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ,
Н.Н. Постникова, кандидат филологических наук, редактор редакционно-издательского отдела ВоГУ.

Yu.V. Rozanov

RESORT TEXT BY A.M. REMIZOV

Resort texts in the works by A. M. Remizov are introduced in the chapters of his *Whirlwind Russia* and *A Flute for Mice* memoir books which are reflecting the impression of his repeated visits to Yessentuki. In the latter book the famous resort is likened to the paradise where the echoes of the tragic events of Russian history can hardly penetrate to and where it is possible to meet some a kindred spirit person, albeit dead. This mystical assumption allowed Remizov to express his real attitude to M. Lermontov, A. Chekhov and V. Korolenko.

Resort, paradise, duplicity, revolution, symbolism, mysticism.

УДК 82.09

Н.Л. Фишер
Языковая школа OISE
Гейдельберг, Германия

В ПОИСКЕ САМОИДЕНТИЧНОСТИ – ОТ АНТРОПОЦЕНТРИЗМА К ЭГОЦЕНТРИЗМУ В ЛИТЕРАТУРЕ (на примере романа М. Фриша «Штиллер»)

Изменения в объективной реальности бытия человека разрушают то зеркало мира, в котором субъект искал свое отражение, свою идентификацию. Его образ утрачивает портретные черты, концентрируясь на внутреннем мире, на собственном Эго, совмещая функции субъекта и объекта повествования. Художественная реальность литературного текста открывает повествующему субъекту новое пространство ролевой игры с целью познания и самопознания человека. В романе М. Фриша «Штиллер» автор использует наряду с непосредственными возможностями языка (детализированное описание, сравнения) средства повествования (переключение внешней и внутренней перспектив Я-повествователя) и интертекстуальность. Варьирование и прописывание различных ролей Я-повествователя в поиске идентичности ведет к тому, что возникает хаос мнемонических и фантазийных полусуществований. Таким образом, повествующий субъект выделяет в своем сознании доминирующую роль Я, антропоцентризм повествования переходит в эгоцентризм.

Самоидентичность, эгоцентрическое повествование, ролевые воплощения Я-повествователя, интертекстуальность.

Находясь в центре новой парадигмы познания и отражения посредством описания внешнего мира, человек осознается его активным началом, освобождается от своей природной зависимости и полагает себя неким Я. Формой существования Я выступает мышление. В движении мысли Я опредмечивается и обретает статус не-Я, что позволяет познавать себя равноположенно с другими предметами, объектами мира. Таким образом, процесс познания переходит в самопознание, а антропоцентрическая модель литературного мира становится эгоцентрической.

Динамичность внешнего мира, включение в него виртуальной реальности новых технических средств самовыражения человека искажают и разрушают то зеркало мира, в котором субъект искал свое отражение, свою идентификацию. Образ человека «редуцируется», утрачивая портретные черты, типизирующие характеристики, концентрируясь на внутреннем мире, на собственном Эго, совмещая функции субъекта и объекта повествования.

Художественная реальность становится одной из форм игрового познания и самопознания человека, который ввиду своей эксцентрической природы стремится преодолеть рамки непосредственного существования. Примером романа с моделируемым полиролевым игровым пространством отдельного субъекта является произведение М. Фриша «Stiller», где в форме дневника повествователь-протагонист отражает процесс становления своей новой субъективности и противостоящий ему социальный контекст. Границы планов Я-повествователя и ролевых воплощений Я маркированы композиционно и располагают специфическим арсеналом лингвистических средств.

Создаваемая реальность кодируется языком, художественно-изобразительными средствами и никогда не предстает в чистом виде, а скорее в виде человеческих (антропоморфных) представлений о ней. Стремление зеркально отразить мир объектов и их восприятие, использование механизмов метафоризации, переноса физического опыта в сферу нефизического, абстрактного опыта человека способствуют созданию антропоцентрической модели мира. Тенденции субъективации повествования обусловливают вторичное кодирование отраженной реальности уже не на когнитивном, а на концептуальном уровне, когда язык становится медиумом ассоциаций, рефлексий на переживание восприятия объективного мира. Говорение выступает формой существования, а язык как «зеркало человеческого духа» (Лейбниц) (цит. по: [1, с. 273]) – средством поиска идентичности повествующего субъекта, что отмечает Л. Саарлилуома: «Die Sprache ist nicht mehr ein Mittel, von den Dingen außerhalb der Sprache zusprechen; sie ist ein unabhängig von der Intentionen des einzelnen Sprachbenutzers fungierendes System. Sie dient nicht mehr dem einzelnen Benutzer, sondern der Benutzer überlässt sich dem Prozess der Produktion der Bedeutungen in der Sprache»[1] [5, с. 67]. Значимость говорения для осознания человеком своей субъективности, личности подчеркивает персонаж романа М. Фриша: «Wer schweigt, hat nicht einmal eine Ahnung, wer er nicht ist»[2] [4, с. 331].

Кодируемая языком эпистемическая модель мира становится пространством выбора роли желаемого Я, пространством поиска идентичности.

«Идентичность – соотнесенность с самим собой в связности и непрерывности собственной изменчиво-

[1] Язык не является средством повествования о вещах вне языка; он – независимая от интенций отдельного говорящего система. Он не служит отдельному пользователю, напротив, пользователь отдает свой творческий процесс значениям единиц языка (здесь и далее пер. с нем. Н. Фишер).

[2] Кто молчит, не знает, кто он не есть. (нем.)

сти и мыслимая в этом качестве с целью подтверждения ее саморавности» [3, с. 297]. Идентичность связана с индивидуальностью, что обусловливает необходимость наличия социального контекста, пусть и в атомизированном виде. Формой моделирования Другого как минимального социального контекста может стать фрагмент собственной личности, объективированный через знание о себе. «Это видение извне – так, как мы видим другого и как никогда не можем увидеть самих себя, всегда остающихся внутри наших собственных я» [2, с. 113] становится личностно значимым основанием самопознания.

Интерсубъектное пространство поиска самоидентификации в художественной реальности эгоцентрического повествования, когда организующим структурным элементом выступает Я мира фикции, сложное в системе ролей и полифункциональное в прагматической нагрузке, обусловливает различные сферы ролевых воплощений и поиска идентификации Я. Роман М. Фриша «Stiller» отличается сложной системой путей удостоверения смоделированной субъективности через спектр ролей Я.

Я как маркер роли субъекта коммуникации в текстах эгоцентрического повествования соотносится с повествователем и протагонистом в пространстве художественного произведения. Роль Я как субъекта коммуникации – одна из возможностей самоутверждения и поиска самоидентичности моделированной субъективности в процессе творчества. Переживая кризис идентичности, субъект стремится «воскресить» себя, прописывая свою индивидуальную биографию. Я-повествователь в романе Stiller открыто указывает на процесс фиксации событийного ряда биографии: «Ich soll mein Leben niederschreiben! Wohl um zu beweisen, dass ich eines habe, ein anderes als das Leben ihres verschollenen Herrn Stiller»[3] [4, с. 1].

Указание на необходимость письма (soll niederschreiben) поддерживается и в дальнейшем повествовании. Постепенно план Я-повествователя изменяет свои функции в общем контексте, основной темой становится проблема творчества, возможностей удостоверения собственной идентичности в слове, поскольку «рассказать можно все, только не свою действительную жизнь» («Man kann alles erzählen, nur nicht sein wirkliches Leben» [4, с. 64]), вероятно, «жизнь нема, а слово – лишь нарост на ней» («Ist das Wort eine Ablagerung? Vielleicht ist das Leben, das wirkliche, einfach stumm…» [4, с. 66]).

Смоделированное игровое пространство свободно для реализации Я как повествователя, ограничивая другие роли. Субъект повествования находит удовлетворение, успешность ролевого воплощения в эстетике словесного самовыражения, и в этом процессе возникает образ Другого как читателя: «Ja; wer denn soll lesen, was ich in diese Hefte schreibe! Und doch, glaube ich, gibt es kein Schreiben ohne Vorstellung, dass jemand es lese, und wäre dieser Jemand nur der Schreiber selbst»[4] [4, с. 9].

Указывая идентичность этого образа повествующему Я (wäre dieser Jemand nur der Schreiber selbst), повествователь замыкает коммуникативную триаду, чем удостоверяет ее успешность и, как следствие, успешность идентификации ролевого воплощения Я.

В самоотчуждении заключается исходная посылка дальнейшего процесса поиска идентичности, ее объективность в художественном контексте, выбор «роли», отделение Я от творящего сознания: «Man will sich selbst ein Fremder sein[5]. Nicht in der Rolle, wohl aber in der unbewussten Entscheidung, welche Art der Rolle ich mir zuschreibe liegt meine Wirklichkeit» [4, с. 330].

Творящее Я моделирует для себя как Другого возможные ролевые воплощения, основываясь на шкале ценностей отражаемого в художественном произведении общества. Отдельные фрагменты описания ролевых признаков пронизывают все повествование, так что задуманная для объективируемого Я идентичность предстает перед читателем динамичной, живой, в процессе формирования. Сложность идентификации обусловлена тем, что протагонист не желает признавать навязываемую ему обществом роль – «Я не Штиллер»: «Ich bin nicht Stiller! <…> ich hab's ja erfahren, bin ich nicht ich selbst, sondern neige dazu <…> eine Rolle zu spielen die ihnen so passen möchte…» [4, с. 9].

Характеристики субъекта, имеющие вещественную внетекстовую референцию («Ich bin deutscher Abstammung, – erklärte ich, – Amerikaner deutscher Abstammung» [4, с. 10]; «Mein Name ist White» [4, с. 23]), вытесняются оценочными, так что моделируемая роль Я постепенно становится субъективно-оценочным самоописанием протагониста – «несчастный, никчемный, ничего не значащий человек»: «Was wollen sie von mir! Ich bin ein unglücklicher, nichtiger, unwesentlicher Mensch, der kein Leben hinter sich hat, überhaupt keines <…> und was sie mir anbieten, ist Flucht, nicht Freiheit, Flucht in eine Rolle» [4, с. 49].

Разрушение возможностей целостного восприятия субъектом себя как аутотождественной личности, ограниченность игрового пространства для самореализации субъекта, наложение рефлексий и анализа переживаний приводит к «кризису идентификации» (Дж. Уард). Существование человека редуцируется до момента переживания, рефлексии, языковой реализации Я (kein Lebenhinter sich – нет жизни позади), что лишает субъективность содержания (meine Leere =meine Wirklichkeit – моя пустота = моя реальность) и перспектив освобождения личности через самопознание, стремление начать с чистого, «белого» листа (Mein Nameist Mr. White.). В качестве возможного пути самоидентификации вновь рассматривается роль. Ее моделирование осуществляется путем сопоставления Я-объекта фикции с антропо- и эго-характеристиками других персонажей, в лингвистическом плане реализуется стилистическим приемом сравнения. При сравнении повествующий субъект включает свое объективированное Я в ситуации эксплицитного и имплицитного сопоставления. В процессе такого сопоставления происходит выявление аспектов схожести.

[3] Я должен записать мою жизнь! Вероятно, чтоб доказать, что (у меня) она есть… (нем.)

[4] Кто должен читать то, что я пишу в эти тетради <…> только сам писатель. (нем.)

[5] Хочется стать чужим самому себе. (нем.)

Другие как Я: «Vor mir stehtein Dicker mit glänzen der Glatze (wieich) und mit fetten Faltenam Nacken…» [4, с. 19].

Я как Другой: «James Larkin (Jim) White, a young cowboy who made his first entry trip in 1901 <…> "Sind Sie denn Jim White?" – fragt er. "Nein, – lache ich, – das gerade nicht! Aber was ich selber erlebt habe, sehen Sie, war genau das gleiche – genau"» [4, с. 172].

Субъективность протагониста выступает зеркалом для необходимого отчуждения (ich sehe mich selber – я вижу меня самого), формой объективации для моделирования внешнего и внутреннего планов образа Я.

Осознавая неустойчивость, обусловленную, с одной стороны, навязыванием роли Я обществом («…dass ich Stiller zu sein habe… niemand anders als ich selbst zu sein» [4, с. 67]), а с другой – субъективным характером сопоставления и оценки процессов идентификации, Я стремится к удостоверению доказательности выводов через моделирование ситуаций сравнения с полярными позициями в эгоцентрированной системе координат. Я понимается как единственная субъективность в эпистемической модели мира, так что все другие персонажи, в том числе и иные ролевые воплощения Я, становятся объектами посредством овеществления: «Ich begriff: ihr ganzes Verhalten bezieht sich nicht auf mich, sondern auf ein Phantom…»[6] [4, с. 83].

Внешний, вещественный план человека лишается черт соотнесения (ein Phantom), чем снимаются границы ассоциативного пространства поиска идентификации. Образ «der Mann ohne Eigenschaften» поддержан в контексте романа новым ролевым именем для протагониста Mr. White. Однако лишенный вещности (Я есть тело), субъект стремится удостоверить свою реальность через эпистемические образы мира, структурированные на основе субъективной, эгофокусированной значимости.

Средством удостоверения идентичности Я в иной роли выступает интертекстуальность. Оценочные аспекты прописываемой Я биографии не имеют онтологически-событийного обоснования, в качестве базы доказательств выступает литературно-художественный контекст: Я – гном, Минотавр, Томас Манн («wie ein Gnom, wie ein Minotaurus» [4, с. 59]; «wie Thomas Mann» [4, с. 67]).

Посредством аллюзивной ссылки Я-объект фикции удостоверяет свои субъективные впечатления от наблюдаемой реальности, включает их в общее знание, указывает на свою тождественность с Другим. При передаче инициативы интертексту, например «сказка начинается так» («Das Märchen lautet etwa so…» [4, с. 71]), текст начинает творить сам себя, некую художественную идентичность, воспроизводя фрагменты своих претекстов, так что возникает опасность того, что Р. Барт назвал «смертью субъекта». Тем не менее, роль творящего Я обретает черты художественной идентичности, что способствует успешному завершению процесса самоидентификации.

Таким образом, в текстах эгоцентрического повествования моделируется многоплановое игровое пространство воплощения ролей Я с общим эго-центром координат. Я-повествователь в поиске идентичности прописывает свою субъективную биографию. Фрагменты такой биографии замкнуты на иную роль Я, возникает хаос мнемонических и фантазийных полусуществований, что иллюстрирует идею «исчезновения человека» М. Фуко и идею «смерти автора» Р. Барта. В оппозиции «человек – мир» наблюдаются тенденции сдвига: отчуждение мира переместилось на отчуждение самого себя от Я, антропоцентризм переходит в эгоцентризм.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – Москва, 1999.
2. Гришман, М.Г. От текста к произведению, от данного общества к целостному миру / М.Г. Гришман // Вопросы литературы. – Москва: Известия, май, 1990. – С. 108–113.
3. Постмодернизм: энциклопедия. – Минск, 2001.
4. Frisch, M. Stiller / M. Frisch. – Frankfurt am Main, 1973.
5. Saarliluoma, L. Der postindividualistische Roman / L. Saarliluoma. – Würzburg, 1994.

Рецензент – С.А. Кароннова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкого языка ВоГУ.

N.L. Fisher

IN QUEST OF SELF-IDENTIFICATION – FROM ANTHROPOCENTRISM TO EGOCENTRISM IN LITERATURE (ON CASE STUDY OF *STILLER* NOVEL BY M. FRISCH)

Changes in the objective reality of human existence destroy the mirror of the world, in which the subject was looking for its reflection, its identity. His image loses portrait features and focuses on the inner world, on his own ego, combining features of the subject and the object of the narrative. Artistic reality of literary narrative opens a new space of role-playing game for the purpose of human cognition and self-discovery to the narrating subject. In his novel "Stiller" M. Frisch uses features of the narrative (switching between external and internal prospects of the I-narrator) and intertextuality, along with the direct language features (finely detailed description, comparison). Varying and describing of the different roles of an I-narrator in the search for identity leads to the fact that there will be chaos of thought half-existence. That's why the telling subject highlights the dominant actors part of his "I" in his mind, narrative anthropocentrism goes into egocentrism.

Self-identity, egocentric narrative, actors parts of I-narrator, intertextuality.

[6] Я понял: их поведение связано не со мной, а с фантомом... (нем.)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.111

О.А. Бурсина
Вологодский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ГИПЕРО-ГИПОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ОТРАСЛЕВЫХ ТЕРМИНОСИСТЕМАХ
(на примере терминосистемы социальной работы в современном английском языке)

Статья нацелена на выявление особенностей гиперо-гипонимических отношений в терминосистемах. Объектом исследования является система терминов социальной работы в современном английском языке. Гиперо-гипонимические отношения являются регулярными и приветствуются в отраслевых терминосистемах. Родо-видовые отношения и отношения равноправия выражены связями между гиперонимами и гипонимами, а также между гипонимами одного гиперонима или эквонимами соответственно. Подобные связи и отношения образуют гиперо-гипонимические группы слов: цепочечные, радиальные и радиально-цепочечные. Значение термина гипероним как более обобщенное значение специализируется в значениях всех его гипонимов. Один гипероним может иметь столько гипонимов, сколько признаков понятия, выраженного гиперонимом, уточняется и закрепляется в специальных значениях других терминов. Гипероним шире по объему своей референции, но уже по содержанию закрепляемого им понятия в сравнении с гипонимом, т.е. уже по набору атрибутов, характеризующих специальное понятие.

Терминосистема, гипоним, гипероним, гиперо-гипонимические группы терминов, значение.

На фоне проникновения научных знаний, научно-обоснованных подходов, технических инноваций во все области деятельности человека, включая повседневную жизнь, изучение теоретических и прикладных проблем терминоведения приобретает все большую значимость и вызывает неподдельный практический интерес со стороны исследователей языка. В частности, социально-экономические реформы последних десятилетий и огромное количество нарастающих социальных проблем во всем мире являются экстралингвистическими факторами, обусловливающими потребность в более глубоком и всестороннем изучении терминосистемы социальной работы.

Признавая партитивные отношения между литературным языком и языком для специальных целей, заключаем, что любой корпус терминов, будучи частью глобальной языковой системы, системно организован. Это означает, что терминосистема социальной работы в современном английском языке характеризуется разнообразием и иерархическим построением элементов системы – терминологических единиц (ТЕ) – и наличием различного рода системных лексико-семантических связей между ними [1]. Гиперо-гипонимические отношения, являясь одними из самых фундаментальных типов парадигматических отношений относятся все же к наименее изученным в современной науке о языке.

В системе общелитературного языка гиперо-гипонимический тип связи между лексическими единицами (ЛЕ), основанный на родо-видовой общности, признан одним из важнейших принципов организации словарного состава языков. Действительно, гиперо-гипонимических рядов слов, связанных друг с другом отношениями соподчинения и господства, довольно много в лексической системе. Лингвистические исследования отраслевых терминосистем подтверждают, что гиперо-гипонимические связи ТЕ также являются основным и довольно распространенным видом парадигматических связей, т.к. практически любая терминосистема в основе имеет родо-видовые отношения и являет собой организованную иерархичную систему [2; 5; 3; 1].

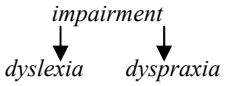
Под гипонимией понимается отношение между частным и общим понятиями [4]. В работах М.В. Никитина находим положение о многоступенчатом характере данного явления, в силу которого мы имеем дело с гиперонимами – единицами, выражающими родовые понятия, гипонимами – единицами, выражающими видовые понятия, и эквонимами – единицами одного уровня обобщения [6].

Наличие и распространенность гиперо-гипонимических отношений между терминами априори является одной из важнейших характеристик любого корпуса терминов, поскольку в основе терминосистемы (как строго иерархичной) лежат отношения господства и подчинения или родо-видовые отношения и отношения равноправия. Первые выражены связями между гиперонимами и гипонимами, последние – между гипонимами одного гиперонима или эквонимами. Подобные связи и отношения образуют гиперо-гипонимические группы слов: цепочечные (один гипероним – один гипоним), радиальные (гипероним – два и более гипонима), радиально-цепочечные (смешанной конфигурации) [7]. К радиально-цепочечным группам терминов отнесем

сложные многоярусные образования, когда один или более гипонимов могут выступать в качестве гиперонимов к последующему ярусу гипонимов или когда в условиях полисемии один гипероним может соотноситься с двумя и более группами гипонимов.

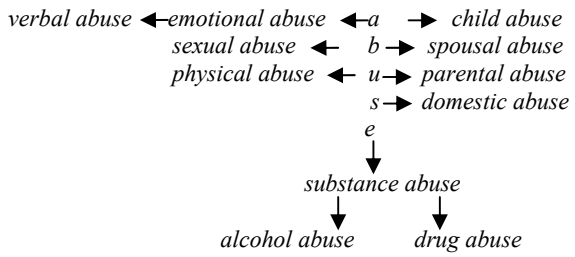
В общелитературном языке гипероним обозначает более широкий класс сущностей и обладает расширенной обобщенной семантикой по сравнению с гипонимом, семантика которого частично отражена гиперонимом и специализируется в значении гипонима. Относительно терминологической лексики Б.Н. Головин приходит к следующим наблюдениям: поскольку в терминосистемах передаются системные отношения между специальными понятиями, содержание видового понятия (гипонима) оказывается шире родового (гиперонима), а объем при этом – уже. Отсюда исследователь делает вывод о том, что в рамках терминологической лексики в отличие от общеупотребительной «значение слов-гипонимов (видовых понятий) включает в себя большее число семантических компонентов, чем значение слов-гиперонимов (родовых понятий)» [2, с. 59]. Правомерность данного заключения подтверждается в ходе исследования гиперо-гипонимических групп терминов социальной работы в современном английском языке. Рассмотрим пример (1) радиальной гиперо-гипонимической группы, содержащей 3 ТЕ.

(1)



Выделяется наиболее общий термин *impairment*, являющийся родовым, соответственно гиперонимом по отношению к двум другим – гипонимам. Термины *dyslexia* и *dyspraxia* выступают как подчиненные родовому термину и обозначают более узкие понятия. Обобщенная семантика гиперонима '*the condition of being unable to perform as a consequence of physical or mental unfitness'* отражена в семантике обоих гипонимов '*a slight disorder of the brain'* и '*an impairment in the control of the motor system'* соответственно. Однако их содержание шире и включает большее количество семантических компонентов при более узком объеме '*a variable often familial learning disability involving difficulties in acquiring and processing language that is typically manifested by a lack of proficiency in reading, spelling, and writing'* и '*may be developmental or acquired, resulting from a cerebral lesion'* соответственно.

В примере (2) показана сложная многоярусная гиперо-гипонимическая радиально-цепочечная группа, состоящая из двух цепочечных структур (*abuse – substance abuse; emotional abuse – verbal abuse*) и трех радиальных структур (*abuse – emotional abuse, sexual abuse, physical abuse; abuse – child abuse, spousal abuse, parental abuse, domestic abuse; substance abuse – alcohol abuse, drug abuse*). Общее количество ТЕ – 12.



Построение такой сложной гиперо-гипонимической группы терминов возможно в силу полилексемного характера гиперонима *abuse*. Являясь гиперонимом по отношению к гипонимам первой радиальной группы – *emotional abuse, physical abuse, sexual abuse* и второй радиальной группы – *child abuse, spousal abuse, parental abuse, domestic abuse*, он имеет обобщенную семантику '*improper behavior intended to cause harm to an individual or group'*. Гипонимы первой группы выступают как подчиненные родовому термину и обозначают более узкие понятия, конкретизируя компонент *harm: emotional abuse 'a form of manipulation that usually involves constant criticism, belittling, and purposely intimidating the victim, among other forms of communication'; sexual abuse 'a statutory offence that provides that it is a crime to knowingly cause another person to engage in an unwanted sexual act by force or threat'; physical abuse 'an act of another party involving contact intended to cause feelings of physical pain, injury, or other physical suffering or bodily harm'*. Отметим при этом, что содержание гипонимов шире и включает большее количество семантических компонентов (manipulation, statutory offence, crime) при более узком объеме понятия.

Гипонимы второй группы выступают как подчиненные родовому термину и обозначают более узкие понятия, конкретизируя в том числе компонент *an individual or group: child abuse 'physical, sexual, or emotional ill-treatment or neglect of a child, esp. by those responsible for its welfare'; spousal abuse 'a form of abuse or violent action that occurs between two individuals in a close relationship'; parental abuse 'any harmful act by a teenage child intended to gain power and control over a parent'; domestic abuse 'any incident or pattern of incidents of controlling, coercive, threatening behaviour, violence or abuse between those aged 16 or over who are, or have been, intimate partners or family members regardless of gender or sexuality'*. Прослеживается закономерность в том, что содержание гипонимов шире и включает большее количество семантических компонентов (*by those responsible for a child welfare, by a teenage child, intended to gain power and control over, aged 16 or over, regardless of gender or sexuality*) при более узком объеме понятия.

Термин substance *abuse* является гиперонимом в третьей радиальной группе. Гипонимы *alcohol abuse* и *drug abuse* выступают как подчиненные родовому термину и обозначают более узкие понятия. Обобщенная семантика гиперонима '*using drugs or alcohol in a bad way'* отражена в семантике обоих гипонимов '*using alcohol in a bad way'* и '*illegal use of drugs'*, однако их содержание шире и включает большее количество семантических компонентов (*illegal*) при более узком объеме.

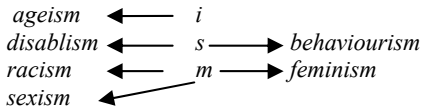
Термин *substance abuse* также является гипонимом в цепочечной структуре *abuse – substance abuse*. В данном случае гипероним *abuse* имеет значение '*the use of smth. in a way that is wrong or harmful'*. Гипоним, находясь в отношениях подчинения, конкретизирует компонент *smth: 'the misuse of any substance for uses other than its intended purpose'*.

Еще одним примером того, что гипонимы одной группы терминов могут быть гиперонимами после-

дующей группы терминов в многоярусном радиально-цепочечном образовании, является гипоним первой радиальной группы *emotional abuse*, который выступает гиперонимом по отношению к гипониму *verbal abuse* в цепочечной группе *emotional abuse – verbal abuse*. Гипероним *emotional abuse* имеет значение '*a form of manipulation that usually involves constant criticism, belittling, and purposely intimidating the victim, among other forms of communication'*. В семантике гипонима выражена обобщенная семантика гиперонима, его значение конкретизируется, ограничиваясь рамками компонента *verbal 'the use of words to cause harm to the person being spoken to, may consist of shouting, insulting, intimidating, threatening, shaming, demeaning, or derogatory language'*. Однако его содержание шире и включает большее количество семантических компонентов (*to cause harm, shouting, insulting, threatening, shaming, demeaning, derogatory language*) при более узком объеме.

В примере (3) показана сложная многоярусная гиперо-гипонимическая группа, состоящая из двух радиальных групп (*ism – ageism, disablism, racism, sexism; ism – behaviourism, feminism*). Общее количество ТЕ – 7 ТЕ.

(2)



Подобная возможность терминов являться гиперонимом нескольких гиперо-гипонимических структур обусловлена наличием полисемии терминов. В приведенном примере имеем дело с полисемантическим термином *ism* и двумя его значениями: 1. '*a distinctive doctrine, cause, or theory'*. 2. '*an oppressive and especially discriminatory attitude or belief*'. В соответствии с тем или иным значением термина создается радиальная гиперо-гипонимическая группа.

В первой радиальной группе ТЕ выделяется наиболее общий термин *ism*, являющийся родовым, соответственно гиперонимом по отношению к четырем другим – гипонимам. Остальные термины выступают как подчиненные родовому термину и обозначают более узкие понятия. Обобщенная семантика гиперонима '*an oppressive and especially discriminatory attitude or belief*' отражена в семантике всех гипонимов: *ageism 'prejudice or discrimination against a particular age-group and especially the elderly'; disablism 'prejudice or discrimination against disabled people'; racism 'abusive or aggressive behaviour towards members of another race on the basis of such a belief'; sexism 'discrimination on the basis of sex, esp. the oppression of women by men'*. Однако их содержание шире и включает большее количество семантических компонентов (*a particular age-group, the elderly, disabled people, race, sex*) при более узком объеме.

Выделяем вторую радиальную группу во главе с наиболее общим родовым термином *ism*, соответственно гиперонимом по отношению к двум другим – гипонимам *behaviourism, feminism*, которые выступают как подчиненные родовому термину и обозначают более узкие понятия. Обобщенная семантика гиперонима '*a distinctive doctrine, cause, or theory*' отражена в семантике гипонимов '*a school of psychology that takes the objective evidence of behavior (as measured responses to stimuli) as the only concern of its research and the only basis of its theory without reference to conscious experience'; 'the theory of the political, economic, and social equality of the sexes'* соответственно. Однако их содержание шире и включает большее количество семантических компонентов (*psychology, behavior, political, economic, social equality of the sexes*) при более узком объеме.

Итак, гиперо-гипонимические отношения являются регулярными и приветствуются в отраслевых терминосистемах, единицы которых достаточно дробно отражают действительность с позиций их специального освещения. Изучение гиперо-гипонимических групп терминов помогает структурировать корпус терминов любой области деятельности человека и формировать ее особенную языковую картину. Значение термина гипероним как более обобщенное значение специализируется в значениях всех его гипонимов. Один гипероним может иметь столько гипонимов, сколько признаков понятия, выраженного гиперонимом, уточняется и закрепляется в специальных значениях других терминов. Очевидно, что наличие гиперо-гипонимических отношений в терминосистеме имеет место тогда, когда в семантике связанных отношениями включения терминов обнаруживаются общие семантические признаки, составляющие одно из сравниваемых значений, и дополнительные признаки, отличающие одно значение от другого из сравниваемых значений. Из приведенных примеров следует, что гипероним шире по объему своей референции, но уже по содержанию закрепляемого им понятия в сравнении с гипонимом, т.е. уже по набору атрибутов, характеризующих любую сущность. Эта закономерность основывается и на специфике качества гиперо-гипонимических групп терминов.

Литература

1. Бурсина, О.А. Структура, семантика и функционирование терминосистемы социальной работы в современном английском языке (на материале англоязычной литературы для социальных работников): дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Бурсина Ольга Алексеевна. – Санкт-Петербург, 2014. – 197 с.

2. Головин, Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. – Москва: Высшая школа, 1987. – 104 с.

3. Загоровская, О.В. Термин и терминология: монография / О.В. Загоровская, Т.Н. Данькова. – Воронеж: Научная книга, 2011. –146 с.

4. Кронгауз, М.А. Семантика: учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / М.А. Кронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Академия, 2005. – 352 с.

5. Куликова, И.С. Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии) / И.С. Куликова, Д.В. Салмина. – Санкт-Петербург: Сага, 2002. – 352 с.

6. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. – Санкт-Петербург: Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с.

7. Харитончик, З.А. Лексикология английского языка: учебное пособие / З.А. Харитончик. – Минск: Высшая школа, 1992. – 229 с.

Рецензент – Л.В. Егорова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ.

O.A. Bursina

TYPICAL FEATURES OF HYPERNYM-HYPONYM RELATIONS IN TERMINOLOGIES (BASED ON THE EXAMPLE OF SOCIAL WORK TERMINOLOGY IN MODERN ENGLISH)

The aim of the article is to observe the peculiarities of typical relations between hyponyms and hypernyms in terminologies. Modern social work terminology is taken as an example in the research. Hypernym-hyponym relations are considered to be regular and desirable in terminologies. The relations of superodination, subordination and equality are translated with the help of hyponyms and hypernyms, and cohyponyms respectively. Due to such relations there are hypernym-hyponym groups of terms in terminologies: chain-like, radial and complex term groups (with the features of chain-like and radial ones). On the one hand, the meaning of the hypernym is general and includes the meanings of all possible hyponyms. On the other hand, this general meaning is specified in the meanings of all the hyponyms. So, one hypernym can have many hyponyms depending on how many its semantic components can be specified in their special meanings. In spite of the fact that the hypernym has a general meaning the number of its semantic components is smaller in comparison with the hyponyms which can add some specific characteristics.

Terminology, hyponym, hypernym, hypernym-hyponym groups of terms, word meaning.

УДК 81’42

В.А. Бурцев
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

СЛУШАЮЩИЕ И РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В ДИСКУРСЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ

Исследование осуществляется в рамках выполнения научно-методических работ, включенных в государственное задание Министерства образования и науки Российской Федерации в 2015 году

Данная статья посвящена способам интерпретации высказывания с точки зрения говорящего и адресата религиозного дискурса. В работе выявляется репертуар иллокутивных речевых актов, адресованных участникам религиозной коммуникации; определяется понятие приемлемости высказывания на уровне дискурса, проводится анализ ролевых статусов участников коммуникации в ситуации произнесения православной проповеди. Вопреки широко распространенному мнению о субъективности речевого акта, в описание иллокутивного значения высказывания привлекаются понятия контекста, говорящего и адресата, которые лежат в рамках конвенций и социальных норм и не связаны с конкретными прагматическими условиями употребления языка. Показано, что имеются речевые акты, направленные не на отдельных коммуникантов, а на участников ситуации общения всех вместе. В статье подчеркивается еще один важный момент: в дискурсе может быть стерто иллокутивное различие между предложениями с пропозициональными и непропозициональными значениями.

Адресат, говорящий, дискурс, коммуникация, субъективность высказывания, речевой акт, иллокутивное значение, православная проповедь.

1. Введение

Проблему слушающих и речевых актов в дискурсе можно представить как часть более широкой проблемы субъективности в языке. Исследуя ее в этом плане, следовало бы рассмотреть все средства, которыми выражается категория слушателя/адресата. Сюда относятся, в частности, обращения, местоимения, имена собственные, типы иллокутивных актов (приказы, команды, просьбы) и др. Этот подход предполагает выявление зависимости субъективности высказывания (как части его значения) от модели адресата, которую говорящий строит в канонической коммуникативной ситуации[1]. Высказывания из примеров (1)–(3) показывают данную зависимость. В примерах из (1) это, прежде всего, реплики, выражающие эмоциональную реакцию на полученное сообщение; в примерах из (2) предложения с обращениями; в примере (3) совершенный вид императива, который в

[1] Каноническая, «полноценная» [17, с. 269], коммуникативная ситуация предполагает говорящего и синхронного слушателя, контекст «здесь и сейчас».

данном случае, как отмечено в [17, с. 74], используется говорящим для «обоснования собственной нужды».

(1) *Не тебе это говорить. Чья бы корова мычала, а твоя молчала. Что ты, что твой верблюд*[2].

(2) *Москва едина, на колена, Упав, перед тобой стоит, Власы седые простирает, тебя, Богиня, ожидает, К тебе единой вопия…* (М. Ломоносов). *Лизанька, мы не поедем; Что ты, мать моя? Глуха что ли!* (А. Пушкин).

(3) *Сдайте домашние тетради.*

Однако есть примеры, в частности такие, как (4), когда информация отнесена к адресату и он назван говорящим, но прагматическая форма проявления адресата отсутствует.

(4) *Образ Божий в этих христианах изглаждается все больше и больше. Многие очень мало думают о времени. У других крещенных, хотя и есть желание облечься во Христа, но желание весьма слабое* [5, с. 66].

В (4) адресаты названы (*эти христиане, многие, другие крещенные*), но без всякой прагматической параметризации и индивидуализации. Примеры (5)–(8), аналогичные (4), показывают, что в любом типе текста, очевидно, возможны подобные «исключения».

(5) *В этой вашей трахнутой Америке* ***многие*** *думают, что просто так гуляют, а между тем все под наблюдением* (Василий Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)) [13].

(6) ***Каждый из нас*** *сам по себе, повинуясь только природному инстинкту, выполняет вполне определенный круг обязанностей* (Сочинение девочки по биологии (2003)) [13].

Примеры (4)–(6) ставят под сомнение исключительность тезиса (который в свете теории субъективности высказывания по необходимости лежит в основе исследования категории адресата) о том, что существует только прагматическая, интенционально-субъективная, зависимость между категориями говорящего и адресата. Мы хотели бы показать, что в дискурсе формальные проявления адресатов не связаны с прагматическими правилами, свойственными канонической коммуникативной ситуации, и что имеются другие правила, которыми регулируется речевая деятельность говорящего при обращении к слушателям. Так, мы считаем, что в высказываниях типа (4) мнение говорящего относительно того, как он должен вести себя по отношению к слушателям, никак не связано с конкретными прагматическими условиями употребления данного предложения. Говорящий не может здесь выполнить свои обязанности по осуществлению иллокутивных актов, не опираясь на те из них, которые рассчитаны на информирование как адресата, так и всякого, кто слышит или может слышать и даже читает данное высказывание.

В настоящей статье сделана попытка показать, что, во-первых, существование таких иллокутивных актов предопределено особенностями использования языка, когда он употребляется для выражения особой идеологии; во-вторых, в предмет изучения категории адресата справедливо включить некоторые логические параметры организации высказывания, в частности те, которые связаны с выражением отношения говорящего (как пользователя языка для выражения особой идеологии) к высказываемой им пропозиции. Между тем «пресуппозиция адресата» [1, с. 358] является отправной точкой исследования. Поэтому в качестве объекта рассмотрения в данной статье выбраны языковые средства, типичные для грамматических проявлений категории адресата: прежде всего это обращения. Помимо них для анализа привлекаются языковые средства, открывающие, как представляется, доступ к определению сферы действия высказываний лишь на те категории слушающих, к которым конкретно обращена речь. Такими средствами являются, с нашей точки зрения, предложения с кванторами, долженствующие и изъяснительные предложения.

Ввиду сказанного нас прежде всего интересует, какую роль слушающего выбирает говорящий, конструируя свои высказывания при употреблении языка для выражения особой картины мира? Нас также интересует, является ли этот выбор произвольным, т.е. обусловленным субъективной деятельностью автора речи, или этот выбор – результат ограничительного действия правил, которые таковы, что исключают говорящего из механизма акта выскаывания, отвечающего за соотнесенность высказывания с выражаемой им картиной мира?

Материалом в данной работе служат тексты русской православной проповеди, особенности языка которых мы рассматриваем как дискурс. Под дискурсом понимается особая подсистема (подъязык) внутри системы общенародного языка, используемая для выражения особой ментальности и особой идеологии [19], [18]. «Дискурс – это “язык в языке”, но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей “грамматики” и своего “лексикона”, как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это – “возможный (альтернативный) мир” в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс – это один из “возможных миров”. Само явление дискурса, его возможность, и есть доказательство тезиса “Язык – дом духа” и, в известной мере, тезиса “Язык – дом бытия”» [19, с. 43–44].

В пункте 2 укажем основные результаты исследований роли слушающих в религиозной сфере общения; в пункте 3 будет описана процедура анализа категории адресата в данной работе; в пункте 4 приведены результаты исследования по предлагаемой процедуре.

2. Адресат текстов церковно-религиозного стиля и религиозного дискурса

Адресат (слушающий, получатель речи, рецептор, интерпретатор, декодирующий, собеседник, аудитория) – это второй (пассивный) участник коммуникации [1, с. 358]. Пока мы рассматриваем понятие адре-

[2] Примеры из: [1, с. 360].

сата как родовое для всех возможных ролей второго участника коммуникации. Примеры (7) с обращением и (8) с местоимением являются типичными для иллюстрации того, как в проповеди говорящий строит лексическую структуру своего высказывания, представляя тип слушателей.

(7) ***Дорогие во Христе братья и сестры!*** *Чистота сердца, достигаемая покаянием, есть основа основ христианской жизни* [4, с. 42].

(8) *Но спасающей Премудростью Божией, всепрощающей любовью Господней даровано* ***нам*** *покаяние* [4, с. 13].

На наш взгляд, употребление стандартных, типовых обращений и местоимения *Мы* в проповедях является основным формальным признаком, в силу которого в литературе выдвигается общий тезис о том, что адресация текстов, принадлежащих церковно-религиозному стилю, рассчитана на обобщенного (массового, коллективного) адресата [11]. Этот тезис подтверждается и в том случае, когда модель адресата строится исходя из коммуникативно-дискурсивной роли слушающих в коммуникации (например верующие/атеисты) [2].

Однако ни стилистический подход, ни сугубо коммуникативный не способны учесть специфический перлокутивный эффект адресации высказывания в дискурсе, благодаря которому ответственность за принятие пресуппозиций высказывания ложится на **ЛЮБОГО** слушателя, кто бы в действительности им ни был. В настоящей статье мы показываем, что этот эффект наблюдается в дискурсе (русской православной проповеди) и не наблюдается, если за текстами стоит только стиль и нет дискурса.

3. Коммуникативные роли адресата в канонической коммуникации

Важно подчеркнуть, что во всех подходах объяснение семантики высказывания в связи с фигурой адресата заключается в том, что адресованное высказывание рассматривается как субъективно квалифицированное утверждение, которым говорящий показывает свое отношение к адресату. Для канонической коммуникативной ситуации это представляется бесспорным. Однако мы против того, чтобы использовать интенционалистский подход к описанию категории адресата в проповеди. Характерное свойство высказываний в дискурсе составляет то, что их производство не зависит от реальных условий протекания ситуации, которые в подлинной коммуникации служат мотивом речевой деятельности. Примеры (1)–(3) иллюстрируют результаты речевой деятельности говорящего по построению адресованных высказываний в условиях подлинной коммуникации. Между тем в проповедях нет даже конструкций, кроме императива, подобных конструкциям в (1)–(3). В очень значительной части адресованных высказываний в проповеди в качестве номинаций адресата используются кванторные слова (*всякий, все, любой, каждый* и др.).

(9) *На суде Божием, который сотворит Господь во втором Своем пришествии,* ***каждый*** *получит заслуженное* [4, с. 10].

В предложениях типа (9) имя адресата никак не связано с его прагматическим, окказиональным, осмыслением говорящим, что обусловлено, как мы полагаем, редуцированным характером информационной структуры кванторов: они не могут сообщать индивидуализированную информацию об объекте. Кванторный характер местоимения из (9) показывает глубинная структура, в которой предикативная группа с кванторным словом парафразирована (как предложено в [15] для описания семантики кванторных слов) в сложное предложение с предикативным квантором (выделена шрифтом).

(9а) ***Для всякого человека верно****, что на суде Божием он получит заслуженное.*

В целом, такие факты подтверждают вывод об обобщенном характере адресата религиозного стиля и религиозного дискурса, но вопрос о том, являются ли такие высказывания субъективно квалифицированными в отношении адресата, остается открытым. Для того чтобы ответить на этот вопрос, предлагается следующая процедура исследования. Во-первых, необходимо определить коммуникативную роль, которая отводится говорящим аудитории (так делали все, кто рассматривал роль второго участника коммуникации в том или ином виде коммуникации, например [9], на чью работу мы в основном опираемся далее). Во-вторых, необходимо рассмотреть средства конструирования адресованных высказываний в дискурсе проповеди.

Для определения коммуникативной роли адресата используем классификацию адресатов, предложенную в [9]. Согласно указанной статье в акте коммуникации могут участвовать поодиночке или одновременно **слушающие**, **участники** и **адресаты**. Слушающие определяются как случайные слушатели, которых говорящий не намеревался включить в число участников речевого акта. Это просто свидетели иллокутивного акта, который им не адресован. Например, А разговаривает с Б, но это слышит также и С, который случайно оказался свидетелем разговора. Участники – тип слушающих, которые не являются адресатами именно данного речевого акта, но они также участники разговора, и им могут быть адресованы другие речевые акты в рамках этого разговора. Например, А разговаривает и с Б, и с С, но в данный момент он сообщает информацию, которая касается только Б. Адресаты – это такие участники, по отношению к которым в высказывании употребляется или может быть употреблено обращение.

В качестве средств конструирования адресованных высказываний в дискурсе проповеди мы рассматриваем контекст (как средство регуляции иллокутивной силы адресованного высказывания) и обращения (как лексико-грамматические средства конструирования фигуры адресата в структуре высказывания).

4. Коммуникативная роль адресата в дискурсе проповеди

Согласно определению, если высказывание содержит обращение, то оно служит формальным основанием, чтобы рассматривать коммуникативную роль второго участника как роль адресата. Исходя из этого, примеры типа (10) – это высказывания, интерпретатором которых должен быть адресат, а не слушающий или участник коммуникации.

(10) ***Возлюбленные во Христе братия и сестры,*** *Господь наш Иисус Христос приходил на землю, учил людей добру и истине, даровал нам Свое Евангелие, явил пример Свое жизни и обещал не оставлять нас сиротами без помощи и наставления…* [8, с. 11].

Если следовать исключительно формальным признакам, то в подавляющем большинстве текстов проповедей говорящий представляет аудиторию как адресата. Дополнительным свидетельством в пользу этого вывода служит ко-текст[3] обращений. Средства ко-текста – это элементы эгоцентрической речи. В (11)–(13) ко-текст выделен шрифтом.

(11) ***Сегодня,*** *дорогие мои, мы* ***прославляем*** *святого благоверного великого князя* ***Александра Невского*** [14, с. 33].

(12) ***Наступает новый год.*** *Опять начинается новый счет дней с 1 января. Не правда, ли, дорогие мои, время, по образному сравнению св. Григория Богослова, это постоянно льющийся поток, который истекает из вечности и втекает в нее* [14, с. 72].

(13) *Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Возлюбленные о Господе братья и сестры!* ***Великий Четверг****… День особенный…* [4, с. 808].

В примере (11) средством актуализации высказывания является наречие времени *сегодня;* в примерах в (12)–(13) – функционально подобные номинативные единицы, называющие повод произнесения проповеди (память великого князя Александра Невского, Новый год, Великий четверг).

Если высказывания с обращениями в проповеди – это высказывания, принадлежащие эгоцентрической речи, то по свойствам адресованных высказываний они не должны отличаться от актуализованных высказываний, которые употребляются в других сферах коммуникации. Например, высказывание

(14) *Дети, закройте окно*

не должно отличаться от высказывания

(15) *Братия и сестры, призываю вас в этот священный день усугубить свою молитву*.

То есть оба они должны иметь своим объектом адресата, а не участника и слушающего. Однако высказывание (15) и все другие из проповеди в сравнении их с разговорными или, например, художественными отличаются и типом адресата, и условиями производства (ситуативно актуализованное / ситуативно неактуализованное (дискурсное)).

Как показано в [9], в целях выявления сферы действия высказывания (на участника или адресата), релевантными оказываются его речеактовые свойства. Поэтому можно учитывать способность некоторых предложений использоваться в качестве определенных иллокутивных актов (применительно к адресованным высказываниям – в качестве условных). Примеры (16)–(17) из [9] иллюстрируют это положение. Высказывание (17) может быть рассмотрено как эквивалентное (16).

(16) Джордж (Алистеру и Фергусу): *Тот, кто будет уходить последним, выключите свет*.

(17) Джордж (Алистеру и Фергусу): *Если вы окажетесь последними из тех, кто будет уходить, выключите свет* [9, с. 304].

Авторский комментарий таков: «Здесь и Алистер и Фергус являлись бы адресатами, но просьба имела бы отношение к тому, кто действительно уйдет последним» [9, с. 304].

Методом условного анализа (см. пример (17)) были проанализированы предложения типа (18). Мы в принципе ничего не изменили в методике, кроме того, что, вместо придаточного исходного предложения, в качестве условной предикативной группы использовали парафразу с «определенным статусом» слушающего. Статус является определенным, так как условное выражение – это парафраза предложения с обращением, которое в принципе оказывается наименованием конкретного референта. В дискурсе проповеди наблюдается следующая закономерность. Если высказывание как условный иллокутивный акт приемлемо, то оно нацелено на адресата. Если высказывание условного иллокутивного акта неприемлемо, то оно нацелено на участника.

(18) *Христианин! Отрадно тебе слышать, сколь ты высок, и сколь высокия надежды просиявают сквозь мрак гроба: но елико ты высок, толико смиряйся, – смиряйся пред Богом и человеками* [5, с. 24].

(18а) *Если ты слушающий, и ты высок, то, как бы ты ни был высок, смиряйся.*

(18б) *Если ты не слушающий, то к тебе это не относится.*

Высказывание (18б) неприемлемо для ситуации проповеди, так как даже случайные слушающие не могут считать себя свободными от выполнения прескрипций, подобных в (18). Пример (18) и другие подобные позволяют сделать вывод, что в проповеди все высказывания с обращениями нацелены на участников.

Если попытаться применить указанный способ анализа к высказываниям из других стилей, то оказывается, что условный анализ дает приемлемые выражения. Пример (14), который был приведен выше, из обыденного языка (из разговорной речи).

(14) *Дети, закройте окно.*

(14а) *Если вы дети, закройте окно*.

(14б) *Если вы не дети, то к вам это не относится*.

Пример (19) из поэтической речи[4]; и хотя его трансформы стилистически ограничены, в семантическом отношении они не являются неприемлемыми.

(19) *О милый гость, святое Прежде, / Зачем в мою теснишься грудь* (В.А. Жуковский).

(19а) *Если ты милый гость, то зачем в мою теснишься грудь*.

(19б) *Если ты не милый гость, то к тебе это не относится*.

Таким образом, в примерах (14), (19) из разговорного и поэтического текстов получатели речи – это адресаты.

Предлагаемый подход имеет последствия для оценки других, выделяемых в литературе, возможных статусов получателей речи в религиозном дискурсе.

[3] «Речевой контекст или ко-текст… используется в первую очередь в лингвистике текста, а также в конверсационном анализе и дискурс-анализе (в узком смысле)» [12, с. 147].

[4] Пример из: [10, с. 340–341].

Так, в [2] адресатами названы верующие и атеисты. Однако анализ показывает, что по крайней мере в православной проповеди говорящий не делит аудиторию по этому признаку. Все примеры типа (20а)–(20б) свидетельствуют, что сказанное говорящим не может относиться к одним людям и не относиться к другим, а говорящий не воспринимает аудиторию по признаку воцерковленности.

(20) *На суде Божием, который сотворит Господь во втором Своем пришествии, каждый получит заслуженное* [4, с. 10].

(20а) *Если ты верующий, то получишь заслуженное.*

(20б) *Если ты атеист, то к тебе это не относится.*

Примеры типа (20) показывают также и то, что адресованные высказывания в дискурсе проповеди не содержат момент субъективности в оценке получателя речи. Они не связаны с прагматическим контекстом и конкретным говорящим как носителем определенных психологических (воля, эмоции, мнение) и (отчасти) социальных характеристик. Такой вывод подтверждается также примерами типа (21)–(22), из которых видно, какими речеактовыми свойствами обладают предложения в дискурсе проповеди. Мы используем анализ речеактовых свойств предложений, потому что характер речевого акта, который может и должен совершить говорящий при употреблении данного типа предложений в качестве своих высказываний, объективно отражает природу речевого общения между говорящим и слушающим. Материалом в данном месте служат адресованные изъяснительные предложения. В языке проповеди на их базе, почти без исключений, образуются высказывания, в которых придаточные ведут себя так же, как подчиненные предикации при фактивных глаголах, т.е. придаточная часть представляется как истинная сама по себе [6, с. 305]. Это иллюстрирует (21а):

(21) *Мы видим, что многие из грешников, принесши покаяние, достигли в высшей степени христианского совершенства* [5, с. 172].

(21а) *Многие из грешников, принесши покаяние, достигли в высшей степени христианского совершенства.*

Выражения из (21а) аналогичны выражениям с референцией к факту. Они позволяют представить придаточные группы в виде обоих типов номинализаций, как полных, так и неполных. Ср.: *Достижение многими грешниками… высшей степени христианского совершенства; То, что многие грешники достигли высшей степени христианского совершенства.* Именно такие преобразования показывают, что данные выражения имеют референцию к факту, а не к событию или пропозиции. На основе сходства сочетаемостных и семантических свойств фактивных предикатов и иллокутивных глаголов можно определить синонимичный фактивным предикатам иллокутивный глагол. Это глагол *Сообщать*, который во многих контекстах способен заменить фактивный предикат, не разрушая семантического эффекта исходного выражения.

(21б) ***Сообщаю**, что многие из грешников, принесши покаяние, достигли в высшей степени христианского совершенства.*

Если же заменить фактивный предикат на экспозитив *считать/полагать,* описанная связь исчезает.

(21в) ***Считаю (полагаю)**, что многие из грешников, принесши покаяние, достигли в высшей степени христианского совершенства.*

Выражения типа (21в) обладают прямыми субъективными коннотациями и как таковые в дискурсе проповеди невозможны, так как адресат должен тогда верить интеллектуальным представлениям конкретного говорящего, а не догматам церкви. Таким образом, из потенциальных речеактовых свойств изъяснительного предложения в дискурсе проповеди может быть реализовано только одно – 'Сообщение'. Исходя из этого вывода, следует заключить, что такими же речеактовыми свойствами обладают предложения с непропозициональными (субъективными) значениями, например долженствующие, широко представленные в проповедях. Мы утверждаем, что так оно и есть: в проповеди предложения с непропозициональными значениями функционируют как сообщения. Это показывают нижеследующие примеры (22а)–(22б).

Анализируя их, мы определяли тип иллокутивного глагола, используя методику исследования семантики пропозициональных глаголов, предложенную Е.В. Падучевой [16]. Согласно этой методике, одни глаголы способны подчинять косвенный вопрос, другие не способны. Косвенный вопрос подчиняют глаголы с компонентом «знание» в своей семантической структуре. Глагол *сообщать* входит в эту группу [3], экспозитивы (*полагаю/утверждаю/считаю*) не входят. В качестве глагола пропозиционального отношения, сочетающегося с косвенным вопросом, мы представляем иллокутивный глагол. В долженствующих высказываниях перформативом следует считать глагол *сообщаю*, так как высказывания с экспозитивом семантически неправильны.

(22) *Братия и сестры, увещание и остережение Крестителя весьма нужно и для нас* [5, с. 41].

(22а) *Братия и сестры* [***я полагаю/утверждаю/считаю***], *нужно ли и для нас увещание и остережение Крестителя.*

(22б) *Братия и сестры* [***я сообщаю***], *нужно ли и для нас увещание и остережение Крестителя.*

Заключение

Мы рассмотрели семантику высказывания в связи с фигурой адресата в дискурсе русской православной проповеди. Этот аспект семантики высказывания предполагает выявление иллокутивного значения высказывания. Его анализ позволяет сделать вывод, что из всех потенциальных речеактовых свойств типов предложений, которые используются в проповеди, может быть реализовано только одно – 'Сообщение'. Этот вывод распространяется и на предложения с непропозициональными (субъективными) значениями, например долженствующие, которые широко представлены в проповедях. Адресованные высказывания в проповедях характеризуются специфическим перлокутивным эффектом: они направлены на любых слушателей, в том числе и на третьих лиц. Эта роль слушающих получает объяснение только в терминах дискурса и не связана со стилистическим и коммуникативным аспектами изучения языкового употребления.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40, № 4. – С. 356–367.

2. Бобырева, Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Бобырева Е.В. – Волгоград, 2007.

3. Вежбицкая, А. Речевые акты / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва: Прогресс, 1985. – Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – С. 251–275.

4. Владимир, (Иким) (митрополит). Врата покаяния: Слова, произнесенные в разные годы в период пения Триоди постной / Владимир (Иким) (митрополит). – Москва: Сибирская Благозвонница, 2009.

5. Григорий (арихиепископ Казанский и Свияжский). Слова или беседы на все воскресные и праздничные дни в году, с присовокуплением слов и речей на некоторые особенные случаи, сказанные синодальным членом, Григорием Архиепископом Казанским и Свияжским / Григорий (арихиепископ Казанский и Свияжский). – Санкт-Петербург, 1853. – Т. II.

6. Карттунен, Л. Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением / Л. Карттунен // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва: Прогресс, 1985. – Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – С. 303–332.

7. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – Москва: Прогресс, 1999.

8. Кирилл, (Павлов) (архимандрит). Ищите прежде Царствия Небесного: Проповеди / Кирилл (Павлов) (архимандрит). – Москва: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2000.

9. Кларк, Г.Г. Слушающие и речевой акт / Г.Г. Кларк, Т.Б. Карлсон // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва: Прогресс, 1986. – Вып. XVII. Теория речевых актов. – С. 270–321.

10. Кручинина, И.Н. Обращение // Лингвистический энциклопедический словарь / И.Н. Кручинина. – Москва: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 340–341.

11. Крылова, О.А. Церковно-религиозный стиль / О.А. Крылова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – Москва: Флинта: Наука, 2003. – С. 612–616.

12. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – Москва: Гнозис, 2003.

13. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: http://ruscorpora.ru/search-main.html (дата обращения: 20.06.2015).

14. Николай, (митрополит). Слова и речи / Николай (митрополит). – Москва: Изд-во Московской Патриархии, 1957. – Т. II–IV, Т. 4.

15. Падучева, Е.В. О семантике синтаксиса (материалы к трансформационной грамматике русского языка) / Е.В. Падучева. – Москва: Наука, 1974.

16. Падучева, Е.В. Выводима ли способность подчинять косвенный вопрос из семантики слова? / Е.В. Падучева // Логический анализ языка. Избранное. 1985–1995. – Москва: Индрик, 2003. – С. 68–78.

17. Падучева, Е.В. Семантические исследования (семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е.В. Падучева. – Москва: Языки русской культуры, 1996.

18. Переверзев, К.А. Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка / К.А. Переверзев // Вопросы языкознания. – 1998. – № 5. – С. 24–52.

19. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1995. – С. 34–72.

Рецензенты: Л.Г. Яцкевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ,

С.А. Громыко, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ.

V.A. Burtsev

LISTENERS AND SPEECH ACTS IN DISCOURSE

This article deals with the methods of statements interpretation from the point of view of a speaker and a recipient in the religious discourse. The paper reveals the repertoire of illocutionary speech acts addressed to the participants of religious communication; the concept of admissibility of the statements at the level of discourse is defined; the role of communication status of the participants in a situation of Orthodox preaching is analyzed. Contrary to popular belief about the subjectivity of the speech act, the description of illocutionary values of statements involves the notion of context, a speaker and an addressee, which refers to conventions and social norms and doesn't link to specific pragmatic conditions of language using. It is concluded that there are speech acts which aim not at individual communicators but all the participants of the communicative situation. The article highlights another important point: illocutionary difference between sentences with propositional and unpropositional values can be erased in the discourse.

Addressee, speaking person, discourse, communication, statement subjectivity, speech act, illocutionary meaning, Orthodox preaching.

УДК 81’28

О.И. Литвинникова
Каменец-Подольский, Украина

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ‘ЧЕЛОВЕК’ В РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В статье представлена тематическая организация фразеологизмов номинативного типа, связанных с различными аспектами характеристики человека, знание и учёт которых будет способствовать пониманию феномена языковой личности диалектоносителя.

Семантическое поле, тематическая классификация, фразеологизм, устойчивый словесный комплекс, диалектная фразеология, фразеологическая единица.

Развитие образования на современном этапе отличается повышенным интересом к проблемам, обусловленным низким уровнем культуры и духовности общества в целом. В связи с этим необходимость обращения к диалектной речи как нравственному ориентиру и источнику духовности становится все более осознанной: говоры – один из феноменов национальной культуры и составная часть русского национального языка – являются вторым по значимости (после литературного языка) средством общения значительной части русского населения страны, поэтому их роль в духовном развитии и совершенствовании языковой личности очевидна, а история, культура, быт народа не отражаются так ярко ни в одной области языка, как в его фразеологии – наиболее самобытной части языка не только в плане системно-регуляторной аномальности, но и в плане выражения фразеологизмами национальной самобытности народа − носителя языка.

Фактический материал для наблюдений извлечен из словаря «Человек в русской диалектной фразеологии» [1].

Фразеологической считаем устойчивую, воспроизводимую языковую единицу со структурой словосочетания, сочетания слов и предложения, раздельно или полуслитно оформленную, которой свойственны экспрессивность и функциональная осложненность. К диалектной фразеологии относим такие воспроизводимые в диалектной речи устойчивые словесные комплексы (УСК), которые или отсутствуют в литературном языке (собственно диалектные ФЕ), или представляют собой видоизмененные общенародные фразеологизмы. Следовательно, диалектными ФЕ, вслед за Л.И. Ройзензоном [5, с. 1–3], называем:

− обороты, целиком состоящие из слов общенародного языка, но в литературном языке не являющиеся фразеологическими: *бе́лая кото́мка* ’переселенец’; *весе́лые лю́ди (мо́лодцы)* ’скоморохи’;

− обороты, в составе которых имеется хотя бы один лексический диалектизм (все остальные словоэлементы из общенародного языка): *вага́н кособо́кий*. Бранно. 1. Грубый и ленивый человек. 2. Шалун, шутник, весельчак. 3. Неосторожный человек, где *вага́н* – 1. Деревянное корытце для еды или теста. 2. Брюхо. 3. Тесто для шанег, сочней. Фразеологизмы данного типа могут быть дифференцированы на: а) единицы, в составе которых присутствует лексический диалектизм, функционирующий вне устойчивого оборота, например, *как бли́нник* сидеть. О человеке, бездумно проводящем время, бездельничающем: *бли́нник* ’бездельник’; *как додо́н* ходить. О неповоротливом и ленивом человеке: *додо́н* ’лентяй, увалень’; б) единицы, в состав которых входят лексические диалектизмы с фразеологически связанным значением: *ни пи́жи, ни е́жи*. О ленивом человеке, не способном заработать даже себе на пропитание;

− ФЕ общенародного языка, обладающие в диалектной речи другими значениями: *те́ртый кала́ч* ’толстый человек’ (в лит. языке ’опытный, бывалый человек’), *без ума́* ’не по-хозяйски’ (в лит. языке ’в восторге, в восхищении’ и ’очень сильно (любить, влюбляться’) и т. п.;

− фразеологизмы, в составе которых имеется семантический диалектизм: *как спи́сок* ’очень красивый (человек)’; *спи́сок* ’картинка’;

− единицы, известные в общенародной фразеологии, но структурно и семантически трансформированные в диалектной речи, т. е. выступающие как варианты на фонетическом, лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом уровнях: *и́ней по ко́же* (ср. в лит. языке: *моро́з по ко́же*; *как портре́тина* (ср.: *как карти́нка [портре́т]*); *уда́риться по рука́м* (ср.: *уда́рить по рука́м); голова́ в круга́х* (ср.: *голова́ кру́гом идёт*) и т. д.

Объектом описания и классификации стали ФЕ номинативного характера, типа: *ни́щий мака́рьевский, босо́й-наго́й, как о́колоте́нь; кол к колу́; ни скота́, ни живота́; отрежь па́лец, и кровь не пойдёт; с бу́сырью* и под. Провербальные выражения – пословицы, поговорки, крылатые слова и другие типы устойчивых оборотов, принадлежащих системе стилистико-речевых средств говоров, в данной статье не рассматриваются. Как выражающие обобщённую законченную мысль, они выступают не номинативными знаками, а знаками ситуаций или отношений между вещами [2, с. 376], потому составляют отдельный,

специальный, довольно обширный материал исследования и систематизации [3, с. 292].

Полная выборка фразеологизмов (1700 единиц) объединена в 13 тематических групп (с многочисленными подгруппами), которые связаны с различными аспектами характеристики человека от его рождения до смерти (тематическая группа ’смерть’ не представлена).

В соответствии с продуктивностью ФЕ составляющие семантического поля ’человек’ таковы:

1. **Физические данные и внешний вид человека**

1.1. ***Пол, возраст:*** *без годо́в* ’несовершеннолетний’ (калуж.); *больши́е го́ды* у кого ’о человеке преклонного возраста’ (перм.); *глу́по де́ло* ’малышнесмышленыш’ (яросл.); *дря́блая ре́дька*. Бранно. ’старик (старуха)’ (вят.); *под года́ми* ’в пожилом возрасте’ (том.); *пре́сно (пре́сное) молоко́* ’молодой, юный человек’ (перм.); *ста́рая вы́жмочка*. Презр. ’злая, сварливая старуха’ (сиб.) и др.

1.2. ***Рост:*** *вы́ше вели́кого бага́на* [Ивана, Вани]. Ирон. ’очень высокий’ (сиб.); *гоня́ть лягу́шек с-под пу́шек* кому ’о человеке маленького роста’ (новг.); *дрын дры́ном* ’тощий, длинный’ (ряз.); *мужичо́к-червячо́к* ’маленький, невзрачный’ (иркут.) и др.

1.3. ***Вес:*** *бара́ньи лы́тки* ’худощавый человек’ (пск.); *бока́ заворoти́лись* у кого. Презр. О располневшем человеке (иркут.); *живе́т в одно́ ры́ло* ’о толстом человеке’ (ворон.); *кобы́лье воскресе́нье* ’тощий, малосильный, некрасивый человек’ (влад.); *кри́нка с ма́слом* ’крупный, упитанный ребенок’ (волог.); *натяну́ть стру́ны да играть* ’об очень худом человеке’ (иркут.); *осиновое дупло*. Бранно. ’толстяк’ (перм., свердл.) и др.

1.4. ***Здоровье и физическая сила:*** *Вася-тяник* ’слабый, тщедушный человек’ (костром., нижегор.); *в худых душах* ’еле живой, слабый, болезненно хилый человек’ (сиб.); *ходячий мертвец* ’очень больной человек’ (иркут.) и др.

1.5. ***Зрение и слух:*** *бе́льма пога́ная*. Бранно. ’о близоруком человеке’ (ворон.); *в глаза́х те́мная вода́ разлила́сь* у кого ’о человеке, ослепшем вследствие болезни глаз’ (новосиб.); *зо́лотом у́ши заве́шены.* Ирон. ’о том, кто не слышит’ (арх., иркут.); *коса́я камбала́*. Бранно. ’косоглазый человек’ (арх.); *молчко́м молча́ть* ’о глухонемом’ (сиб.) и др.

1.6. ***Особенности лица, волос, фигуры:*** *Ада́мова голова́* ’человек с большой головой’ (костром.); *Ва́ня-бри́ла* ’человек с выдающейся вперед нижней губой (брилой)’ (костром.); *Ва́ня-но́жка* ’хромой человек’ (костром., нижегор.); *во́лосом слаб* ’о человеке, у которого плохо растут волосы’ (иркут.); *и в нена́стье зу́бы су́шит* ’о человеке, у которого зубы не прикрываются слишком короткой верхней губой’ (смол.); *ла́птем сте́ганый* ’о человеке со следами оспы на лице’ (перм.); *хоть ону́чи суши́* ’о краснощеком, пышущем здоровьем человеке’ (сиб.) и др.

1.7. ***Общая оценка внешности:*** *благо́й лицо́м* ’некрасивый, уродливый, безобразный’ (пск.); *из деся́тку не вы́бросишь* ’о красивом, хорошем человеке’ (сиб.); *муто́вка муто́вкой* ’о невзрачной, изможденной женщине’ (яросл.); *страсть моздо́вская* ’очень некрасивый человек, страшилище, пугало’ (калуж.); *у́рдома у́рдомой* ’о некрасивом, с безобразной внешностью человеке’ (яросл.) и др.

1.8. ***Одежда:*** *вы́пятить ро́жу* ’нарядиться напоказ’ (костром., нижегор., перм.); *го́лый-по́лый.* Пренебр. ’плохо одетый’ (иркут., том.); *из-под пя́тницы суббо́ту вида́ть.* Шутл. ’о неряшливо, небрежно одетом человеке, у которого нижняя одежда видна из-под верхней’ (нижегор.); *камча́тная щеголи́ха* ’хорошо одетая, нарядная женщина’ (яросл.); *наряди́лся, как вор на я́рмарку* ’оделся вычурно, безвкусно’ (иркут); *то́лько в дрючки́ игра́ть* с кем ’о человеке, одетом во что-л. рваное’ (новг.) и др.

1.9. ***Чистоплотный – нечистоплотный, аккуратный – неаккуратный:***

Афана́сий беспоя́сый ’неряшливый человек’ (волог); *ба́нная запу́ка* ’неряха’ (сиб.); *вши́вый граф.* Презр. ’неряха, грязнуля, непричесанный человек’ (краснояр.); *ко́ршун тряпи́чный.* Презр. ’оборванный, грязный человек’ (сиб.); *У́стя рукава́ спу́стя* ’неаккуратный человек’ (дон.) и др.

2. **Трудовая деятельность и характер движений человека**

2.1. ***Профессия, занятие, увлечения, способности:*** *ба́бка-повиву́ха (повиву́шка) [повива́лка]* ’женщина, занимающаяся лечением больных; повивальная бабка’ (арх.); *база́рный атама́н.* Устар. ’ответственный за торговлю’ (дон.); *во́льные ку́зницы* ’кузнецы, из собственного железа изготовляющие гвозди и продающие их’ (твер.); *де́вка прислу́жная* ’горничная’ (смол.); *духо́вный мо́лодец* ’священник’ (тул.); *ско́тский врач* ’ветеринар’ (сиб.); *слезли́вая ба́рыня* ’плакальщица’ (сиб.); *тата́ры с узла́ми.* Презр. ’спекулянты’ (сиб.) и др.

2.2. ***Отношение к труду (трудолюбие – лень, хозяйственность − бесхозяйственность, навыки − отсутствие навыков):*** *Ано́ху ано́шить* ’бездельничать, валять дурака’ (сиб.); *бе́лая лень* ’лентяй, бездельник’ (олон.); *в спине́ лень заросла́ / коромысло в спине́ заросло́* у кого ’о ленивом человеке’ (волог.); *втора́я рука́* ’самый близкий помощник, «правая рука»’ (дон.); *лабуда́ никуды́шняя.* Бранно. ’непутевый, бесхозяйственный, непорядочный человек’ (калуж., тамб.); *му́ха на́ руку не ся́дет* кому ’об очень подвижном, работящем человеке’ (иркут.); *на бору́ хле́ба доста́нет* ’о человеке, который справится с любым делом, преодолеет любые трудности’ (пск.); *хоть на язы́к наступи́* кому ’о ленивом человеке, любящем долго спать’ (новосиб.).

2.3. ***Характер движений человека (быстрота – медлительность, расторопность – нерасторопность, неуклюжесть, непоседливость, суетливость):*** *еле́ха-во́ха.* Пренебр. ’неловкий человек, делающий все рассеянно и плохо’ (сиб.); *как Вави́ла (как мононо́)* ходи́ть ’о неповоротливом человеке; увальне’ (яросл.); *как переезжая сва́ха.* Шутл. ’о непоседливом человеке’ (новосиб.); *как суета́* ’о торопливом человеке’ (иркут.); *му́хи во рту́ блу́дятся* у кого ’о нерасторопном человеке’ (омск.) и др.

3. **Родственные связи, семья**

3.1. ***Родственные связи (брак – безбрачие, супружество – вдовство, внебрачные связи; рождение детей; родственники):*** *барышня Петра Первого.* Шутл. ’старая дева’ (сиб.); *беда́ в дом* ’о зяте, принятом в дом тестя’ (сиб.); *би́тый горшо́к.* Шутл. ’замужняя женщина и / или вдова’ (олон., дон.); *благо-*

слове́нный ба́тюшка ’тесть’ (арх.); *больша́я де́вка* ’старшая сестра’ (волог.); *вдо́вье дитя́* ’сирота’ (арх.); *в зако́не быть* ’состоять в браке’ (перм., челяб.); *второ́е коле́но* ’двоюродные братья и сестры’ (волог.); *вы́держанная [реко́рдная] де́вка (де́вушка)* ’девственница’ (сиб.); *девя́той ку́рице – деся́тое яйцо́ (яи́чко)* ’дальний родственник’ (иркут.); *стволо́ва лу́ковица* ’женщина, у которой нет детей’ (яросл.) и др.

Количество (объем) значений у одного и того же фразеологизма в разных, в том числе – близких регионах России может не совпадать: *непокры́тая голо́вушка (голова́)* 1. Девушка, живущая с мужчиной без венчания (костром., яросл.). 2. Девушка, не выданная замуж (яросл.).

Некоторые ФЕ, обладающие многоаспектными значениями, соотносятся с двумя и более тематическими группами или подгруппами в пределах группы: *богода́нная мать (ма́тушка)* 1. Теща, свекровь (калуж., петерб.). 2. Свекровь (арх., волог., олон., яросл.). 3. Неродная мать, мачеха (арх., волог., нижегор., яросл.) 4. Крестная мать (волог., яросл.). 5. Посаженая мать (перм.). Четыре значения приведенного фразеологизма «вписываются» в подгруппу «Родственные связи», а пятое – в подгруппу «Свадебный обряд». В нашем Словаре такие ФЕ помещены в две и более соответствующие группы (подгруппы) и снабжены перекрестными ссылками.

3.2. ***Свадебный обряд:*** *ба́рин большо́й* ’свадебный чин’ (яросл.); *благослове́нная мать* ’лицо, заменяющее мать или отца у жениха (невесты) перед венчанием в случае сиротства, вступающих в брак’ (арх.); *большо́й дру́жка* ’главный, старший дружка жениха’ (арх., калуж.); *господи́н царь* ’отец невесты, который будил молодых утром после брачной ночи’ (самар.); *зако́ном прикры́ть* кого ’жениться на обесчещенной девушке’ (яросл.); *княги́ня первобра́чная [пору́ченная]* ’новобрачная’ (арх., олон.); *кня́жие бояре* ’гости на свадьбе со стороны жениха’ (перм.); *нава́льная неве́ста* ’девушка, женщина, напросившаяся на замужество, принудившая мужчину (молодого человека) взять ее замуж’ (арх.); *пере́езжая сва́ха* ’сваха, которая после отказа выдать замуж невесту в одном доме, идет в другой’ (волог.) и др.

4. **Морально-нравственная оценка поведения человека и его характера**

4.1. ***Оценка поведения человека (нравственность – безнравственность, этичность – неэтичность):*** *барда́чная де́вка.* Презр. ’женщина легкого поведения; проститутка’ (сиб.); *беспричи́нная пти́чка* ’невинный человек’ (волог.); *ле́ший краснопле́ший.* Неодобр. ’о человеке, совершившем какой-л. проступок’ (сиб.); *воро́вое ча́до.* Презр. ’мелкий воришка’ (сиб.); *мужи́чья игру́шка* ’женщина легкого поведения’ (ворон.); *по́рча ядре́ная.* Бранно. ’человек, доставляющий неприятности’ (перм.); *с причи́ной* ’о провинившемся человеке’ (сиб.) и др.

4.2. ***Черты характера (сильный характер – слабый характер; честность – лживость; активность – пассивность; послушание – непослушание; настойчивость, наглость, нахальство; легкомыслие, непостоянство; мстительность; любопытство; зависть; терпеливость и т. д.):*** *ба́ба – ух!* ’женщина с сильным или сварливым характером’ (сиб.); *ба́бья нога́* ’слабохарактерный, податливый человек’ (влад.); *ви́деть сквозь пя́ты* ’о хитром человеке’ (смол.); *во́льная (во́льняя) теле́га* ’шаловливые, своевольные, непослушные дети’ (ленингр.); *гляде́ть из чужи́х рук* ’завидовать’ (перм.); *желе́зные зу́бы.* Неодобр. ’грубый человек’ (сиб.); *и ли́сий хвост и во́лчий зуб* ’человек, совмещающий в своем характере коварство и беззастенчивость’ (ворон.); *как огне́вка* ’об очень вспыльчивом человеке’ (яросл.); *конь коне́м* ’о бесстрашном, уверенном в себе человеке’ (ворон.); *ку́ры загребу́т* кого ’о тихом, робком, беспомощном человеке’ (сиб.); *ле́шим накваще́н* ’об упрямом, вредном человеке’ (ср. урал.); *моро́женые глаза́* у кого и без доп. Презр. ’о наглом, бессовестном человеке’ (нижегор.); *на все сла́дко, как му́ха, па́дка* ’о непостоянном, ветреном человеке’ (вят.); *не с твои́м но́сом клева́ть про́со* ’о человеке, не выполняющем своих обещаний’ (иркут.); *прямо́й, как столб* ’бесхитростный человек’ (иркут.); *с но́ркой.* Ирон. ’о вздорном, капризном человеке’ (сиб.); *трава́ траво́й* ’о мягком, слабохарактерном человеке’ (сиб.); *у́хо с мя́сом* ’хитрый человек’ (омск.); *у́хо с но́сом* – то же (горьк.); *чу́до андро́ново* ’послушный человек’ (сиб.) и др.

5. **Интеллект и психика**

(Ум – глупость; образованность – необразованность; память – беспамятство; психическая норма – отклонение от нормы; рассеянность): *как ба́ба ряза́нская.* Неодобр. ’темная, отсталая женщина’ (пск.); *балда́ оси́новая.* Бранно. ’глупый, тупой человек’ (сиб.); *бо́жий челове́к* ’юродивый, придурковатый, идиот’ (ряз.); *голова́ не для ша́пки* у кого и без доп. ’умный человек’ (яросл.); *до рубля́ семь гри́вен не хвата́ет* ’о психически ненормальном или очень ограниченном человеке’ (иркут.); *ле́гкий ум* у кого и без доп. ’о глуповатом, малоразвитом человеке’ (ср. урал.); *поло́ва в голове́* у кого ’о бестолковом человеке’ (ворон.); *язе́вый лоб.* Презр. ’дурак, тупица’ (сиб.) и др.

6. **Общая оценка и самооценка**

6.1. ***Общая объективная оценка (хороший – плохой; нужный – ненужный; удачливый – неудачливый; авторитетный – неавторитетный; опытный − неопытный):*** *Афо́ня малахо́льный* ’неудачник’ (сиб.); *без го́лоса* ’ничтожный, бессильный или несамостоятельный человек’ (Даль – без указ. места); *Ва́нька с Ма́нькой да Колупа́й с бра́том.* Презр. ’никчемные люди’ (сиб.); *вонь толче́ная.* Бранно. ’жалкий, ничтожный человек’ (сиб.); *вши га́сник прое́ли* кому. Презр. ’о пустом, никчемном человеке’ (сиб.); *кобы́лья голова́* ’неудачник’ (ворон.); *лагу́н дегтя́рный.* Бранно. ’плохой человек’ (пенз.); *перебе́й-хараве́й* ’человек, не представляющий собой ничего определенного’ (горьк.); *пиро́г без начи́нки.* Пренебр. ’пустой человек’ (сиб.); *свята́я святы́х* ’о хорошем человеке’ (иркут.); *че́ртова парши́вочка.* Бранно. ’скверная, плохая женщина, девушка’ (урал.).

6.2. ***Сравнительная оценка (одинаковый – разный):*** *все ка́пельки подобра́ть* у кого ’быть очень похожим на кого-л.’ (курск.); *на́шего [одного́] сукна́ епанча́* ’такой, как мы’ (волог., калуж., нижегор.); *ни [чи] хорь, ни [чи] ла́сточка* ’о человеке, ни на кого не похожем’ (дон.); *сап хра́па и́щет (нашёл)* ’о людях, которые ищут себе подобных’ (дон.).

6.3. ***Самооценка (скромность – зазнайство, хвастливость; стыдливость – бесстыдство; совестливость – бессовестность; самоуверенность – неуверенность в себе; эгоизм; гордость):*** *Але́ха се́льский* ’чрезмерно хвастливый человек’ (сиб.); *арва́нь коле́сная* ’излишне смелый, нескромный человек’ (сиб.); *бить ду́дку под свою́* ’об эгоисте (эгоистке)’ (ворон.); *брю́хо не пу́чит* у кого ’о том, у кого нет совести, стыда’ (свердл.); *мо́дна пе́нка с ки́слых щей*. Презр. ’зазнайка’ (сиб.); *на́шим глаза́м не пе́рвый базар* ’о бессовестном человеке’ (ворон.); *ти́хое ле́то* ’тихий, скромный человек’ (дон.); *че́рез губу́ не плю́нет*. Неодобр. ’о гордом, надменном человеке’ (сиб.) и др.

7. **Речь**

Без струн балоба́йка ’пустой человек, болтун’ (волог., яросл.); *бо́тало база́рное [деревя́нное, ко́нское, оси́новое, худо́е]*. Презр. ’врун, болтун, пустомеля, сплетник’ (сиб.); *до́лгая холе́ра.* Бранно. ’сварливая женщина, с удовольствием поносящая кого-л.’ (ирут.); *зла́я ме́льница* ’злоречивый человек’ (иркут.); *недово́лен ре́чью [языко́м]* ’косноязычный, картавый’ (пск., курган., сев. двин.); *отпусти́ть (распусти́ть) кобеля́*. Неодобр. ’начать сквернословить’ (иркут.); *поспева́лова жена́* ’сплетница’ (яросл.); *язы́к закры́тый* у кого ’о человеке, утратившем дар речи, немом’ (олон.).

8. **Общение с людьми и эмоциональное отношение к ним**

8.1. ***Характер общения:*** *беда́ и вы́ручка* ’человек, готовый помочь другому в любых тяжелых обстоятельствах’ (сиб.): *зни́ку не дает на себя́* ’не дает на себя посмотреть’ (костром., нижегор.); *как ле́сина суха́я* ’о нелюдимом, необщительном человеке’ (сиб.); *коро́вий пасту́х.* Ирон. ’о любителе поухаживать за девушками’ (сиб.); *не на мо́де* ’замкнутый человек’ (ср. урал.); *ру́ку свести́* с кем ’быть чьим-л. сторонником, поддерживать кого-л.’ (пск.); *седе́лка да подпру́га* ’неразлучные друзья’ (дон.); худо́й в жи́зни ’неуживчивый человек’ (кемер.).

8.2. ***Эмоциональное отношение к людям:*** *быть в ду́шеньку* кому ’нравиться’ (волог.); *гнев держа́ть* на кого ’питать тайную злобу, неприязнь к кому-л.’ (арх.); *как блин ма́сляный.* Неодобр. ’о приторно-ласковом человеке’ (сиб.); *ма́мино се́рдце* ’добрый, отзывчивый человек’ (новосиб.); не к се́рдцу ’о человеке, который не нравится’ (нижегор.); *одно́ зе́рнышко* ’о самом дорогом, единственном человеке’ (иркут.); *пойти́ во гнев* ’невзлюбить кого-л.’ (волог.) и др.

9. **Материальное положение и отношение к нему**

9.1. ***Богатство – бедность:*** *до́лжен до уше́й* ’о задолжавшем много денег кому-л.’ (иркут.); *карма́н то́нкий* у кого ’о бедном человеке’ (иркут., сиб.); *полномо́шный челове́к* ’богач’ (сиб.); *справленная де́вка* – ’невеста с приданым’ (дон.); *терпе́ть сту́жу и ну́жу* ’испытывать лишения, нужду’(перм.); *те́мный бога́ч* ’очень богатый человек’ (сиб.) и др.

9.2. ***Щедрость – жадность*** *(в т. ч. в еде): безде́нная бо́чка [гло́тка]* у кого и без доп. ’о жадном, ненасытном человеке’ (горьк., яросл.); *в Крещенье льда́ не вы́просишь* у кого. Презр. ’жадный’ (сиб.); *как в прова́льну гло́тку (я́му)*. Неодобр. ’о неумеренном в еде человеке’ (сиб.); *о́зеро безде́нное*. Бранно. ’жадный, ненасытный человек’ (нижегор.); *про́рва безде́нная.* Бранно. ’женщина, не имеющая предела, ограничений в чём-л.’ (смол.) и др.

10. **Отношение к алкоголю *(трезвость – пьянство)***

В деревенской жизни, как известно, никому и никогда не удавалось спрятаться за других. «Кто есть кто» знают все, потому спокон века тут ценятся лучшие качества каждого – нравственные и духовные. Деревня не любит тех, в чьих жилах течет как бы разжиженная («замусоренная») кровь. Несмотря на то что о русской деревне, как правило, говорят «она спилась», «не просыхает от пьянства», в наших материалах лишь 44 фразеологизма о пьянстве и трезвости, среди них: *безде́нная я́ма* ’пьяница’ (ворон.); *глаз не осуша́ть* ’пить запоем’ (олон.); *кишку́ залива́ть* ’напиваться пьяным’ (амур.); *нали́тый живо́т* ’пьяница’ (сиб.); *на про́бку наступи́л* ’о пьяном человеке’ (краснояр.); *рук не ви́дит.* Презр.’о сильно пьяном человеке’ (сиб.); *чуть те́пленький.* Ирон. ’очень пьяный’ (сиб.); *му́ху заруби́ть* ’немного выпить спиртного’ (моск.); *не пье́т, то́лько за́ ухо лье́т.* Ирон. ’о том, кого ошибочно считают трезвенником’ (иркут.); *зу́бы полоска́ть* ’опохмеляться’ (дон.); *в поря́дках* ’трезвый’ (том.) и др.

11. **Временное состояние и положение человека:** *в горя́чем часу́* ’о человеке в момент раздражительности, вспыльчивости’ (волог.); *гу́зку дави́ть* ’спать’ (дон.); *за́дняя ля́ма* ’о человеке, который отстал от других’ (иркут.); *как ди́кий гуса́к посреди́ сво́йских* ’о человеке, испытывающем неловкость в новом обществе’ (дон.); *ни чи́ху, ни пы́ху* ’о человеке, не подающем никаких вестей’ (новосиб.); *сыч-булы́ч* ’человек, который не спит в отведенное для сна время’ (перм.).

12. **Место жительства, этническая и национальная принадлежность, вероисповедание:** *а́рские лю́ди* ’старинное название марийцев’ (вят., казан.); *головны́е сибиряки́* ’старожилы, коренные жители Сибири’ (том.); *закады́чный земля́к* ’коренной сибиряк, старожил’ (новосиб.); *зде́шнего рожде́ния* ’о местном жителе’ (иркут.); *как хохо́л на отжи́ве* жить ’о том, кто временно проживает где-л.’ (дон.); *ка́менные юкаги́ры* ’юкагиры, живущие на возвышенности’ (якут.); *криво́й о́муль* ’прозвище жителей города Иркутска’ (байкал.); *непокры́тая голова́* ’человек, не имеющий пристанища’ (яросл.); *шата́-бата́*. Пренебр. ’о людях, часто переезжающих с места на место’ (сиб.); *юхо́тские водохле́бы.* Шутл. ’жители сел, расположенных по берегам р. Юхоти, любители пить чай’ (яросл.).

13. **Эмоциональное состояние *(радость – горе; веселье – грусть; угрюмость, мрачность, раздражительность):*** *бере́зник выставля́ть* ’смеяться’ (перм.); *как игри́вый кот* ’о веселом человеке’ (иркут.); *исказа́лся, как среда́ на пя́тницу* ‘о сердитом человеке’ (ворон.); *как мату́ско смотре́ть* ’о надутом, исподлобья смотрящем человеке’ (яросл.); *клю́квой торгова́ть* ’испытывать уныние, тоску; скучать’ (моск.); *ма́сленая ро́жа* у кого и без доп. ’о радостном, улыбающемся человеке’ (петрогр.); *не гло́нется* кому. Безл. ’о чувстве усталости, угнетенного состояния духа’ (яросл.); *про́ста слеза́ми* ’склонна

к слезам, плаксива' (арх.); *с губо́й* 'о сердитом и недовольном человеке' (влад.); *царь кури́ный* 'сердитый и бестолковый человек' (курск.).

Как показали наблюдения, преимущество составляют фразеологизмы, объединенные понятиями «Физические данные и внешний вид человека». Наиболее малочисленными оказались ФЕ микрогрупп, характеризующих лицо по месту жительства, этнической и национальной принадлежности, вероисповеданию.

Обращает на себя внимание факт преобладания отрицательно характеризующих человека фразеологизмов, который мы связываем как с функциональной природой ФЕ вообще, так и с тем, что русские самокритичны; им, представителям русского менталитета, присуще «смеховое» отношение к реалиям (В. Елистратов, Л. Крысин, Д. Лихачёв). При семантизации ФЕ нами учтено положение, высказанное в свое время А.И. Фёдоровым: «Семантика диалектных фразеологических оборотов... не только указывает на денотат, т. е. предмет мысли, но и характеризует его, выражая к нему отношение говорящего... Фразеологический оборот... создается главным образом не для того, чтобы называть предмет, а для того, чтобы живописать его, указывая на характерные признаки» [6, с. 4–6].

Тематическая организация диалектной фразеологии семантического поля 'человек', отражающая продуктивность ФЕ, − своего рода система ценностных ориентаций в самоорганизации личности. Положительные и отрицательные нравственные оценки (истина, ложь, добро, зло, любовь, ненависть и т. д.) в структуре интересующих нас единиц, средства их выражения, влияние на формирование и развитие личности и общества в целом требуют специального рассмотрения. Приобщение же к многообразию характеристик человека средствами диалектной фразеологии будет способствовать более глубокому проникновению в русскую культуру, воспитывать чувство уважительного отношения к диалектной речи как элементу этой культуры, приблизит к пониманию феномена языковой личности [4].

Литература

1. Алексеенко, М.А. Человек в русской диалектной фразеологии. Словарь [Текст] / М.А. Алексеенко, Т.П. Белоусова, О.И. Литвинникова. – Москва: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2004. – 238 с.

2. Волкова, Н.А. Лексико-семантическая группа 'наименование лица' в современном русском жаргоне [Текст] / Н.А. Волкова // Слово. Фраза. Текст. – Москва: Азбуковник, 2002. – С. 374–384.

3. Дядечко, Л.П. Крылатые слова как объект лингвистического описания. История и современность: монография [Текст] / Л.П. Дядечко. – Киев, 2002. – 292 с. Она же: Крилаті слова в російській мові: системно-функціональний та лексикографічний аспект: автореферат дис. ... д-ра філологічних наук. – Киев, 2003. – 34 с.

4. Литвинникова, О.И. К вопросу о феномене диалектной языковой личности [Текст] / О.И. Литвинникова // Русская филология. Украинский вестник. – 1999. – № 1–2. – С. 11–12.

5. Ройзензон, Л.И. Проблемы изучения диалектной фразеологии [Текст] /Л.И. Ройзензон // Вопросы фразеологии. 6.: Труды Самаркандского госуниверситета им. А. Навои. Новая серия. – Самарканд, 1972. – С. 1–57.

6. Фёдоров, А.И. Лексикографическая характеристика сибирской диалектной фразеологии в словаре [Текст] / А.И. Фёдоров // Фразеологический словарь русских говоров Сибири. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 4–6.

Рецензенты: Л.Г. Яцкевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ,

Е.Н. Ильина, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ.

O.I. Litvinnikova

THE HUMAN BEING SEMANTIC FIELD IN RUSSIAN DIALECTAL PHRASEOLOGY

The article presents the thematic organization of phraseological units of the nominative type which are associated with different aspects of human characteristics. Illustrative material was extracted from The Man in the Russian Dialect Phraseology dictionary (2004). The knowledge and classification of these linguistic units will contribute to the understanding of the phenomenon of a dialectal language personality because the thematic organization of the human being semantic field reveals the system of values in self-identity.

Semantic field, thematic classification, phraseological unit, set verbal complex, dialectal phraseology.

УДК 81.161.1

О.В. Никитин
Московский государственный областной университет

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА ПАМЯТНИКОВ РУССКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В СЕРЕДИНЕ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются актуальные проблемы исторической русистики, связанные с изучением памятников русской деловой письменности в социолингвистическом аспекте. Этот подход, по мнению автора, не нашел широкого распространения в традиционной школе лингвистов-историков и источниковедов, за исключением работ Б.А. Ларина, Л.П. Якубинского, отчасти С.И. Ожегова. В статье дается аналитический разбор идей этих ученых, отмечаются наиболее важные, перспективные и в то же время дискуссионные проблемы, которые необходимо решать современной исторической лингвистике. Обращается внимание на необходимость синтетического подхода к анализу деловых текстов (с учетом методик и приемов современных социо- и этнолингвистики). Автор приводит примеры успешных разработок в этой области отечественных и зарубежных ученых, намечает пути развития заявленной проблематики.

Деловая письменность, записи иностранцев, литературный язык, разговорный язык, социальная роль языка, язык и культура, языковая ситуация.

Использование социолингвистических приемов и методик изучения памятников деловой письменности началось сравнительно поздно, во второй половине XX века, когда традиционные подходы формально-грамматического, лексико-семантического анализа текста уже были недостаточны для представления широкой географии языка деловых памятников и их носителей. Применительно к современной социолингвистике, к той ее части, которая соприкасается с исследованиями русского языка в диахроническом плане и притом основывается на данных рукописных источников, следует заметить, что эта сфера пока не нашла активного отражения в работах отечественных ученых, оставаясь по-прежнему недостаточно разработанной. Какие же идеи исследователей памятников русской деловой письменности середины – второй половины XX века мы можем отнести к социолингвистическим?

Для родного языка остается актуальной проблема социальной дифференциации языковой системы. С ней тесно связан вопрос о роли языка в национальном сознании, о чем размышлял еще А.А. Потебня [16; 17] и другие представители русской академической школы. Для нас представляется важным, что социолингвистика имеет широкий понятийный аппарат и использует различные методы, в том числе и коррелятивный анализ. Сама основа науки сближает ее с иными сферами гуманитарных знаний: социологией, коммуникативной лингвистикой, этнографией и т. д., то есть с теми, которые связаны с изучением социальной природы языка. Пограничный характер социолингвистики позволяет также включить в число приоритетных проблем изучение языка и социума этнологических сообществ прошлого. В этой связи применение данных деловой письменности является исключительно важным.

Так, на основе исследования иностранных лексиконов Б.А. Ларин выделил особенности севернорусского «городского общего разговорного языка» в XVI веке [3, с. 54] и установил существование «общего разговорного языка городского посада». Он писал: «Общий язык больших городов в XVI–XVII вв. не совсем единообразен везде. Но основные социальные слои были везде одни: служилое дворянство, торговое сословие и ремесленники посада, да при них многочисленные работные люди разных степеней зависимости. Этим постоянством социального состава прежде всего и объясняется относительная близость городской (посадской) койне (так у Б.А. Ларина. – *О. Н.*) на основе местных наречий в разных городах. Некоторое влияние литературного языка, а также неизбежная примесь московской речи, импортируемая служилыми людьми и купечеством с его агентами, внедрялись в койне каждого города, как незыблемые основы строящегося общего разговорного языка Московской Руси в XVI в., пока еще только «посадского», а в дальнейшем развитии – национального» (цит. по: [8, с. 75]).

Ценность изучения иностранных источников (лексиконов, словарей и т. п.) для воссоздания фактов исторического развития русского языка многие годы незаслуженно исключалась из «приоритетов» науки. Именно Б.А. Ларину принадлежит прорыв в этой области. Его ученица О.С. Мжельская пишет: «Особый круг источников лексики русского обиходно-разговорного языка XI–XVII вв. – труды иностранцев о русском языке, – практически не использован в русской исторической лексикографии. Словарь русского языка XI–XVII вв. не включил их в корпус своих источников (исключение составляют Русская грамматика Г. Лудольфа 1696 г. и псковский разговорник, составленный Т. Фенне, 1607 г.).

Б.А. Ларин отстаивал важность этих записей, указывая, что несмотря на возможные погрешности в передаче фонетического облика слова, его грамматических показателей, а изредка и смысла, сведения о словах и их значениях оказываются, как правило, точными, что может быть подтверждено сопоставлением с отражениями этих слов и их значений в письменных старорусских текстах и народных говорах» [24, с. 106].

Зарубежные источники во многом позволяют по-другому посмотреть и на характер бытовой письменности и ее роль в культуре Древней Руси, установить подлинные картины речетворчества наших предков. Так, известный исследователь проф. С.С. Волков обоснованно пишет: «Содержащиеся в Словаре-дневнике Р. Джемса записи русских слов и словосочетаний (речевые формулы, идиомы, сложные термины), которых более 2200 единиц, не только раскрывают значительную часть лексического фонда общенародной обиходной русской речи начала XVII в. эпохи активного формирования русской нации и ее языка, специфику словаря холмогорского говора этой поры, но и позволяют наглядно представить себе социальную, хозяйственную и производственную жизнь, быт и культуру русских людей в то далекое от нас время» [2, с. 73].

Следует сказать и о том, что часто обсуждаемый с бóльшим или меньшим успехом вопрос о грамотности русского человека в Средние века, степени его образованности, «круге чтения» во многом может быть разрешен с использованием новых данных, представляемых как раз материалами, собранными зарубежными учеными и путешественниками. «Для исторической лексикологии русского языка представляет большой интерес то обстоятельство, что русская часть этих источников… строилась не на основе церковно-книжного языка Московской Руси, а на базе *обиходно-разговорной речи торговых центров, разговорной речи городских жителей* (здесь и далее курсив наш. – *О. Н.*), ставших информантами иностранцев. Мы почти ничего не знаем о том, кем были эти русские люди, очевидно, они принадлежали к разным социальным группам, но круг лексики и образцы диалогов, продиктованные или даже написанные ими, свидетельствуют о *грамотности и образованности* большинства из них» [24, с. 106–107].

В 1936 году Б.А. Ларин написал «Проект древнерусского словаря», где хотел реализовать один из основных тезисов своей историко-лингвистической деятельности: «…русский язык XV–XVIII вв. не представлял единой системы, одного языка… было несколько типов литературного языка и ряд разговорных диалектов…» [5, с. 118]. Отличием этого лексикографического источника должно было стать расширение узких рамок традиционно привлекавшихся для такой работы материалов. И здесь, по мнению ученого, «посадские люди», особенно с XVII века, оказали значительное влияние на формирование письменной и устной языковой культуры: «…они начинают создавать свою письменность и свой тип литературного языка…» [5, с. 118]. Ряд интересных положений выдвигается и в отношении делового языка традиционных памятников. «До сих пор, – писал Б.А. Ларин, – историки русского языка отличали деловой язык как «чисто русский» от собственно литературного как церковнославянского. Оба эти типа обычно рассматривались как выдержанные, цельные языковые системы. Но мы не можем уже удовлетвориться таким огульным и неточным суждением» [5, с. 118]. Как полагает ученый, формы приказного языка и его строй «оказывается еще менее однородным», а «в XVII–XIX вв. образуется новый тип бюрократического «дипломатического» языка, который оказывает очень сильное воздействие на остальные типы литературного языка (как и приказный язык в XVII в.)» [5, с. 118]. Важным шагом в лексикографической работе по составлению древнерусского словаря Б.А. Ларин считал подготовку богатого и научно дифференцированного материала по лексике делового языка. Он ставит вопрос о необходимости учитывать «все основные социальные диалекты феодальной эпохи» [5, с. 119]. Современно звучит и следующая мысль ученого: «Наши интересы и требования к изучению делового – приказного – канцелярского языка иные, чем прежде, и потому мы находим в нем гораздо больше, чем прежде, драгоценных данных для истории русских социальных диалектов» [5, с. 119].

Более подробно вопрос о типах литературного языка был разработан им в курсе «Лекций по истории русского литературного языка» [4]. Языку деловой письменности он посвятил несколько глав, где рассмотрел отдельные источники, сохранившие разговорный элемент в текстовом формуляре. К ним он относил, в частности, «пытошные речи», «явки» и частные письма, которые, по его мнению, могут служить достоверными свидетельствами об истории русского просторечия. Особенно ценны эти источники для восстановления характера московского просторечия XVI–XVII вв.

Ряд любопытных положений Б.А. Ларин формулирует и в статье «Разговорный язык Московской Руси». Так, нам представляется существенной мысль ученого о причинах возникновения «деловых диалектов». Он пишет: «То, что исследователи называют теперь областными элементами в деловом языке, как нельзя яснее показывает различие между нормализованным языком Московских приказов и речью дьяков и подьячих из местных жителей в «земских избах» на периферии государства» [6, с. 170].

Вообще в исследованиях Б.А. Ларина, архивах и многочисленных разработках ученого, которые, к сожалению, получили развитие спустя несколько десятилетий после его ухода, содержится кладезь идей по широкому спектру проблем исторической русистики. Так, отчасти опираясь на методологические разработки Б.А. Ларина, мы, например, анализировали «подлую речь» в деловых документах XVI–XVII вв. [13].

Приведем в русле нашей проблемы тезисы одной из публикаций Б.А. Ларина:

«Обиходный язык достаточно четко отличается от церковнославянского. Это язык устного общения и частных деловых документов, лишенных политического, общегосударственного значения.

Труднее отграничить обиходный язык от областных крестьянских диалектов. Мы имеем в виду ту наддиалектную систему разговорной речи, какая по-

степенно складывалась с XV по XVIII в. и именовалась в эту эпоху «просторечием». Тогда этот термин означал не сниженную, а общую разговорную речь, в противоположность книжному письменному языку.

Существенно и то, что под обиходным языком Московской Руси мы понимаем несколько обобщенный, именно общий разговорный язык, а не узколокальный тип и не узкосоциальный (например, крестьянский или посадский).

Обобщение тут законно потому, что соответствует ясно проявляющейся в эту эпоху тенденции к устранению специфически местных и специфически сословных отстоев в языке, тенденции к выработке общего, общепонятного разговорного языка.

Обобщение это оправдано еще и тем, что отражение разговорного языка в письменности XV–XVII вв. всегда обобщено, обеднено, лишено конкретных деталей, подведено под нормы письменного языка, в большинстве случаев лишено той животрепещущей подлинности, какую мы находим в записях разговорной речи, относящихся к новому времени, в записях XVIII–XIX вв.

Лишь в сборниках пословиц, в сатирической литературе и крупицами в частно-деловой письменности XVII в. мы находим прямое отражение разговорной речи, но и то с очевидным для исследователя упрощением и обобщением» [7, с. 5–6].

Эти и некоторые другие идеи ученого обозначили и современную тенденцию изучения языка памятников письменной культуры (и не только). Так, повышенный интерес к просторечию как явлению этно- и социолингвистического масштаба во многом был определен учеными того времени: Е.Д. Поливановым, Л.П. Якубинским, С.И. Ожеговым и др.

Социальную роль в формировании и литературной обработке московского письменного делового языка, по мнению Л.П. Якубинского, сыграли Посольский приказ, а также законодательные акты московских князей [20, с. 128–129]. «Московские и провинциальные дьяки и подьячие выступают в XV–XVII вв. как новый слой *интеллигенции* (курсив наш. – *О. Н.*) соперником старой церковно-монашеской и боярской» среды [20, с. 130]. В это же время, как полагает ученый, он становится образцом для провинциальных канцелярий и приобретает общегосударственное значение. Более того, «он становится образцом для всех грамотных людей, пишущих по-русски, т. е. общерусским языком письменных сношений. Это обстоятельство очень важно. Именно как общерусский язык письменных сношений, а не как официально-канцелярский язык, он и получает громадное значение в образовании русского национального литературного языка» [20, с. 130]. Реформы Петра во многом были направлены на построение новой концепции жизнеустройства России и, что естественно, отразились на создании литературных жанров и стилей. Как считает Л.П. Якубинский, именно «в поисках основы для нового литературного языка Петр и его сотрудники обратились к московскому деловому языку. Московский деловой язык отличался нужными качествами: во-первых, это был язык русский, т. е. доступный, понятный для широких слоев общества; во-вторых, это был язык светский, свободный от символики церковно-религиозного мировоззрения» [21, с. 159]. Это была лишь часть задуманного, и деловой язык играл здесь свою «специальную» роль.

Взгляды С.И. Ожегова на проблему развития делового языка менее известны. В сборнике его трудов [14] есть лишь отдельные фрагменты по истории русского литературного произношения, исторической лексикологии и лексикографии. Однако в Архиве РАН нам удалось обнаружить неизвестные ранее свидетельства ученого, показывающие его большой интерес к проблемам языка деловой письменности и русскому просторечию. В одной из лекций он замечает: «Московский деловой язык расширяет границы своего применения с XVI в., применяясь в описании путешествий, в частной переписке, переписке Ивана Грозного, Уложении 1649 г., как бы вытесняя книжно-литературный» [1, № 40]. С.И. Ожегов, очевидно, вслед за Б.А. Лариным, указывает и на любопытное свидетельство иностранцев как еще один важный источник по истории русского языка. Он пишет, что «разница между книжно-литературным языком и деловым устанавливается иностранцем Лудольфом…» [1, № 40]. Интересно также наблюдение С.И. Ожегова о том, что пережитки киевского делового языка сохранились в московском, прежде всего – «трафареты грамматических посланий». Ученый отмечает и такой социальный фактор, повлиявший на развитие делового и народно-разговорного языка, как «смещение средней части господствующего класса», особенно дворянства. «Это отразилось и на характере московского языка, состав его к концу XVI в. изменился за счет пополнения южнорусскими элементами» [1, № 40].

Важные для современного освещения социолингвистических представлений взгляды С.И. Ожегова нашли отражение и в объемной статье «О просторечии (к вопросу о языке города)» [1]. В ней выражен филологический и даже в чем-то философский характер «лингвистического времени». «В языке современности, – пишет он, – нет единства. <…> Отсутствие единства создается <…> существованием двух полярных систем. Одна – литературный язык с достаточно устойчивыми формами выражения и письменно-фиксированный, с резкими консервативными тенденциями». Поэтому ученый уделил особое внимание различиям типов городского языка и выявлению тех его просторечных компонентов, которые свидетельствуют о наличии особого городского «говора». При этом С.И. Ожегов различает понятия «просторечие» и «диалект», полагая, что последнее «до сих пор нельзя считать окончательно определенным». Весьма подробно рассматриваются в статье основные тенденции просторечия. Автор выделяет описываемый им языковой феномен в «особую орфоэпическую систему» и подробно анализирует ее признаки. Во многом интересны идеи С.И. Ожегова, связанные с проблемой соотношения просторечного слова с иноязычными заимствованиями. В заключительной части статьи ученый исследует семантико-синтаксические отношения «внутри» системы городского арго, а именно: «приспособление литературных значений, деформация синтаксических оборотов и фразеологии» [1, № 11] (полностью текст опубликован в [15]).

Синхронный срез тесно связан с диахронным. В их взаимодействии социолингвистика находит свое выражение, в частности, когда имеет дело с определенными социальными группами (общностями) и исследует проблемы изменяемости их языка. Актуальность подобного подхода подчеркивает А.Д. Швейцер: «Для анализа социально детерминированной вариативности в ситуациях языкового континуума используется импликационная волновая модель, позволяющая установить социальную иерархию языковых вариаций и связать их синхронный анализ с диахронным» [19, с. 482]. Среди других проблем социолингвистики в исследуемом нами ключе перспективным является изучение форм проявления языка (языков, диалектов, социальных койне), распространенных на определенной территории, представляющей собой языковую и этносоциальную общность. Этот вопрос включает в себя понятие *языковая ситуация*. Среди выделяемых типов языковых ситуаций мы обращаем внимание на эндоглоссные – совокупности существования подсистем одного языка (в противоположность экзоглоссным, где рассматриваются разные языки).

Пограничным вопросом, связывающим методы социо- и этнолингвистических исследований истории русского языка, стал тезис о *культурной роли* языка и взаимодействии его форм с компонентами культуры. Перспективным представляется рассмотрение указанной проблемы на примере историко-культурных связей моноэтнических общностей, замкнутых этнологических систем (например монастырей), где данный тезис может получить принципиально новое решение, а двусторонний характер взаимодействия элементов языка и культуры будет дополнен другими параметрами. Близко к этому стоит проблема социального билингвизма и полиглоссии как соотношения «различных социально противопоставленных друг другу подсистем одного языка» [19, с. 481–482]. Язык и общество, язык и политика, жаргоны – также весьма актуальные проблемы современной и исторической социолингвистики. В этом отношении весьма ценны труды З. Кёстер-Томы (см., напр., [23] и издававшийся ею в Германии журнал «Russistik». В последние десятилетия активно обсуждается вопрос о социально-историческом подходе к диалектологии. Одним из первых обосновал необходимость введения социального элемента в эту область исследований Г. Фрингс (Frings), представитель лейпцигской школы. В России данная проблема активно разрабатывается В.Д. Бондалетовым (см. об этом: [9]).

Описанные нами подходы ученых к изучению социологии и этнологии слова в целом могут найти широкое применение не только при изучении деловых традиций прошлого, но и настоящего.

В заключение подчеркнем, что при всем многообразии социолингвистических течений и различии методов (оригинальными и полезными для реализации в этом ключе выглядят также идеи Б. Унбегауна, см.: [10], У. Биргегорд [22] и др.), в науке все же наблюдается общая тенденция изучения социальной стороны языка современного общества. Это вполне объяснимо: социолингвистика как научная дисциплина находится в стадии активной разработки методологии и приемов, сфер применения и т. п. Диахронический аспект в меньшей мере привлекает ученых. Тем не менее немногочисленные идеи, основанные на изучении памятников письменной культуры (к перспективным разработкам современных ученых относим публикации Г.В. Судакова [18]), кажутся нам достойными описания и пристального внимания. Нас интересует прежде всего та область лингвистических исследований, где социальная история русского языка неотрывна от эпохи его изучения и территории бытования. Мы обращаем внимание на исследование особых социумов, этнологических общностей и коллективов людей, владеющих собственным «деловым» койне (об этом мы писали, напр.: [11; 12]), стилем и языком. Такую незначительную, на первый взгляд, проблему и поможет разрешить изучение языка письменных источников делового содержания в социолингвистическом ключе.

Литература

1. Архив РАН. – Ф. 1516. – Личный фонд С.И. Ожегова. – Оп. 1. – Ед. хр. №№ 11, 40.

2. Волков, С.С. Русский быт и культура в Словаре-дневнике Ричарда Джемса (1618–1619) / С.С. Волков // Вопросы теории и истории языка: сб. статей к 100-летию со дня рождения Б.А. Ларина. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993. – С. 72–78.

3. Ларин, Б.А. Парижский «Словарь московитов» 1586 г. / Б.А. Ларин. – Рига: Латв. гос. ун-т, 1948. – 211 с.

4. Ларин, Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.): учеб. пособие для филолог. специальностей ун-тов и пед. ин-тов / Б.А. Ларин. – Москва: Высшая школа, 1975. – 327 с.

5. Ларин, Б.А. Проект Древнерусского словаря / Б.А. Ларин // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы): учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / сост. проф. Б.Л. Богородский, Н.А. Мещерский. – Москва: Просвещение, 1977. – С. 114–124.

6. Ларин, Б.А. Разговорный язык Московской Руси // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы): учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / сост. проф. Б.Л. Богородский, Н.А. Мещерский. – Москва: Просвещение, 1977. – С. 163–175.

7. Ларин, Б.А. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» / Б.А. Ларин // Вопросы теории и истории языка: сб. статей к 100-летию со дня рождения Б.А. Ларина. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993. – С. 5–9.

8. Никитин, О.В. 1996 – Гипотеза посадской письменности Б.А. Ларина в контексте этнокультурной традиции лингвистического изучения памятников русской истории / О.В. Никитин // Acts Facultatis Paedagogicae Universitatis Šafarikanae: Studia Philologica. Rosica Slovaca V. Annus IV. – Prešov, 1996. – S. 75–79 [Zbornik pedagogickej fakulty v Prešove Univerzity P. J. Šafárika v Košiciah, rok 1996].

9. Никитин, О.В. 1998 – Социальные диалекты как особый тип языка (об исследованиях арготических микросистем проф. В.Д. Бондалетова) / О.В. Никитин // Четвертые Поливановские чтения: сборник научных статей по материалам докладов и сообщений. Часть II. Лексика. Фразеология. Словообразование. Смоленск, 19–20 мая 1998 г. – Смоленск: СГПУ, 1998. – С. 24–37.

10. Никитин, О.В. 2000 – Специфика развития делового письма и история русского литературного языка в трудах Б. Унбегауна (к полемике о функциональных особенностях письменной речи) / О.В. Никитин // Russistik (Berlin), 2000. – № 1–2. – С. 33–46.

11. Никитин, О.В. Русская деловая письменность как этнолингвистический источник (на материале памятников

севернорусских монастырей XVIII века): дис. … канд. филол. наук / Никитин О.В. – Москва, 2000.

12. Никитин, О.В. Деловой язык и литературные тексты XV–XVIII вв.: монография / О.В. Никитин. – Москва: Изд-во МГОУ, 2004. – 324 с.

Никитин, О.В. «Подлая» речь в деловых документах XVI–XVII веков / О.В. Никитин // Книгамъ бо есть неищетна глубина: Essays in Honour of Irina Lysén / Edited by Martine Eckhoff and Thomas Rosén. – Uppsala: Printed by Kph Trycksaksbolaget AB, 2015. – С. 102–112.

13. Ожегов, С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи: учеб. пособие для вузов / С.И. Ожегов. – Москва: Высшая школа, 1974. – 352 с.

14. Ожегов, С.И. О просторечии (к вопросу о языке города) [вступление, подготовка текста и примечания О.В. Никитина] / С.И. Ожегов // Вопросы языкознания. – 2000. – № 5. – С. 93–110.

15. Потебня, А.А. Язык и народность // Потебня А. Мысль и язык / А. Потебня. – 3-е изд. – Харьков, 1913. – С. 187–220.

16. Потебня, А.А. О национализме // Потебня А. Мысль и язык / А. Потебня. – 3-е изд. – Харьков, 1913. – С. 221–225.

17. Судаков, Г.В. История русского слова / Г.В. Судаков. – Вологда: ВГПУ, 2010. – 336 с.

18. Швейцер, А.Д. Социолингвистика / А.Д. Швейцер // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 481–482.

19. Якубинский, Л.П. Краткий очерк зарождения и первоначального развития русского национального литературного языка (XV–XVII века) / Л.П. Якубинский // Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование / отв. ред. А.А. Леонтьев. – Москва: Наука, 1986. – С. 128–158.

20. Якубинский, Л.П. Реформа литературного языка при Петре I / Л.П. Якубинский // Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и функционирование / отв. ред. А.А. Леонтьев. – Москва: Наука, 1986. – С. 159–162.

21. Birgegård, U. «Справочник» по терминологии Уложения 1649-го года, составленный учителем русского языка 17-го века / U. Birgegård // Russian Linguistics. – 1987. – Vol. 11. – Pp. 237–254.

22. Koester-Thoma, S. Die Lexik der russischen Umgangssprache / S. Koester-Thoma. – Berlin: Dieter Lenz Verlag, 1996. – 275 S.

24. Мжельская, О.С. Заметки о лексике разговорников / О.С. Мжельская // Вопросы теории и истории языка: сб. статей к 100-летию со дня рождения Б.А. Ларина. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993. – С. 106–110.

Рецензенты: Л.Г. Яцкевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ,

Е.Н. Ильина, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ.

O.V. Nikitin

STUDYING THE LANGUAGE OF DOCUMENTS OF RUSSIAN BUSINESS LITERATURE IN THE MIDDLE – SECOND HALF OF THE 20th CENTURY: SOCIOLINGUISTIC ASPECT

The article considers topical issues of historical Russian studies, associated with the study of monuments of Russian business literature in sociolinguistic aspect. This approach, according to the author's opinion, has not found wide spread in the traditional school of linguists-historians and source-study scientists, with the exception of B. A. Larin, L. P. Yakubinskiy, partly of S. I. Ozhegov. The article provides an analytical review of the ideas of these scholars, highlights the most important, promising and at the same time controversial issues that need to be addressed by modern historical linguistics. Attention is drawn to the need for a synthetic approach to the analysis of business texts (including methods and techniques of contemporary socio- and ethnolinguistics). The author gives examples of successful ideas in this area of domestic and foreign scientists, outlines the development of the claimed issues.

Business writing, records of foreigners, literary language, spoken language, social role of language, language and culture, language situation.

УДК 811.161.1

Е.В. Огольцева
Московский педагогический государственный университет

ПРЕДИКАТИВЫ КАК СЛОВА-СОПРОВОДИТЕЛИ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются некоторые особенности структуры, семантики и функционирования устойчивых сравнений русского языка. В центре внимания автора предикатив как способ выражения признака-основания компаративной конструкции. Проанализированы структурно-семантические и коммуникативные условия употребления предикативов в роли слов-сопроводителей устойчивых сравнений. Выявлены особенности системных связей между компаративными единицами данной группы (проявления синонимии, антонимии и многозначности).

Устойчивое сравнение, компаративная структура, слово-сопроводитель, предикатив, категория состояния, основание сравнения, модель.

Важнейший компонент семантической структуры всякого устойчивого сравнения (далее УС) – **признак** (С), по которому коллективное языковое сознание соотносит один предмет (А) с другим предметом (В) – «образом» компаративной конструкции. Этот признак иногда воспроизводится вместе с другими компонентами устойчивой единицы, но чаще он не входит в воспроизводимую структуру, а представляет собой так называемую «сопроводительную часть».

Элемент С компаративной структуры может быть выражен либо одним словом (это относительно редкие случаи), либо целым рядом слов. Это связано с тем, что основание сравнения может варьироваться. Вариантами языкового выражения логического элемента С – основания сравнения – В.М. Огольцев считал все возможные формально-грамматические и лексические видоизменения, которые не влекут за собой изменений компаративных отношений в устойчивом сравнении [3]. В ряду вариантов элемента С могут оказаться как прилагательные, так и глаголы; это могут быть как однокоренные, так и разнокорневые слова. Во фразеографической практике установилась традиция называть их «словами-сопроводителями»: *как (словно, точно) девочка* ‘Застенчивая; краснеть, смущаться, стесняться. О женщине’; *как (словно, точно) ковёр* ‘Мягкий; лежать, расстилаться – ровным, мягким слоем. О травяном или лиственном покрове’[1].

Варьирование основания сравнения отражает динамику структуры УС, не изменяя при этом его значения. В Словаре устойчивых сравнений русского языка ряд варьирующихся признаков-оснований назван «компаративно-синонимическим рядом», под которым автор понимает ряд слов, семантически объединенных выражением одного основания сравнения [4, с. 8]. Таким образом, компаративно-синонимический ряд – это, по сути, ряд слов-сопроводителей, вариантов, в совокупности своей репрезентирующих инвариантное (общее для всех случаев употребления компаративной единицы) основание сравнения.

Естественно, что именно с помощью слов-сопроводителей лексикографы описывают признак, лежащий в основании того или иного устойчивого сравнения. В частности, эти слова составляют первую и наиболее важную часть толкований в Словаре устойчивых сравнений русского языка. Вторая часть дефиниции – это «описание круга предметов, способных выступать в роли элемента, подвергающегося сравнению (объекта сравнения)» [4, с. 12]. Например: ***как (словно, точно) агат*** (книжн.): 1 часть толкования (обязательная): ‘Черный. Черный с блеском’. 2 часть толкования (может опускаться в случаях, когда объект сравнения очевиден): ‘Преим. о глазах человека’ [4, с. 28].

В качестве «критерия сравнения», или «основания сравнения», как правило, выступает прилагательное или глагол: *как (словно, точно) колобок* ‘Маленький, круглый. Толстый, подвижный при малом росте. О человеке’ [4, с. 265]; *как (словно, точно) магнит (магнитом)* ‘Тянуть, притягивать. Привлекать – непроизвольно, с большой силой кого-л. О человеке, конкретном или отвлеченном предмете’ [4, с. 333]. Между тем представляют большой интерес те относительно редкие случаи, когда основание сравнения выражается предикативом или категорией состояния (далее КС) [8, с. 75]. Из 1500 единиц, зафиксированных в Словаре устойчивых сравнений русского языка, 32 употребляются со словами КС в роли основания компаративной структуры, причем этот факт находит отражение в самом толковании: среди вариантов выражения признака сравнения наряду с прилагательными и / или глаголами присутствуют и слова КС: *как (словно, точно) на ладони (ладошке)* ‘1.1. Видеть что-н., **видно**, виден – хорошо, целиком, во всех деталях, подробностях. О местности, предметах на местности <…> 1.2. Перен. Видеть, **видно**, виден. Понимать что-л., быть понятным – вполне, совершенно, во всех деталях’ [4, с. 311]. Возможность употребления с КС в роли слова-сопроводителя подтверждается примерами из текстов: <…> *Отсюда, с макушки острова,*

[1] Толкования УС здесь и далее приводятся по источнику: Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). – М.: Русские словари: АСТ: Астрель, 2001.

видно было ***как на ладони*** *– и Ангару, и дальние чужие берега (В.Г. Распутин. Прощание с Матёрой).*

Однако чаще компаративно-синонимический ряд состоит только из слов КС: *как на базаре* –'шумно, беспорядочно где-л. при скоплении людей' [4, с. 40]; *как в бане* – 'жарко, душно где-л.' [4, с. 42]; *как дне́м* – 'светло, хорошо видно. О ночной поре', *как в подземелье* –'темно, тихо где-л.' [4, с. 479].

Подавляющая часть УС с основанием-предикативом – это компаративные структуры, образованные по модели **mβ**, где m – показатель сравнительных отношений, а β – форма косвенного падежа существительного. Собственно элемент В (образ сравнения) здесь не выражен, однако он проявляется достаточно определенно, поскольку представлен средством, ограничивающим его (β) [3, с. 86–87]. В нашем материале преобладают УС структурного типа «как (словно, точно)[2] + существительное в предложном падеже с предлогами *на* или *в* (в редких случаях существительное имеет при себе согласованное определение): *как на базаре, как в бане, как в берлоге, как на блюдце (блюдечке), как на вокзале, как в гробу, как в сумасшедшем доме, как в душегубке, как в зыбке, как в колыбели, как в люльке, как в кабаке, как на каторге, как на кладбище, как на курорте, как на ладони (ладошке), как в леднике, как в могиле (могилке), как в парилке (парной), как в пекле, как на (в) <пуховой> перине, как в печке (печи), как в пещере, как в погребе, как в подвале, как в подземелье, как в пустыне, как в раю, как в сарае, как в склепе, как на сковородке, как на сцене, как в трясине, как в тюрьме, как в хлеву, как в храме, как у Христа за пазухой, как в церкви, как на ярмарке* и т.п. (всего около 40 случаев)[3]. Синтаксические конструкции с подобными компаративными единицами полностью соответствуют классическому определению безличного предложения: «Безличными предложениями называются такие синтаксические конструкции, в которых нет грамматического подлежащего, стоящего в именительном падеже и являющегося производителем действия или носителем признака, в форме же сказуемого не выражено значение лица, а по форме связи слова его нельзя и подразумевать» [5, с. 302].

Во всех этих случаях форма предложного падежа имени, выступающего в качестве элемента β, имеет значение места. Поэтому и лексическое значение существительного (β) представляет собой наименование помещения, вместилища, участка местности – одним словом, **пространства**, реального или ирреального: *баня, берлога, вокзал, душегубка, сумасшедший дом, колыбель, люлька, печь, кладбище, курорт, пустыня, рай, ад, трясина* и проч. Использование наименований места в системе компаративной фразеологии неслучайно. Проведенное нами исследование системы образной деривации показало, что данная семантическая группа активно используется и в образном словообразовании (ср.: *казарменные* порядки, *тепличные* условия, *монастырское* уединение, *салонные* разговоры, *площадные* шутки, *бульварный* роман и т.д.). Некоторые из подобных выражений по происхождению не являются образно-компаративными (в частности среди них есть кальки выражений французского языка), однако проведенный нами эксперимент показал, что современные носители русского языка интерпретируют отсубстантивные прилагательные как живые метафоры (реже метонимии), а их связь с предметами/явлениями, которые обозначаются существительными, – как связь компаративную. Приведем лишь некоторые толкования и реакции наших информантов: ***казарменные порядки*** – порядки как в казарме («очень строгие», «жесткая дисциплина» и проч.); ***площадные шутки*** – шутки, которые уместны на площади («неприличные», «неуместные в приличном обществе», «только на улице так говорят» и проч.); ***бульварный роман*** – роман, который можно читать разве что на бульваре («низкого качества», «легковесный», «несерьезная литература» и проч.). Конечно, это проявления «наивного», обыденного сознания, однако они чрезвычайно важны для выявления закономерностей образного потенциала русской производной лексики.

Многие из таких дериватов вступают в отношения функциональной синонимии с устойчивыми сравнениями: *точно* ***как в аптеке*** – ***аптекарская*** *точность; тихо* ***как на кладбище*** – ***кладбищенская*** *тишина* [5, с. 35].

В качестве характеризуемого объекта (далее элемент А) выступают также помещения либо участки местности. Возможные «объекты приложения сравнения» нередко отмечаются в словаре с помощью специальной изъяснительной конструкции «О чем-л.»: *«О жилище…», «О помещении…»* и т.п. Поскольку круг таких объектов может быть довольно широким (и соответственно представить в словарной статье все слова-сопроводители оказывается невозможным), автор Словаря устойчивых сравнений прибегает к более или менее подробному описанию тех мест (участков местности, территорий), которые способны выступать в роли элемента А: *как на блюдце (блюде, блюдечке)* 'Видеть что-л. (видно, виден) – хорошо, ясно, во всех подробностях. О местности, предметах на местности' [4, с. 60]; *как на вокзале* 'Неуютно, беспокойно где-л. О помещении, жилье, лишеном элементарных удобств. Жить, работать, находиться в подобных условиях' [4, с. 101]; *как в берлоге* 'Неуютно, тесно, не прибрано, грязно где-л., в чем-л. О жилище человека' [4, с. 52]; *как в гробу* 'Тихо, темно, душно, тесно где-л., в чем-л. Преимущественно о помещении' [4, с. 138]; *как в душегубке* 'Душно где-л., задыхаться где, в чем-л. О помещении' [4, с. 167]; *как в хлеву* 'Грязно, неприбрано, неуютно. О жилье, квартире, помещении' [4, с. 730] (здесь и далее подчеркнуто нами. – *Е. О.*). Лексикографическая формула «о помещении» используется также в следующих случаях: *как в кабаке, как в леднике, как в подвале.*

---

[2] В дальнейшем изложении варианты сравнительных союзов мы опускаем.

[3] Другие модели встречаются редко и представлены единичными примерами. Ср.: *как днем* (светло, хорошо видно) – *как ночью* (плохо видно), где компонент В – наречие; *как у Христа за пазухой* 'жить, быть, чувствовать себя где-л., у кого-л., с кем-л., за кем-л. – уютно, спокойно, в условиях полной обеспеченности, довольства, беззаботности', *как у те́щи в гостях [на блинах]* ('чувствовать себя где-л. непринужденно, вольготно, быть окруженным уютом и вниманием'), где компонент β – форма родительного падежа существительного с предлогом ***у***, распространенная еще одним «ограничителем» образа – предложно-падежной формой творительного или предложного падежа с локативным значением.

Важно отметить, что указание элемента А – это еще и сведения о «ближайшем словесном окружении» устойчивой компаративной конструкции, о лексическом наполнении позиции обстоятельства места, которая оказывается обязательным элементом контекста во всех подобных случаях. Иногда эта позиция обозначается в словарях предельно обобщенно – посредством местоименного наречия где-либо: как *в сумасшедшем доме* ‘шумно, беспорядочно, беспокойно где-л.’; *как в пещере* ‘темно где-л.’; *как в печи (печке)* ‘жарко где-л.’; *как на кладбище* ‘тихо (тишина), пустынно, безлюдно, безмолвно где-л.’; *как в парилке (парной)* ‘жарко, душно где-л.’ [4].

Выявленным особенностям выражения логических компонентов В (образа) и А (объекта образной характеристики) вполне соответствует **круг признаков, выступающих в роли основания** в подобных компаративных структурах. В семантике УС, употребляющихся со словами категории состояния в роли «сопроводителей», чаще всего отражаются следующие «параметры» характеристики места: *темно – светло; холодно, прохладно – тепло, жарко; чисто – грязно; шумно – тихо; спокойно – беспокойно, уютно – неуютно; тесно – просторно.* Например, признак **«темно»** способны выразить УС *как в погребе, как в могиле, как в склепе, как в подвале, как в пещере, как в подземелье;* признак **«шумно»** – *как на базаре, как на ярмарке, как в сумасшедшем доме, как в кабаке;* признак **«тихо»** – *как в церкви, как в храме, как на кладбище, как в могиле, как в гробу, как в погребе, как в подземелье;* признак **«жарко»** – *как в бане, как в парилке (парной), как в аду, как в пекле, как в печи (печке), как на сковородке;* признак **«холодно»** – *как в леднике, как в погребе;* признак **«грязно»** – *как в берлоге, как в кабаке, как в сарае, как в хлеву;* признаки **«спокойно, уютно»** – *как в зыбке, как в колыбели, как в люльке, как на пуховой перине, как у Христа за пазухой;* признак **«неуютно»** – *как в берлоге, как на вокзале, как на постоялом дворе, как в сарае, как в хлеву;* признаки **«беспокойно, сутолочно»** – *как в сумасшедшем доме, как на ярмарке, как на базаре;* признак **«тесно»** – *как в берлоге, как в гробу;* признак **«несвободно»** – *как в клетке, как в ловушке, как в сети, как в вилках, как в тенетах, как в тюрьме.* Устойчивые сравнения анализируемой группы могут выражать также признаки **«одиноко»** (*как в пустыне*), **«обеспеченно, богато»** (*как в раю, как у Христа за пазухой, как на курорте*).

Слова-сопроводители в составе компаративно-синонимических рядов того или иного УС вступают в системные отношения со словами-сопроводителями другого (других) устойчивых сравнений. В результате сравнения объединяются в синонимические пары и синонимические ряды. Например, УС-синонимы *как на ярмарке* и *как на базаре* выражают признаки «шумно, сутолочно, скученно где-л.»; сравнения *как в хлеву, как в берлоге, как в кабаке, как в сарае* выражают признаки «грязно, неприбрано, неуютно»; синонимический ряд *как в склепе, как в могиле, как в погребе* выражает признаки «темно, душно, сыро, мрачно где-л.». Чаще всего в синонимические ряды объединяются УС одной модели и одного структурного типа, но это условие может нарушаться. Ср.: *как в раю, как за каменной стеной, как у Христа за пазухой*[4].

В некоторых случаях УС образуют антонимические оппозиции. При наличии у компаративной структуры и синонимов, и антонимов образуются сложные структурно-семантические группировки, которые мы вслед за Ю.С. Федосовым называем «антонимо-синонимическими блоками» [6, с. 126]: **жарко** где-л. *как в бане, как в аду, как в парилке (парной), как в пекле, как в печи (печке);* **холодно** где-л. *как в леднике, как в погребе;* **трудно, тяжело, мучительно** *как на каторге, как в аду* – **легко, вольготно, привольно** *как в раю, как за каменной стеной (горой), как у Христа за пазухой.*

Синонимические отношения проявляются чаще (22 УС вступают в подобные отношения и образуют синонимические ряды), два устойчивых сравнения не имеют синонимов, но вступают между собой в антонимические отношения (светло *как дне́м* и темно *как ночью*), 10 УС имеют и синонимы, и антонимы, образуя антонимо-синонимические блоки. Около двадцати сравнений, которые потенциально способны употребляться со словами категории состояния, не имеют ни синонимических, ни антонимических связей; вероятно, этому мешают прихотливые комбинации слов-сопроводителей в компаративно-синонимических рядах. К примеру, *как в сумасшедшем доме* – это одновременно и «шумно», и «беспокойно», и «беспорядочно».

Интересно проследить и проявления многозначности в семантической структуре УС исследуемой группы. Моносеманты явно преобладают. Единственным значением характеризуются, в частности, УС *как на ярмарке* (‘шумно, сутолочно, скученно где-л.’); *как в храме* (‘тихо, благопристойно где-л.’); *как в хлеву* (‘грязно, неприбрано, неуютно’); *как в сарае* (‘неуютно, холодно, пусто, грязно где-л.’); *как ночью* (‘темно, черно; о дневном времени’) [4]. Ср. также: *как в церкви, как на сковородке, как в подземелье, как в пещере, как в подвале, как в пекле, как на (в) <пуховой> перине, как в печи (печке), как на печке (печи), как в парилке (парной), как в колыбели (колыбельке), как в леднике, как на кладбище, как в кабаке, как в душегубке, как в гробу, как на вокзале, как в бане, как в берлоге* (всего 24 сравнения). В случае многозначности употребление с категорией состояния в роли слова-сопроводителя возможно, как правило, только в одном из значений. Так, УС *как в аду* в первом значении (‘1. Жить, находиться – в невыносимо-трудных, нестерпимо мучительных условиях, физических или нравственных’) употребляется в личных двусоставных предложениях; при этом УС характеризует действие, выраженное глаголом: *Лучшие годы жизни* ***протекли, как в аду,*** *надежды на счастье разбиты и осмеяны, здоровья нет… (А.П. Чехов. Супруги).* Во втором значении (‘2. Жарко (жара) где-л.’) УС *как в аду* употребляется в односоставных предложениях, где основание сравнения выражено либо существительным, либо категорией состояния: *Поставили Ев-*

[4] По нашим наблюдениям, среди УС основной («ядерной») модели, способных употребляться со словами-сопроводителями, выраженными категорией состояния, антонимо-синонимические блоки образуются только по признакам «жарко – холодно» и «трудно, тяжело – легко, вольготно».

сея на послушание к хлебопе́ку. К службам не ходил. В подвале у хлебопе́ка – ***жара, как в аду*** *(Е.И. Замятин. Уездное); Дудин морщился и зяб, сжимая локти, хотя в павильоне было* ***жарко, как в аду*** *(Л.В. Карелин. Землетрясение).*

В этих случаях устойчивое сравнение индивидуализирует признак, выраженный существительным с предикатным значением либо категорией состояния. Примерно такое же распределение функций между разными значениями многозначного УС наблюдаем в случаях с другими полисемантами: ***как в могиле [могилке]*** 1) темно, тихо как в могиле и 2) сохранять что-л. (в тайне) *как в могиле*; ***как в раю*** 1) жить *как в раю,* 2) чувствовать себя *как в раю* и 3) где-л. хорошо *как в раю*; ***как в склепе*** 1) темно/душно/сыро *как в склепе* и 2) закупориться *как в склепе.*

В редких случаях все значения УС-полисеманта характеризуются основанием-предикативом (в качестве единственной формы выражения слова-сопроводителя или в ряду прочих вариантов). Так, УС *как в погребе* употребляется в трех значениях, и все они выражаются посредством слов категории состояния: '1) **темно** где-л.; 2) **тихо** где-л.; 3) **холодно**, прохладно где-л. О помещении' [4, с. 478]: *Разве́рнутым строем… мы поднимаемся вверх по этой чернеющей улице. Двигаемся впере́д осторожно, потому что темно,* ***как в погребе*** *(В.В. Шульгин. Дни); Стало тихо,* ***как в погребе****, фыркал самовар, хлестал дождь по сте́клам (А.М. Горький. Детство); Пришли какие-то люди, отодрали щиты от театра и распахнули двери. Мы вошли туда. Там было холодно,* ***как в погребе*** *(К.С. Станиславский. А.П.Чехов в художественном театре).*

Одинаковым ближайшим контекстным окружением характеризуются также УС с «прямым» и «переносным» значениями. Например, сравнение *как на блюдце (блюде, блюдечке)* употребляется в прямом значении «видеть что-л. (видно, виден) – хорошо, ясно, во всех подробностях. О местности, предметах на местности» и в переносном значении «виден, доступен пониманию – вполне, во всех особенностях. О человеке (– жизни, свойствах характера, планах, намерениях)» [4, с. 60]. Это УС в обоих своих значениях может употребляться со всеми лексико-грамматическими вариантами слова-сопроводителя: 1) с глаголом *(видеть как на блюдечке)*; 2) с прилагательным в краткой форме *(виден как на блюдечке)*; 3) с категорией состояния *(видно как на блюдечке).*

УС *как на ладони (ладошке)* употребляется в прямом значении «Видеть что-н., видно, виден – хорошо, целиком, во всех деталях, подробностях. О местности, предметах на местности)» и в переносном значении «видеть, видно, виден. Понимать что-л., быть понятным – вполне, совершенно, во всех деталях» [4, с. 311]. В обоих значениях возможно употребление этого сравнения со всеми тремя лексико-грамматическими вариантами слова-сопроводителя: 1) с глаголом *(видеть как на ладони)*; 2) с прилагательным в краткой форме *(виден как на ладони)*; 3) с категорией состояния *(видно как на ладони).*

Еще один важный вопрос, имеющий к тому же и большое практическое (методическое) значение – это проблема определения синтаксической функции устойчивого сравнения. Этот вопрос нуждается в специальном глубоком изучении. A priori можно предположить, что его решение в каждом индивидуальном случае зависит от следующих взаимосвязанных факторов: 1) часть речи слова-сопроводителя (синтаксическая функция собственно сравнительной части УС в структуре предложения определяется в первую очередь тем, какой частью речи является слово (слова), выражающие в предложении основание компаративной конструкции); 2) степень отвлеченности/конкретности лексического значения слова-сопроводителя; 3) степень «закрепленности» данного слова-сопроводителя именно за этой сравнительной частью (синтаксическая функция «сравнительной части» зависит от степени ее «семантической слитности» с тем словом-сопроводителем, которое представляет в данном тексте основание компаративной конструкции; эта степень тем выше, чем уже круг возможных вариантов слов-сопроводителей; наивысшей степенью семантической спаянности характеризуются те немногие случаи, когда УС употребляется только с одним словом-сопроводителем); 4) тип самой синтаксической конструкции.

Применительно к анализируемым в настоящей статье единицам мы полагаем, что наиболее разумным решением вопроса было бы признание того факта, что сравнительная часть и слово-сопроводитель всегда представляют собой неразрывное семантическое целое, синтаксически неделимое словосочетание, выполняющее общую синтаксическую функцию. При таком подходе приходится действовать в отвлечении от той путаницы, которую привносит в решение данного вопроса пунктуационный разнобой: так называемый сравнительный оборот то выделяется на письме запятыми, то не выделяется (а следовательно, осознается не как обособленная осложняющая конструкция, а как полноценный член предложения). «Выделение конструкций со сравнительными союзами» рассматривается во всех пособиях по синтаксису и пунктуации, однако их авторы уделяют основное внимание проблеме отграничения сравнительного оборота от придаточного сравнительного, в то время как главные трудности сосредоточены «внутри сравнительного оборота» [7, с. 172]. По-видимому, решение этой старой проблемы невозможно без последовательного, системного анализа свободных и устойчивых компаративных структур.

В художественных и публицистических текстах мы наблюдаем следующие основные случаи употребления УС структурного типа «как + существительное в предложном падеже с предлогом *в (на)*»:

1) слово-сопроводитель выражено категорией состояния. Предложение безличное. УС (вместе со своим словом-сопроводителем) выполняет функцию главного члена односоставного безличного предложения: *В комнаты проникал свет сквозь сте́кла, затянутые пылью. Здесь было* ***мрачно*** *и* ***душно****,* ***как в склепе****, было холодно и страшно (Н.Д. Телешов. Чёрною ночью); Дорогу обступили че́рные громады ракит, под которыми сразу* ***стало темно****,* ***как в пещере*** *(Е.Н. Носов. Шопен, соната номер два).*

2) слово-сопроводитель (слово категории состояния) опущено. Здесь возможны два варианта.

а) УС оказывается синтаксически связанным со случайным (ситуативным) словом-сопроводителем –

глаголом: *«Батюшки, **накурили**, **как в берлоге**! Да сидите, сидите, будьте без чинов. Здорово!» – грубовесело сказал Александр Данилович. (А.Н. Толстой. Пётр I); Приходили в опорках, в тряпье со сквозившим голым телом, таскали камни, глину, выводили стены, засыпали сверху земли и **жили, как в берлоге**… (А.С. Серафимович).* В этих контекстах глаголы *«накурили»* и *«жили»* выступают как «заместители» основания устойчивого сравнения *как в берлоге.* Это определяемые условиями контекста речевые «репрезентанты» критериев сравнения – слов категории состояния «неуютно, тесно, грязно где-л.». Мы склонны считать, что в таких случаях УС вместе с сопроводителями-глаголами выполняют функцию сказуемых в разных по структуре предложениях: двусоставных, определенно-личных, неопределенно-личных, обобщенно-личных.

б) УС употребляется вообще без слов-сопроводителей (это бывает довольно часто – в силу устойчивости, воспроизводимости конструкции: признак уже существует в коллективном языковом сознании говорящих, и для его проявления достаточно указать на сам факт сравнения с предметом В: *Он открыл ей дверь и вновь развалился на кровати, задымив папиросой, последней из пачки, начатой на рассвете. «У тебя тут, **как в душегубке**», – заметила Обманка (М.С. Бубеннов. Стремнина)* (УС употребляется без основания «душно»); *Три года назад тут было **как на кладбище** – ни одной живой души, все разорено. А вот пришли люди, приложили руки, и опять место зацвело (В.А. Закруткин. Сотворение мира)* (УС употребляется без оснований-предикативов «тихо», «пустынно», «безлюдно», «безмолвно»; последующий контекст берет на себя функцию выражения этих признаков); *Давай, пошли за этой антенной, а то совсем… **Как в склепе** тут… И Елтышев отправился в магазин (Роман Сенчин. Елтышевы)* (УС употребляется без слова-сопроводителя «темно»). Случаи имплицитного выражения признака – основания сравнения – важный аргумент в пользу того, что собственно воспроизводимая часть структуры УС (так называемая «сравнительная часть») самодостаточна в выражении значения компаративной структуры и, следовательно, самостоятельна в проявлении синтаксической функции. При неопределенности, абстрактном характере признака-основания сравнительная часть берет на себя роль «коммуникативного центра», выражая главную информацию. Это значит, что и в случаях формальной выраженности слова-сопроводителя сравнительная часть должна включаться в состав сказуемого.

Было бы логично признать, что все устойчивые сравнения рассмотренной модели, независимо от конкретных условий употребления, от структуры предложения и частеречной принадлежности слова, к которому они непосредственно относятся, всегда выполняют только одну функцию – сказуемого.

Помимо рассмотренных выше, с основаниями, выраженными предикативами, потенциально могут употребляться и некоторые другие УС этой и других моделей. При этом в структуре лексикографического толкования признаки-предикативы отсутствуют, но их потенциальное употребление может быть выявлено при анализе примеров из художественных текстов или методом эксперимента (посредством создания искусственных высказываний). В рамках основной модели это, к примеру, УС *как в аптеке <на весах>, как в ловушке, как в капкане*: *Помню, в Калинине я покупал на рынке капусту. Продавец, молодой парень, взвесив кочан и протянув его мне, сказал: «Ровно килограмм. **Точно, как в аптеке**!» (Ю.А. Никулин. Почти серьёзно); Ведь уж коли попал ты ему [адвокату] в лапы, так там и держись! И не шевелись! **Все равно что в капкане**! (М.Е. Салтыков-Щедрин); «Мне необходимо срочно переправить товар. У вас тут **как в ловушке**. Имеется запасный выход?» – «Через кухню на двор» (А.П. Злобин. Только одна пуля).*

При отсутствии в словарях соответствующего иллюстративного материала исследователь может без труда сконструировать контексты, в которых едва ли не каждое УС ядерной модели проявит способность употребляться со словом категории состояния в роли основания сравнения: *В квартире было тихо, уютно, нарядно, **как на картинке**; «Ну как тебе в деревне?» – «Мне там всегда тяжело, **как на каторге**»; На дощатом мостике было шатко, **как на качелях**; в этой комнате мне тесно, **как в клетке**; «Ну как тебе в этих ботинках?» – «Скользко, **как на коньках**»; В доме свéкра Анне было тоскливо и тесно, **как в мышеловке**; Мне в этих семейных дрязгах знаешь каково? Противно, **как в паутине**; На сеновале мягко, **как на пуховой перине**; Что-то в комнате у сестры тихо, **как на поминках / как на похоронах**; Ивану в деревне одиноко, **как в пустыне**; У них в семье **как на сцене**: все роли распределены; У брата в отношениях с женой темно и запутанно, а у родителей было красиво, **как в романе**; Каково было Ивану в этих условиях? Тяжело, **как в сетях / как в силках**; В их школе давно уже тоскливо **как в трясине**: молодых учителей мало, бумажная рутина, бесконечные отчéты; В доме учителя было чудесно, **как в сказке**; На даче у вас одиноко и безлюдно, **как в тюрьме**; Ольге было страшно перед первым уроком, **как на экзамене**; У нас в семье прямо **как на сцене**: все роли распределены; Отцу в нашей недружной семье всегда было трудно, **как в тисках*** и т.п.

Таким образом, в целом ряде случаев (по приблизительным подсчетам их около сорока) возможность употребления УС рассматриваемой модели **mβ** (где β – существительное в предложном падеже) выявляется только через иллюстративный материал, извлеченный из художественных или публицистических текстов, или экспериментальный, искусственно созданный исследователем.

С основаниями-КС (или с сочетанием «УС+ инфинитив») потенциально способны употребляться и УС некоторых других структурных типов, например[5]:

1) как (словно, точно) + существительное в дательном падеже с предлогом по: *как (словно, точно) по асфальту: Мне легко было бежать по гладкой тропинке, **как по асфальту** (эксп.);*

[5] Почти каждая модель представлена единичными примерами. Эти УС могут употребляться со словами категории состояния в определенных условиях контекста, но в словарных толкованиях эта возможность не отмечена из-за крайней нерегулярности подобного употребления.

2) как + количественное наречие + количественное числительное: *как дважды два: Для меня ясно,* ***как дважды два****: авторы прежнего проекта допустили ошибку, рабски поддавшись влиянию авторитетов… (В.Н. Ажаев. Далеко от Москвы);*

3) как (словно, точно) + существительное в именительном падеже: *как <божий> день: «Где ваша голова и где в оной мои уроки географии? Разве не ясно* ***как день****, что Вы должны были отправиться через Москву, – он ткнул указкой по карте, – через Смоленск и Брест, если вам угодно было бежать на германский [фронт]?» (А.П.Гайдар. Школа);*

4) как (словно, точно) + существительное в родительном падеже с предлогом *с*: *как (словно, точно) с похмелья: Солдатам после вчерашнего похода было худо* ***как с похмелья****: ноги заплетались, языки не ворочались от усталости (эксп.);*

5) как (словно, точно) + существительное в родительном падеже с предлогом *без*: *как (словно, точно) без рук: Учителю без его постоянной помощницы теперь стало трудно* ***как без рук*** *(эксп.).*

Сокращением («эксп.») мы пометили примеры, экспериментально созданные нами как иллюстрации возможного употребления устойчивого сравнения с сопроводителем – словом категории состояния. Почти каждая модель представлена единичными примерами. Эти УС могут употребляться со словами категории состояния в определенных условиях контекста, но в словарных толкованиях эта возможность не отмечена из-за крайней нерегулярности подобного употребления. В.В. Бабайцева, рассматривая случаи «колебания между односоставностью и двусоставностью», относит некоторые случаи к синкретичным. Например: «***Удивительно!*** Как только в бой, так у вас открываются старые раны» (М. Шолохов. Тихий Дон). В выделенном односоставном предложении слово на -о, по мнению В.В. Бабайцевой, синтезирует признаки категории состояния и прилагательного: «С прилагательными его связывает способность обозначать признак, потенциальная возможность выяснения <…> субъекта мысли и речи, т.е возможность постановки вопроса **что?** С категорией состояния <…> такие слова на -о связывает неизменяемость» [1, с. 93].

Проведенный нами разноаспектный анализ УС, употребляющихся с основанием-словом категории состояния, свидетельствует о неразрывной связи структурно-семантических особенностей устойчивой компаративной структуры и закономерностей ее употребления. Сравнения данной группы проявляют целый ряд специфических признаков, касающихся следующих моментов:

– преобладающей модели языковой компаративной конструкции (mβ) и структурного типа («как /словно, точно/ + существительное в предложном падеже с предлогами *в* и *на*»);

– лексического значения слова, выражающего компонент β (название места или участка местности, помещения);

– объекта приложения сравнения (А) (в основном это также названия мест территорий, помещений);

– проявления системных отношений с другими УС (преобладают сравнения-моносеманты; синонимические отношения доминируют над антонимией);

– закономерностей функционирования в составе предложения (устойчивое сравнение со словом-сопроводителем, выраженным категорией состояния, является главным членом односоставного безличного предложения).

Литература

1. Бабайцева, В.В. Лексико-грамматические свойства слов на -о в некоторых синтаксических конструкциях / В.В. Бабайцева // Бабайцева В.В. Избранное. 1955–2005: сборник научных и научно-методических статей / под ред. К.Э. Штайн. – Москва; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. – 520 с.

2. Галкина-Федорук, Е.М. Безличные предложения в современном русском языке / Е.М. Галкина-Федорук // Вопросы синтаксиса современного русского языка / под ред. В.В. Виноградова. – Москва, 1950. – 410 с.

3. Огольцев, В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии: монография / В.М. Огольцев; предисловие и заключительная статья Е.В. Огольцевой. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 192 с.

4. Огольцев, В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический) / В.М. Огольцев. – Москва: Русские словари: АСТ: Астрель, 2001. – 800 с.

5. Огольцева, Е.В. Наименования места в системе образной деривации / Е.В. Огольцева // Преподаватель XXI века. – 2005. – № 4. – С. 34–40.

6. Федосов, Ю.С. Семантическая структура антонимо-синонимического блока и её описание / Ю.С. Федосов // Семасиологические аспекты значения: сборник научных трудов. – Волгоград: Перемена, 1997. – С. 125–134.

7. Шапиро, А.Б. Современный русский язык. Пунктуация: учебное пособие для пед. ин-тов / А.Б. Шапиро. – Москва: Просвещение, 1974. – 287 с.

8. Щерба, Л.В. О частях речи в русском языке / Л.В. Щерба // Избранные работы по русскому языку. – Москва, 1957. – С. 63–84.

Рецензент – Е.Н. Ильина, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ.

E.V. Ogoltseva

PREDICATIVES AS WORDS-FOLLOWERS OF RUSSIAN STABLE COMPARISONS

The article focuses on some features of structure, semantics and functioning of Russian stable comparisons. The main attention is paid to the analysis of a predicative as a way to express a sign-basis of a comparative structure. The author analyzes structural-semantic and communicative conditions of using predicatives as words-followers of stable comparisons. Features of system communications between comparative units of this group (manifestations of synonimy, antonymy and polysemy) are also revealed.

Stable comparison, comparative structure, word-follower, predicative, category of state, sign-basis of a comparative structure, model.

УДК 81’243

Т. Русен
Уппсальский университет, Швеция

РУССКИЙ ЯЗЫК ЗА РУБЕЖОМ В XIX ВЕКЕ: НАДГРОБНЫЙ КАМЕНЬ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА С.С. ГОТОВЦЕВА И ЗНАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШВЕЦИИ

В статье анализируется надпись на надгробном камне генерал-майора С.С. Готовцева (1769–1809), сохранившемся у церкви с. Бюгдео в Швеции. В начале статьи излагаются сведения об истории русско-шведских отношений преимущественно XVIII–XIX вв. Отмечается также роль переводчиков в военных конфликтах. Автор указывает на важность грамматических трудов по изучению русского языка, выпущенных в Швеции. Сообщаются сведения о жизни и деятельности генерал-майора С.С. Готовцева, участвовавшего в Русско-шведской войне 1808–1809 гг., обстоятельствах его гибели. Создается культурно-исторический портрет одного из самых ярких участников военной кампании начала XIX в. Особое внимание автор уделяет палеографическому анализу текста надписи: специфике почерка, разбору орфографических особенностей, искажениям. Делается вывод об уровне знания русского языка в Швеции в начале XIX века вне центральной государственной администрации. В статье использован редкий иллюстративный материал из личной коллекции автора.

Русско-шведская война 1808–1809 годов, военная история, языковая картина мира, источниковедение, палеография, графика, орфография.

Во многих местах в Европе стоят памятники русским и советским воинам, погибшим далеко от родных краев. Как известно, большинство таких памятников относится ко Второй мировой войне, но есть и другие.

На севере Швеции, в селе Бюгдео (Bygdeå) в 700 километрах севернее Стокгольма, на кладбище возле средневековой церкви стоит очень скромный памятник: надгробный камень русского генерал-майора Семена Степановича Готовцева (1769–1809)[1]. Этот камень является для Швеции исключительной редкостью, так как его текст – на русском языке. В данной статье история русской надписи описывается в первый раз на русском языке, коротко передаются обстоятельства создания памятника.

Церковь с. Бюгдео с восточной стороны
(*фото: commons.wikimedia.org*)

Московское царство и Российская империя воевали со Швецией одиннадцать раз [5]. Разумеется, что знание языка противной стороны в этих конфликтах было необходимо, и поэтому обе стороны заботились об образовании «толмачей» (переводчиков). О толмачах русского и шведского языков упоминается уже в самых древних источниках, например в шведских хрониках XIV века (см., напр.: [25]). Иван Грозный писал шведскому Королю Юхану III в 1573 году так: «...а ваши толмачи преж сего у нас в нашем государстве нашей руской грамоте учивались же» [24, с. 7] (цит. по: [22])[2]. В XVIII веке во время Северной войны многие тысячи шведов после Полтавской битвы оказались в плену на территории России. «К сожалению, – пишет историк Галина Шебальдина, – нет точных данных о количестве пленных, как русских, так и шведских, вернувшихся из плена домой» [32, с. 32]. Несмотря на это, однако, можем предполагать, что уровень знания русского языка – по крайней мере в устной форме – в Швеции в первой трети XVIII века был значительным. Несколько позже, в 1750 году, в Стокгольме напечатана русская грамматика королевского переводчика с русского языка и бывшего сотрудника Академии наук в Санкт-Петербурге Микаэля Грёнинга. Это первая русская грамматика на шведском языке ([12], [28]). В целом, в XVIII веке русско-шведские отношения были хрупкими, со сменяющими друг друга периодами мира и войны (см., напр.: [1]).

Последняя война между Россией и Швецией началась в результате Тильзитского мира, заключенного в 1807 году между Александром I и Наполеоном. Этот конфликт известен как «Русско-шведская война 1808–09 годов», «Финская» или «Финляндская война»

[1] Описание церкви и кладбища на шведском языке см. в [1]. В источниках XIX века фамилия генерал-майора пишется «Готовцов». В данной статье используется написание «Готовцев».

[2] О русском языке на территории Швеции в XVII веке см. [2].

([16], [18], [19, с. 183], [14, с. 157] и след. [29])[3]. Согласно мирному договору, подписанному в Фридрихсгаме 5 (17) сентября 1809 года, Швеция уступила России всю Финляндию и тем самым потеряла 40% своей территории и 30% населения ([21], [14]). После потери Финляндии шведские власти интересовались русским языком все меньше. Контакты между странами приобретали новые формы [14]. В России и Финляндии начали печать учебники русского языка для шведов, но они, главным образом, были предназначены для шведскоговорящих подданных в Великом княжестве Финляндском (см., напр.: [8], [33]). Вот так выглядит предыстория надписи на надгробном камне в Бюгдео. Вернемся к судьбе С.С. Готовцева.

В августе 1809 года друг против друга стояли две враждебные армии: русская во главе с генералом графом Н.М. Каменским и шведская под командованием генерала графа Г. Вахтмейстера (Wachtmeister). Генерал-майор Готовцев, командир Азовского мушкетерского полка[4], был смертельно ранен в одном из заключительных боев, в битве при селе Сэвар, 7 (19) августа 1809 года [18]. Данные в Интернете[5] о том, что Готовцева похоронили «под городом Торнео», представляется возможным отклонить сразу как неправильные. Они могут быть связаны с тем, что, согласно этой же статье, Готовцева исключили из полковых списков 2 сентября 1809 года. Есть основания полагать, что его полк тогда находился именно в Торнео. Однако невозможно было уточнить, по какому пути после шведской кампании Азовский мушкетерский полк возвратился. Известно только, что «[в] общем, полк, находившийся в непрерывных походах и многих делах, в эту войну исходил свыше 2500 верст» [19, с. 183].

О смерти Готовцева на русском языке написано сравнительно мало, а на шведском почти ничего. Авторы имеющихся шведских публикаций, в которых упоминается надгробный камень Готовцева, в основном ссылаются на работу 1850 г. А.И. Михайловского-Данилевского [17][6]. Исключением является рассказ Эрнфреда Граваллиуса, шведского очевидца событий 1809 года. В его книге упоминаются похороны Готовцева и изготовление камня: «Пастору там [в Бюгдео] оставили 75 рублей, чтобы на надгробном камне упомянутого генерала сделали подходящую эпитафию» (пер. с швед. Т. Русен) [10][7].

А кто, собственно, был генерал-майор Готовцев?

Семен Степанович Готовцев принадлежал к дворянскому роду Готовцевых [3]. В Российской империи было четыре таких рода. Семен Степанович чаще всего ассоциируется с родом, происходящим от мурзы Ишмета (в крещении Петр), у которого был сын Андрей, по прозвищу Готовец[8].

Семен Степанович родился в 1769 году и выбрал для себя карьеру военного. Он отличился за отвагу в сражении против Наполеона при Прейсиш-Эйлау (ныне Багратионовск в Калининградской обл.) в начале 1807 года. В этой битве Готовцев командовал тем же полком, как и позже при Сэваре, – Азовским мушкетерским.

В признание его храбрости под Прейсиш-Эйлау, где он был тяжело ранен, Готовцева наградили Георгиевским крестом 4 класса и произвели в генерал-майоры [15].

В начале 1809 года сорокалетний С.С. Готовцев вступил в брак с дамой восемнадцатью годами моложе его Александрой Сергеевной Щулепниковой (1787–1866) [6]. В браке родилась дочь, которая, однако, не видела отца, так как он погиб в августе, а Анна Семеновна родилась в ноябре. В 1813 году дочь умерла, и спустя пять лет Александра Сергеевна приняла монашество с именем Феофания.

Но вернемся к камню в Бюгдео и к надписи на нем. Камень, который стоит на кладбище, – копия. Копия, однако, верно передает искаженный текст оригинала, который хранится в колокольне. На камне имеется короткая надпись в 16 строк на русском языке следующего содержания[9]:

Здесь лежитъ/
тѣло Генералъ/
маїора икова/
лера семена сте/
панова Сына/
Готовцова ко/
торои убитъ/
на полѣ сраженїя/
бывшаго проти/
ву шведскихъ/
воискъ 1809го года/
августа 7го числа/
при селенїи це/
феръ житїя его/
было 40 летъ 7/
месяцовъ 7 днеи

Шрифт надписи напоминает аккуратный почерк начала XIX века [31].У автора текста есть некоторые орфографические особенности:

а) буква < ѣ > встречается в надписи, но употребляется не всегда точно. В словах «здесь», «лежитъ», «сраженія», «селенїи», «летъ» и «месяцовъ» употребляется < е > вместо этимологического < ѣ >.

б) автор не всегда различает прописные и строчные буквы, но в то время это было допустимо.

в) слово «кавалер» пишется через < о >: «кова/лера». Такое написание данного слова встречается в русских текстах уже в XVII веке [26, с. 10].

[3] По мнению современных историков, работа А.И. Михайловского-Данилевского и в настоящее время остается наиболее полной версией описания боевых действий, вышедшей на русском языке [27].

[4] Об Азовском полке в Швеции знали уже давно. Полк был основан по указу Петра I и участвовал в операциях во время Северной войны, например при взятиях Ниеншанца (1703 г.) и Нарвы (1704 г.). См.: [23].

[5] Готовцов, Семён Степанович [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org

[6] См.: [4], [34], [30].

[7] У другого современного автора пишется, что Готовцева будто похоронили не русские, а шведы. См.: [13]. К сожалению, последнее утверждение не обоснованно и, вероятнее всего, является ошибкой.

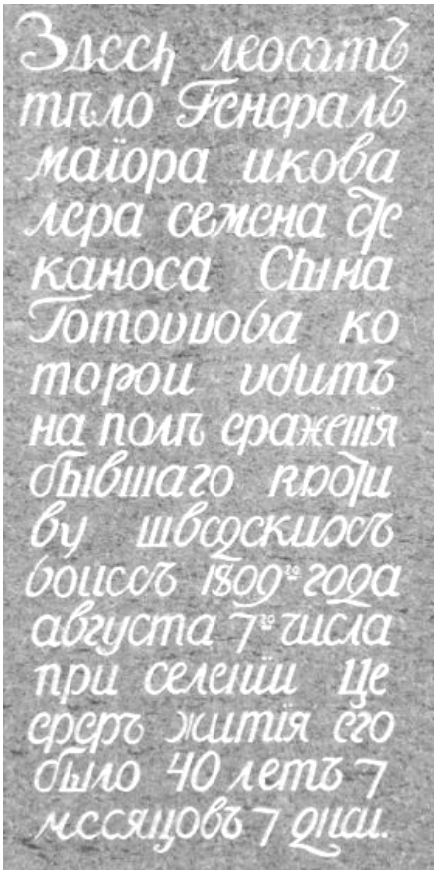
[8] Изображения герба рода см.: [20, с. 22].

[9] Косая черта означает конец строки в оригинале. Ниже текст воспроизводится не в нынешнем искаженном состоянии, а в реконструированной форме.

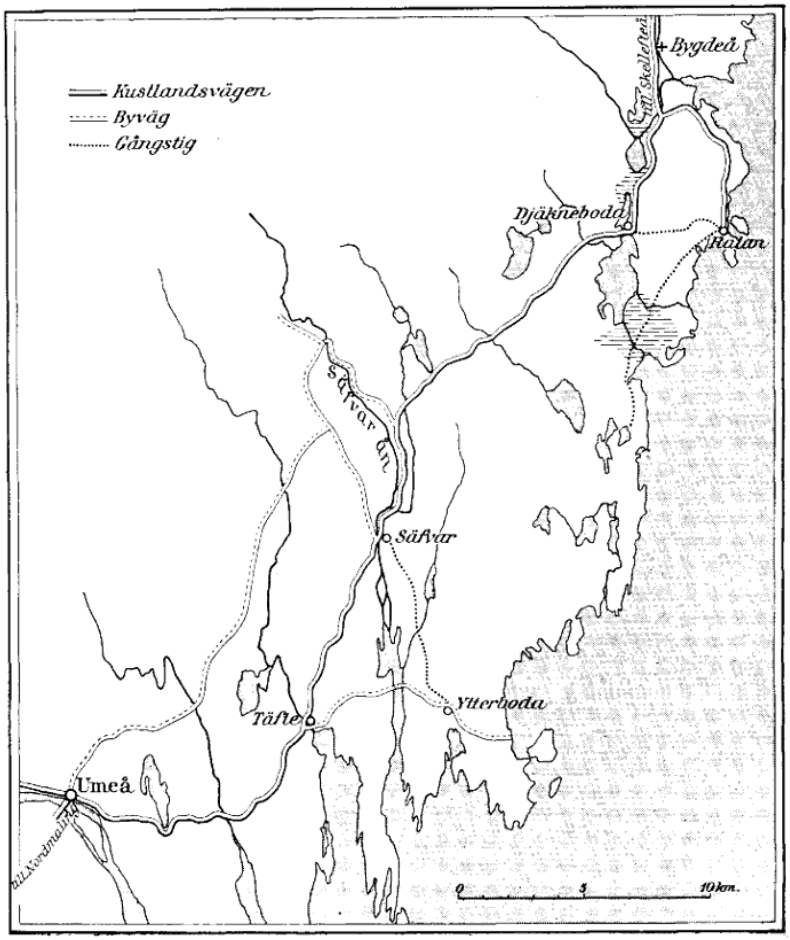
г) в надписи встречается форма «житїя» вместо «жизнь».

Язык свидетельствует о том, что, вероятнее всего, черновик надписи создал образованный русский человек, может быть, полковой писарь, священник или коллега-офицер С.С. Готовцева. Однако надпись на надгробном камне дает слишком мало материала для подробного анализа языка и степени образованности писавшего. Как пишут М.С. Выхрыстюк и Т.В. Быкова, «[у]ровень графической грамотности текстов конца XVIII века мог зависеть от социального положения писавших, их территориальной принадлежности и типа канцелярии» [7, с. 32–35].

Искажения русского текста, возможно, возникли не в черновике, а в связи с изготовлением надписи. Вопрос о том, кто виноват в ошибках, приходится пока оставить. Констатируем только, что, судя по надписи на этом памятнике, уровень знания русского языка в Швеции в XIX веке вне центральной государственной администрации был минимальным. Резчику некуда было обратиться за помощью, а власти, по причине незнания русского языка, не обращали внимания на ошибки.



Надгробный камень генерал-майора С.С. Готовцева в Бюгдео
(*фото Т. Русена*)



Часть шведской провинции Вэстерботтен. Внизу слева г. Умео. Вверху справа с. Бюгдео. Между ними поля сражения Сэвар и Ратан
(*иллюстрация: commons.wikimedia.org*)

Литература

1. Анисимов, Е.В. Россия и Швеция в середине XVIII века: от конфронтации к союзу / Е.В. Анисимов // Отечественная история. – 2004. – № 6. – С. 3–17.

2. Биргегорд, У. (Birgegård, U.) «Ryska». Från Nyens skans till Nya Sverige: Språken i det svenska riket under 1600-talet / U. Birgegård // Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, Konferenser 78, red. B. Andersson, R. Raag. – Stockholm, 2012. – С. 296–314.

3. Брокгауз, Ф.А. Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – Санкт-Петербург, 1893. – Т. IX. – С. 433.

4. Бюгден Л. (Bygdén, L.) «Den ryska gravstenen på Bygdeå kyrkogård» i Västerbotten / L. Bygdén // Västerbottens läns hembygdsföreningsårsbok 1922. – Umeå, 1923. – С. 44–45.

5. Волынец, А. Ледяное наступление русских [Электронный ресурс] / А. Волынец // Русская планета, 26.07.2015. – Режим доступа: http://rusplt.ru/ society/ledyanoe-nastuplenie-russkih-1809.html (дата обращения 16.11.2015).

6. Воскресенский Новодевичий монастырь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.novodev. spb.ru (дата обращения 18.11.2015).

7. Выхрыстюк, М.С. Особенности орфографии рукописных текстов учреждений просвещения г. Тобольска второй половины XVIII века / М.С. Выхрыстюк, Т.В. Быкова // Вестник Челябинского государственного университета. № 21 (275). Филология. Искусствоведение. – 2012. – Вып. 68. – С. 32–35.

8. Гиппинг, А.И. (Hipping, A.I.) Försök till svenska och ryska samtal, till deras tjenst som önska att lära ryska språket – Опыт шведских и российских разговоров в пользу учащихся российскому языку / А.И. Гиппинг. – Санкт-Петербург, 1810.

9. Готовцов Семён Степанович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/ Готовцов_Семён_Степанови (дата обращения 07.03.2015).

10. Граваллиус, Э. (Gravallius, E.) Resa ifrån Gräddö till Ratan, eller: Berättelse om Kust-Arméens Expedition till Vesterbotten i Aug. Månad 1809, Strengnäs. 1809 / E. Gravallius // Norrländska skrifter nr 2 [red. Roger Jacobsson], facsimileupplaga... Med en efterskrift av Kurt Boberg. – Umeå, 1980.

11. Гран, А. (Grahn, A.) Bygdeå kyrka, Robertsfors kommun, Västerbottens län // Kulturhistoriska värdebeskrivningar överkyrkomiljöerna i Västerbottens län. Länsstyrelsen Västerbotten. 2010 [Электронный ресурс] / A. Grahn. – Режим доступа: http://www.lansstyrelsen. se/vasterbotten (дата обращения 12.05.2015).

12. Грёнинг, М. (Groening, M.) Rossijskaja grammatika. Thet är Grammatica russica, eller Grundelig handledning til ryska språket / M. Groening. – Stockholm, 1750.

13. Закриссон С. (Zachrisson, S.) Sävar den 19 augusti 1809 / S. Zachrisson // Västerbotten. – 1971. – № 3. – С. 161–169.

14. Кан, А.С. Швеция и Россия – в прошлом и настоящем / А.С. Кан. – Москва, 1999.

15. Кавалеры Св. Георгия 4-го класса [Электронный ресурс] // Георгиевская страница. – Режим доступа: http:// george-orden.narod.ru/ordgrg4st1807.html (дата обращения 09.03.2015).

16. Михайловский-Данилевский, А.И. Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 годах / А.И. Михайловский-Данилевский. – Санкт-Петербург, 1841.

17. Михайловский-Данилевский, А.И. (Michailofski-Danilefski, A.I.) Beskrifning öfverfinskakrigettilll and sochsjös åren 1808 och 1809 / A.I. Michailofski-Danilefski. – Tavastehus, 1850.

18. Ниве, П.А. Русско-шведская война 1808–09 гг. [Электронный ресурс] / П.А. Ниве. – Санкт-Петербург, 1910. – Режим доступа: http://adjudant.ru/rswar 1808-09/ nive00.htm (дата обращения 16.11.2015).

19. Новицкий, В.Ф. Азовский 45-ый пехотный полк [Электронный ресурс] / В.Ф. Новицкий // Военная энциклопедия. – Санкт-Петербург, 1911. – Т. I. – Режим доступа: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/1667-t-1-a-alzhirskie-piraty-spb-1911-obl1910#page/277/mode/inspect/zoom/4 (дата обращения 12.05.2015).

20. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. – Санкт-Петербург, 1797–1836. – Т. X.

21. Похлебкин, В.В. Отношения между Шведским государством и Русским государством в XIII–XIX вв. (1142–1874 гг.) [Электронный ресурс] / В.В. Похлебкин // Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. – Режим доступа: http://www.aroundspb.ru/history/ pohlebkin/pohleb5.php (дата обращения 17.11.2015).

22. Пушкарев, Л.Н. Освоение русского языка иностранцами в конце XVI–XVII вв. / Л.Н. Пушкарев // Вопросы истории. – 2004. – № 6. – С. 121–128.

23. Рабинович, М.Д. Полки петровской армии 1698–1725: краткий справочник / М.Д. Рабинович. – Москва, 1977.

24. Савва, В.И. Несколько случаев изучения иностранных языков русскими людьми во второй половине XVI века / В.И. Савва. – Харьков, 1913.

25. Сванидзе, А.А. Хроника Эрика [Электронный ресурс] / А.А. Сванидзе, А.Ю. Желтухина. – 2 издание, исправленное и дополненное. – Москва, 1999. – Ст. 1540. – Режим доступа: http:// norse.ulver.com/other/erik/erik.html (дата обращнеия 18.11.2015).

26. Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 7 (к–крагуярь). – Москва, 1980.

27. Такала, И.Р. Неизвестная война? Два века российской историографии русско-шведской войны 1808–1809 годов / И.Р. Такала, И.М. Соломещ // Российская история. – 2009. – № 3. – С. 66–72.

28. Унбегаун, Б.О. (Unbegaun, B.O.) Dreirussische Grammatiken. Nachdruck der Ausgaben von 1706, 1731 und 1750 [...] (Hrsg. B. O. Unbegaun) (= Slavische Propyläen 55) / B.O. Unbegaun / B.O. Unbegaun. – München, 1969.

29. Хордстедт, М. (Hårdstedt, M.) Finska kriget 1808–1809 / M. Hårdstedt. – Stockholm, 2006.

30. Хэгглунд, С.-О. (Hägglund, S.-O.) Bygdeå församling: en kyrklig sockenkrönika från äldsta tid / S.-O. Hägglund. – Skellefteå, 2001.

31. Черепнин, Л.В. Русская палеография / Л.В. Черепнин. – Москва, 1956.

32. Шебальдина, Г. Заложники Петра I и Карла XII: Повседневный быт пленных во время Северной войны / Г. Шебальдина. – Москва, 2014.

33. Эрстрём, Э.Г. (Ehrström, E.G.). Rysk språklära för begynnare / E.G. Ehrström, C.G. Ottelin. – St. Petersburg, 1814.

34. Юханнессон, Б.Э. (Johannesson, B.E.) Ofredens år: Historisk skildring av Kriget iVästerbotten 1809 / B.E. Johannesson. – Umeå, 1959.

Рецензенты: Л.Г. Яцкевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ,

Е.Н. Ильина, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ.

T. Rosén

RUSSIAN LANGUAGE ABROAD IN THE NINETEENTH CENTURY: THE GRAVESTONE OF MAJOR GENERAL S. S. GOTOVTSEV AND THE KNOWLEDGE OF RUSSIAN IN SWEDEN

The article contains an analysis of the inscription on the gravestone of Major General S. S. Gotovtsev (1769–1809), preserved in the church of Bygdeå in Sweden. Initially, the author provides some information on the history of Russo-Swedish relations, mainly of the 18th-19th centuries, and describes the role of interpreters in military conflicts. The author also points to the importance of some grammatical works on the Russian language, published in Swedish. The author sketches a portrait of Major General S. S. Gotovtsev, a military leader during the Russo-Swedish war of 1808–1809. In the article, particular attention is paid to the paleographic analysis of the text on the gravestone: stylistic features of the inscription, analysis of spelling, and distortion. The paper ends with some tentative conclusions concerning the level of knowledge of Russian in Sweden in the early nineteenth century outside the central administration. The author uses some illustrations from his personal collection.

Russian-Swedish War of 1808–1809, military history, language picture of the world, source studies, paleography, graphics, orthography.

УДК 81’42

А.Л. Факторович
Кубанский государственный университет

СООТНОШЕНИЕ «ГОЛОСОВ» ПРИ ПОЛИФОНИИ В НЕМЕДИЙНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена полифонии в немедийной политической коммуникации. Систематизируются типы специальных полифонических корреляций. Предпосылки взаимодействия «голосов» характеризуются в связи с прагматическими установками. Имплицитные смыслы отмечаются как релевантная и типичная черта немедийной сферы, а смысловая емкость описывается в соотнесении с политическими приоритетами.

Голос, имплицитный смысл, конструкция, контраст, корреляция, немедийный, политическая коммуникация, полифония, противопоставленный.

Для политической коммуникации характерна взаимосвязь между внешне контрастными тенденциями, в том числе лингвистическими [20]. С одной стороны, для этой сферы типична четкая целенаправленность интенций, достижение программируемых эффектов, определяемых феноменами власти, интереса, социальных сил и приводящих к некоторой одномерности. С другой же стороны, в реальной политической коммуникации, часто даже в сжатых ее фрагментах, сосуществуют, взаимодействуют крайне многогранные прагматические устремления, налицо своеобразная разноголосица. Причем в немедийном пространстве, без опосредования СМИ, такое соединение установок может оказываться особенно заметным, первозданным, ярким, свежим в эмпирическом плане. Отмеченный контраст установок закрепляется разнообразными лингвистическими проявлениями (см.: [23]). Правомерен вопрос о том, как именно организованы контрастные установки, какова категориальная опора их специфической системности. Объясняя контрастное единство целенаправленности и разноплановости, уместно использовать понятие «полифония».

Цель предлагаемой статьи – определить специфику полифонии в немедийной политической коммуникации. Специфика характеризуется в аспекте категоризации объектного пространства, и этот аспект сжато иллюстрируется эмпирическим материалом.

Целесообразны два предварительных уточнения категориального характера. Первое заключается в конкретизации понятия «полифония» для филологической характеристики политической коммуникации. Полагаем, что «многоголосие», впервые терминированное в традициях М.М. Бахтина в применении к художественной литературе, может сохранять лингвистическую определенность на материале анализа иных сфер. Исследовательская практика подтверждает такую возможность. Показательный пример – кандидатская диссертация Е.В. Постевой (2015) на примере медийной коммуникации, в том числе политической, в которой последовательно рассматриваются дискурсивные голоса, их взаимодействие – как закономерное многоголосие, отвечающее сути политического общения (см.: [16, с. 64], п. «2.1. Интродуктивный предикат как способ ввода дискурсивного голоса

журналиста или другого лица» – другим лицом нередко является политик). Причем соотнесенность «полифония – коммуникация» обобщает двойную направленность связи. Это и полифония ***В*** коммуникации, т.е. представленная реализованными языковыми, речевыми единицами, носителями «многоголосых смыслов», и в то же время полифония данного коммуникативного пространства как его атрибут.

Второе уточнение касается различий между полифонией в двух сферах: в немедийной политической коммуникации и в медийной. Их соотнесение не является отдельной задачей статьи; однако, опираясь преимущественно на положения Н.Ф. Пономарева [15], можно отметить, что в немедийной коммуникации полифония в большей степени нацелена представить непосредственно «стыковое» взаимодействие разноплановых «голосов», нежели в медийной. Это вызвано, по-видимому, такой особенностью природы немедийной политической коммуникации, как способность отразить первозданную политическую стихию – возможно, как «упорядоченный хаос», выступающий параметром порядка и не скованный ни медийными стандартами, ни даже медийной динамикой [6, с. 81].

Целесообразно также отметить проблематику немедийной политической коммуникации в свете актуального положения о медийной: применение к ней корреляции «событие – факт – оценка» позволяет показать, «почему при формировании информационного пространства в принципе не исключены в дискурсе масс-медиа “переиначивание” событий, актуализация “не-событий” или замена одних фактов другими» ([11, с. 71]; см. там же на с. 64 о существенности в этом плане трех видов дискурса, включая политический).

Предполагаем расширенную объяснительную силу данного приоритетного обобщения, а именно объяснение того, что и в немедийной политической коммуникации принципиально возможно, например, «переиначивание» событий.

Репрезентативный материал – речь яркого и неоднозначного англоязычного политика, лидера консерваторов, премьер-министра Великобритании М. Тэтчер на конференции Консервативной партии; речь прозвучала в Брайтоне 10 октября 1980 г. (Она представлена в приложении к изданию текстов М. Тэтчер: Стратегии для меняющегося мира / Strategies for a Changing World. L.: HarperCollinsPublishers, 2009, также в русском переводе В. Ионова под ред. Е. Харитоновой – оригинал и перевод на сайте www.booksgid.com, куда текст был помещен и сохраняется с разрешения руководства официального веб-сайта Фонда М. Тэтчер margaretthatcher.org. Дата обращения 12.11.2015. В некоторых редакциях указанная книга именуется иначе, с незначительными отличиями.)

Анализируемая далее речь зафиксирована в партийных документах, но намеренно не представлена в СМИ. Для нее характерны определенная обособленность от медийного пространства и обращенность непосредственно «к своему кругу» (ср.: [8, с. 117]). А именно – к политическим единомышленникам, относительно многочисленным, концептуально солидарным, но отчасти и различным.

Основной аспект характеристики – рассмотрение категоризации объектного пространства. Исходим из того, что возможности науки глубже определяются в диалоге между ее направлениями, областями. В последние годы эту предпосылку категоризации все чаще объясняют с учетом ценностных векторов и гносеологических приоритетов ([21]; см. также о «пересборке эпистем» [9, с. 55]).

Соответственно отметим три основных линии категоризация. Первая – взаимная опора на понятийный аппарат, выявляемая в «категориальном диалоге». Значимость лингвистического представления объекта подтверждается опорой на него в смежных областях. Так, в политологии определяются лингвистические различия между немедийными и медийными репрезентациями, выявляются соответствующие междисциплинарные перспективы [19]; в науке о литературе политическая коммуникация может рассматриваться как специально выделенный раздел литературоведческой проблематики (см. показательный материал: [17, с. 37–39]); в культурологии привлекается лингвистическая характеристика «политических» концептов ([22]; см. также обобщения: [2]); в социологии намечаются лингводискурсологические критерии идентичности [8]; общая коммуникативистика нацелена на системное использование лингвистических данных даже в осмыслении имманентной, изначальной специфики политической коммуникации, причем с упоминанием достоинств ее немедийной репрезентации [24]. Такая востребованность лингвистических понятийных координат соответствует современной методологизации объекта [18].

С данной, первой, линией категоризации соотносим вторую. Это многомерное осмысление все более сложных способов самоорганизации в объектном пространстве политической лингвистики. Такое осмысление возможно на основе представлений о принципах «спонтанной самоорганизации…» [7, с. 82]. Исследователь детерминирует их связь с расширением методологической базы лингвистики, с тем, что «взаимодействие… научных направлений привело к формированию трансдисциплинарного, целого ряда междисциплинарных и комплексного подходов к изучению функциональной стороны языка» [7, с. 82]. Для избранного материала значимы положения о разнообразном проявлении самоорганизации: лингвопрагматическом [12], лингводискурсологическом [4], лингвоконцептологическом [3], [10].

С двумя названными линиями категоризации органически соотносится третья. Это обновление категориальных координат освещения вполне определенных феноменов, в том числе интенций политической коммуникации, культурем, «голосов» политических акторов. Данная линия категоризации представлена, например, в двух разделах коллективной монографии «Отражение этнокультурной специфики народа и индивидуальных особенностей личности в языке и речи» [1]: «Особенности реализации принципов коммуникации в английской лингвокультуре», «Полифония как феномен, интегрирующий общую этнокультурную и индивидуально-личностную специфику».

Единство различных линий категоризации, на наш взгляд, соотносится с динамикой самого понятия

полифонии. В ее понимании отражается многообразие возможных связей между «голосами». Этот подход последовательно развивается в трудах Игора Жагара, прослеживающего эволюцию данного понятия: «Дюкро вводит термин **полифония**, заимствованный у Бахтина, и обобщает его до уровня языковой системы как целого. Что же такое полифония в смысле Дюкро?.. Дюкро полагает, что "говорящий", в том смысле, как его понимает традиционная лингвистика, является на самом деле очень сложным (и запутанным) понятием, которое объединяет в себя несколько совершенно различных идей. Поэтому он предлагает различать между собственно автором (producer) высказывания, ответственным за высказывание, или локутором (locutor), и собственно высказывающимся, или "произносящим" высказывание (utterer)» [5, с. 69–70] (выделено нами. – *А. Ф.*). На материале пространства политической коммуникации такой статус отправителей речи оговаривается в трудах, посвященных «точкам зрения», авторским модусам (см. обзор: [16]).

Шесть групп материала, различаемых по характеру соотнесения голосов, приводятся в своеобразной очередности, отвечающей специфике данной коммуникации. Группы объединяются попарно, общее в каждой из трех пар – «политическая направленность» голоса, различное – степень развернутости. А последовательность рассмотрения пар определяется нарастанием сложности отношений между голосами.

Крайне условно можно соотнести такую группировку с типами общеязыковых оппозиций, например, в рамках пар – с бинарной эквиполентной и привативной.

Обратимся к первой группе. В соответствующем объемном контексте речи британского премьер-министра на партийной конференции тори полифония представлена однонаправленностью. «Голоса», по сути, вторят друг другу, что усиливается их внешним различием. Отправитель речи, политик М. Тэтчер, при этом использует и интимизацию, принципиальную для немедийной сферы.

Таковы ряды «голосов»: «At our party conference last year I said that the task in which the government were engaged – to change the national attitude of mind… There is just Denis and me, and I could not do without him <…> For a start, in his first budget Geoffrey Howe began to rest… In the past 12 months Geoffrey has abolished exchange. <…> As you said, Mr Chairman, our debates have been stimulating and our debates have been constructive».

Объемный и емкий дискурс позволяет соединить два вида голосов: собственно речевое проявление и представленную «голосом» политическую позицию, акцию, интенцию, ср.: I said – As you said, Mr Chairman; began to rest has abolished exchange. Второй вид голоса, т.е. политическая акция, обладает перформативным потенциалом. Оглашенные высказывания, дискурс определяются как сверхречевое решение, которому следует правящая партия в практической деятельности, правовых проектах. Соотносятся, выражаясь условно, сложные феномены: дискурс как поступок и поступок как дискурс, притом что каждая из образующих сущностей обладает собственными феноменологическими возможностями.

Самоценность двух приведенных рядов усиливает их системную связь.

Отметим, что этой системной связи сопутствуют две черты. Первая – разнообразие семантических отношений, включая ассоциативно-деривационные. Этой закономерной корреляцией объяснимо использование в приводимых рядах единиц типа: to change the national attitude – has abolished exchange.

Вторая черта – вышеуказанная интимизация. Таково именование просто по имени, без фамилии, мужа, Денниса Тэтчера (с будущим супругом, кстати, Маргарет Робертс в феврале 1951 г. познакомилась именно на партийной встрече). Представление ассоциации с бесспорно счастливым браком также показательно для немедийной коммуникации и потенциально участвует в полифонии. Еще важнее отождествление имени, которое в принципе носят миллионы, с личностью единственной (и неповторимой). Так неявно и оттого особо эффективно помечается тесная, усиленная ономасиологическая общность «круга своих».

В этой же системе определяется и ряд Geoffrey Howe – Geoffrey. Для медиатированной политической коммуникации такая репрезентация несистемна. Но в первозданной, домедийной политической коммуникации этот ряд с «бесфамильной» номинацией, самоочевидной для «своих», осуществляет особыми средствами ту же сверхфункцию лингвопрагматической результативности, которая в медиа выполняется иными способами.

Не следует, однако, абсолютизировать и внешние различия между медийным и немедийным пространствами, как и в некоторых иных случаях, рассматриваемых далее. Так, традиционным, универсальным способом, регулярным и в медиа, передается высокоактуальная кореферентность в исследуемом материале: Conservatives – Tories. Данная принципиальная, «возвышающая» самоидентификация в то же время вступает в системные отношения с вышеотмеченными особыми немедийными средствами полифонии и потому обладает спецификой.

Подчеркнем также, что доминирование Тэтчер-лидера самоочевидно, ее самобытный голос внешне самодостаточен, но при этом в исследуемом пространстве политическая коммуникация без явного многоголосия немыслима по сути, внутренне. Однако на глубинном слое голоса в проиллюстрированной первой группе материала представлены как унисон.

Во второй группе наблюдается то же соотношение голосов в полифонии, однако в данном случае дискурсивное пространство является сжатым, а не объемным. См.: «Jim Prior has carried all these measures through with the support of the vast majority of trade union members... British Aerospace will soon be open to private investment».

По-видимому, такие явления намечают системную предельность, минимальную сферу, где могут взаимодействовать различные голоса. Сам же факт полифонии определяет вторую группу как своего рода парное соответствие первой. Путем манифестации голоса субъекта, особо компетентного в сложившейся ситуации (Джима Прайора), отправитель речи выявляет актуальное знание для «своей» аудитории и «вклинивает» свое видение ситуации в более

широкий социально-политический контекст (ср.: [16, с. 65]).

Двуединство первой и второй групп материала, с доминантой «унисона», позволяет ожидать и более сложную полифонию. Ожидание оправдывается – об это свидетельствуют далее рассматриваемые группы.

Обратимся к третьей и четвертой группам материала – в этой паре явлений, в отличие от предыдущей, соединение голосов в полифонию организовано несколько сложнее. Третья группа – сочетание различных голосов по принципу амплификации, осложненное экспрессивными средствами. См. фрагмент с «кольцующим» голосом М. Хэзлтайна и итоговым авторитетным гласом Э. Идена, который репрезентирован цитатой: «Michael Heseltine has given to millions – yes, millions – of council tenants the right to buy their own homes. It was Anthony Eden who chose for us the goal of “a property-owning democracy”».

Полифония, значимая для политической коммуникации, реализуется в единстве модусов оценки ситуации. Системно значима для полифонии экспрессивная вставка к голосу Хэзлтайна «yes, millions»: без нее значительно слабее голос отправителя речи, М. Тэтчер. (Причем здесь объективно проявляется континуальная специфика полифонии, поскольку как раз Хэзлтайн со временем стал «политическим могильщиком» Тэтчер, именовавшей его спустя годы предателем.)

Именно полифония как единство позволяет обеспечить цельность в характерном для политической коммуникации умножении модусов. См. весь относительно завершенный контекст: «Michael Heseltine has given to millions – yes, millions – of council tenants the right to buy their own homes. It was Anthony Eden who chose for us the goal of “a property-owning democracy”. But for all the time that I have been in public affairs, that has been beyond the reach of so many, who were denied the right to the most basic ownership of all – the homes in which they live. They wanted to buy. Many could afford to buy. But they happened to live under the jurisdiction of a socialist council, which would not sell and did not believe in the independence that comes with ownership. Now Michael Heseltine has given them the chance to turn a dream into reality».

Четвертая группа материала – такое же парное соответствие третьей, каким вторая была для первой.

При этом внешне четвертая группа представлена относительно однопланово – определяется анафорой, скрепляющей шесть высказываний. См.: «You can add that today many more married women go out to work. You can stress that, because of the high birthrate in the early 1960s, there is an unusually large number of school leavers this year looking for work and that the same will be true for the next two years. You can emphasise that about a quarter of a million people find new jobs each month and therefore go off the employment register. And you can recall that there are nearly 25 million people in jobs compared with only about 18 million in the 1930s. You can point out that the Labour party conveniently overlooks the fact that of the 2 million unemployed for which they blame us, nearly a million and a half were bequeathed by their government».

Отправитель речи представляет голоса однопартийцев: «you» единообразно и в то же время дифференцированно. Первым же предикатом – add – задана прагматическая действенность их «формируемой» речи.

Тэтчер наделяет собеседников наведенными ею семантико-прагматическими смыслами. И классическая анафора определяется, образно говоря, как единоначалие в двух смыслах: лингвистическом и политическом.

Подобные контексты глубоко и просто обнажают сложную связь между обобщенностью и конкретностью. Каждый голос актуален, необходим сам по себе (это актуализировано и системной связью с предыдущими репрезентациями голосов Хэзлтайна, Идена и других. Возможно, оттого и не стал шестикратный повтор монотонным, нудным). Но нужна и обобщенность. А еще – ее единство с конкретностью. Достичь такого сочетания можно только представленной полифонией. При этом многогранность позиций раскрывается специфическим многоголосием единомышленников, которое в вышеотмеченных фрагментах фиксировано особым рядом: discuss – debates («our debates have been stimulating and our debates have been constructive»).

Однако даже для рассматриваемой, относительно камерной коммуникации этих линий полифонии не вполне достаточно.

Ожидается дальнейшее обогащение, и оно проявляется в следующих контекстах, побуждающих выделить еще одну пару групп: пятую и шестую.

В пятой группе материала голоса взаимодействуют таким образом, что полифонией представлено прагматическое упреждение нежелательного развития событий. Такова связь «своих» и в то же время критических голосов в центральной и заключительной позициях следующего фрагмента: «I suppose it is a critic's way of saying, “Well, we know it is true, but we have to carp at something”. To those waiting with bated breath for that favourite media catchphrase, the “U” turn, I have only one thing to say. “You turn if you want to. The lady's not for turning”. I say that not only to you but to our friends overseas and also to those who are not our friends.

<…> Their only question is: “Has Britain the courage and resolve to sustain the discipline for long enough to break through to success?” Yes, Mr Chairman, we have, and we shall».

Пара к пятой группе представляет своеобразный полифонический баланс. Шестая, замыкающая группа материала, которой иллюстрируется рассматриваемая полифония, – наиболее сложное взаимодействие голосов в рассматриваемом материале. Лидер на съезде однопартийцев приводит и голоса идеологических противников, а именно советских политиков. В частности, представлен премьер-министр (председатель Совета министров) СССР А.Н. Косыгин. См.: «Yet it was Mr Kosygin who said, “No peace loving country, no person of integrity, should remain indifferent when an aggressor holds human life and world opinion in insolent contempt”. We agree. The British government are not indifferent to the occupation of Afghanistan. We shall not allow it to be forgotten. Unless and until the Soviet troops are withdrawn, other nations are bound to wonder which of them may be next. Of course there are those who say that by speaking out we are complicating east-west rela-

tions, that we are endangering detente. But the real danger would lie in keeping silent».

Британский лидер воспроизводит голос «лидера-оппонента». В речи Тэтчер использован имплицитный антифразис в единстве с иными прагматико-риторическими эффектами. Ее согласие «We agree» семиотически выступает как голос резкого возражения, что поддерживается контекстом.

Такую особенность относим к сфере «переиначивания». Причем приведенный «перехват голоса» в аспекте прагматического результата неоднозначен. Упоминание о советских войсках в Афганистане объективно ассоциируется с неявной репрезентацией многочисленных британских военных операций запредельно далеко от Англии и уравнивает в этом плане две державы, соответственно – два голоса. В подобном контексте неизбежен оттенок саморазоблачения. (Мощь Британии неявно репрезентируется как баланс мощи СССР, см. далее: «…militarily the Soviet Union is a powerful…».) Вопрос о том, насколько предусмотрен такой сложный прагматический эффект, требует специального анализа.

Итак, для исследуемых материалов показательна полифония, соответствующая двум интенциям. Она, во-первых, направлена на усиление определенной позиции, смысловой установки за счет «созвучных голосов», один из которых отправитель речи стремится соотнести с авторитетными источниками различного характера. С этой интенцией взаимодействует другая – представление контрастных установок, диссонирующих голосов, что, как правило, нацелено сформировать, укрепить доверие к одной из позиций. Ансамбль различных «Я» творится голосом-лидером, голосом-архитектором. Причем в случае расхождения с требованием достоверности полифония может способствовать саморазоблачению автора. В перспективе возможно соотнести эту особенность с феноменом амбивалентной языковой личности.

Соответственно в немедийном пространстве политической коммуникации «переиначивание» проявляется первозданно – особыми способами, специфично, но значимо, как и в медийной сфере. Таким образом, подтверждается предположение о расширенной объяснительной силе корреляции «событие – факт –оценка», которую может репрезентировать полифония. Принципиально значима политическая сущность коммуникации, а явленческие различия медийного и немедийного пространств дополняют эту сущность. Именно отсюда вытекает внутреннее единство феномена полифонии в двух достаточно различных пространствах.

Литература

1. Боева-Омелечко, Н.Б. Отражение этнокультурной специфики народа и индивидуальных особенностей личности в языке и речи / Н.Б. Боева-Омелечко; науч. ред. М.Я. Блох, отв. ред. Н.Б. Боева-Омелечко. – Ростов-на-Дону: ПИ ЮФУ, 2010. – 240 с.

2. Борисенко, В.А. Дискурс политики XXI века как лингвокультурное пространство / В.А. Борисенко. – Ростов-на-Дону: ПИ ЮФУ, 2010.

3. Воркачев, С.Г. Идея патриотизма в русской лингвокультуре / С.Г. Воркачев. – Волгоград: Парадигма, 2008. – 200 с.

4. Горбачева, Е.Н. Аксиологическая основа стратегического перформативного дискурса в русской и английской лингвокультурах / Е.Н. Горбачева // Мир языковых форм: Москва; Санкт-Петербург: РАН; Военный институт железнодорожных войск и военных сообщений Минобороны РФ, 2015. – Серия «Концептуальный и лингвальный миры». – Вып. 8. – С. 193–196.

5. Жагар, И. Аргументация в языковой системе: между частицами и полифонией / И. Жагар // Критика и семиотика. – Пермь; Любляна: ПГУ; Люблянский ун-т, 2000. Вып. 1–2. – С. 68–80. См. также: Бахтин, М.М. Слово в романе / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – Москва: Искусство, 1975. – С. 72–233; Zagar, I.Z. From reported speech to polyphony, from Bakhtin to Ducrot. In Bakhtin and the Humanities, Proceedings of the International Conference, October 19–21, 1995. – Ljubljana: ZIFF, 1997; Ducrot O. Le dire et le dit. – Paris: Minuit, 1984; Ducrot O. Slovenian lectures / Conferences slovenes. – Ljubljana: ISH, 1996.

6. Зекрист, Р.И. Детерминированный хаос – параметр порядка культуры будущего (бивалентность кризиса) / Р.И. Зекрист // Вестник МГУ. Сер. 7, Философия. – 2011. – № 4. – С. 81–88.

7. Котюрова, М.П. Некоторые социально-научные задачи функциональной стилистики / М.П. Котюрова // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь: ПГНИУ, 2012. С. 81–84.

8. Кресова, Н.А. Негативный «другой» в блогах русских эмигрантов: к вопросу о формировании идентичности в дискурсе / Н.А. Кресова // Социс. – 2015. – № 6. – С. 116–125.

9. Лебедев, С.А. Пересборка эпистемологического / С.А. Лебедев // Вопросы философии. – 2015. – № 6. – С. 53–64.

10. Ма Чуньюй. Концепт «правда» (по данным национального корпуса русского языка) / Ма Чуньюй, Чжан Цзяцзюнь // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7. – № 2. – С. 51–55.

11. Манаенко, Г.Н. Событие – факт – оценка // Язык. Текст. Дискурс / Г.Н. Манаенко. – Ставрополь: СКФУ, 2014. – Ч. 1. – С. 64–73.

12. Морозов, Д.В. Негативный прогноз как форма скрытого призыва / Д.В. Морозов // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 1. – С. 50–53.

13. Москвин, В.П. Риторика и теория коммуникации: Виды, стили и тактики речевого общения / В.П. Москвин. – Москва: URSS, 2015.

14. Непшекуева, Т.С. Проблемы монокультурной / кросс-культурной коммуникации / Т.С. Непшекуева // Язык. Личность. Культура. – Краснодар: КубГУ, 2015. – С. 455–459.

15. Пономарев, Н.Ф. Основы медиарилейшнз / Н.Ф. Пономарев. – Пермь: ПГНИУ, 2013. – 250 с.

16. Постевая, Е.В. Интродуктивные предикаты как прагматический способ ввода достоверной информации в репортажном высказывании (на материале русского и английского языков): дис. … канд. филол. наук / Постевая Е.В. – Ростов-на-Дону, 2015. – 177 с.

17. Прохорова, Т.И. Есть ли пророки в своем отечестве / Т.И. Прохорова // Вопросы литературы. – 2015. – № 2. – С. 32–51 (раздел «Политический дискурс»).

18. Розин, В.М. Расколдовывание и деконструкция понятии «объект» (методологическй анализ) / В.М. Розин // Вопросы философии. – 2015. – № 6. – С. 41–52.

19. Фесенко, Ю. «Свобода слова» и геополитика вражды: к постановке проблемы / Ю. Фесенко // Медиакоммуникации в XXI веке: императивы, вызовы, перспективы. – Донецк: ДНУ, 2015. – С. 25–28.

20. Фомин, И.В. Семиотика или меметика? К вопросу о способах интеграции социально-гуманитарного знания / И.В. Фомин // Полис. – 2015. – № 3. – С. 72–84.

21. Чернявская, В.Е. Ценностное измерение науки / В.Е. Чернявская // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь: ПГНИУ, 2014. – С. 128–135.

22. Чеснокова, Л.В. Репрезентация концепта zuverlassigkeit (надежность, ответственность) в немецкой лингвокультуре / Л.В. Чеснокова // История, философия, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. – Москва; Тамбов: РАН; Грамота, 2015. – № 6 (56). – Ч. 2. – С. 201–207.

23. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: УрГУ, 2001. – 238 с.

24. Шарков, Ф.И. Основы теории коммуникаций / Ф.И. Шарков. – Москва: РГГУ, 2013. – 256 с.

25. Luhmann, N. Die Realitat der Massenmedien / N. Luhmann. – Tubimgen, 1996. – S. 9.

Словари

26. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – Санкт-Петербург: РАН, 2010. – 1536 с.

27. Ефремова, Т.Ф. Толковый словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова. – Москва: Флинта, 2009. – 876 с.

28. Англо-русский словарь. Русско-английский словарь / под ред. О.С. Ахмановой и Е.А.М. Уилсон. – Москва: Книга, 2003. – 1416 с.

29. Collins Cobuild Student's Dictionary. – L.: Harper Collins Publishers, 2010. – 832+222 p.

30. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / by A.S. Hornby. – Oxford: University Press, 1994. – 1040 p.

Рецензенты: Л.Г. Яцкевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ,

С.А. Громыко, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ.

A.L. Faktorovich

"VOICES" INTERACTION IN THE POLYPHONY OF NON-MEDIA POLITICAL COMMUNICATION

The article presents a study of polyphony in non-media political communication. The types of special polyphonic correlations are systematized. The presuppositions of "voices" interaction are characterized in connection with pragmatic directions. Implicit senses are mentioned as relevant and typical feature of non-media sphere, and the semantic capacity is described according to political priorities.

Voice, implicit sense, construction, contrast, correlation, non-media, political communication, polyphony, opposite.

УДК 811.161.1

В.И. Чуглов
Вологодский государственный университет

ОБРАЗОВАНИЯ С ОДНОРОДНЫМИ ЧЛЕНАМИ В СОСТАВЕ ДРУГИХ ОБРАЗОВАНИЙ, ОСЛОЖНЯЮЩИХ ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В работе предпринята попытка рассмотреть известные осложняющие в структурном плане образования (конструкции) на предмет осложнения их самих образованиями (конструкциями) с однородными членами.

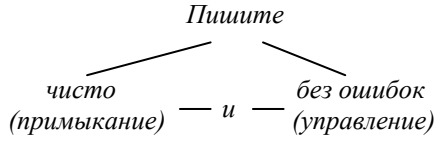
Однородные члены, пояснительно-отождествительные конструкции, синтаксические конструкции, сопряженная неполная предикативность, структурно-семантическое осложнение.

Выражение «синтаксическая конструкция» имеет в русистике разные употребления. Нередко оно понимается в очень широком смысле как любое сочетание слов, иногда с теми или иными ограничениями: «Синтаксический блок из нескольких языковых единиц и рассмотренный в плане его формальной организации. Термин употребляется для обозначения самых разных явлений – от словосочетания до предложения (ср. термины: предложно-падежные конструкции, деепричастные конструкции, пассивные конструкции, бессоюзные конструкции и т.д.)» [3, с. 127], в узком смысле он предстает как та или иная синтаксическая структура с ее грамматическим значением и функцией или функциями. Например, синтаксическая конструкция – «это относительно самостоятельное неделимое на части без потери общего значения и оформленное по некоторой структурной схеме синтаксическое единство <…> привести пример той или иной конст-

рукции нельзя – можно привести пример ее речевой реализации…» [7, с. 17–18].

Это определение в целом приемлемо для нас, однако термин «конструкция» с целью удобства используется в статье применительно и к речевой реализации. Кроме того, мы находим, что к конструкциям автор отнес в своей работе лишь их части: в нашем случае – однородные и другие однофункциональные (параллельные) члены, которые образуют построения типа ряд.

Такие ряды, несмотря на их определенное единство и значимость, существуют в речи не сами по себе, а лишь по отношению к общему слову, с которым по отдельности грамматически связан и каждый член ряда: *Пишите чисто и без ошибок.*



Подробнее об этих конструкциях будет сказано ниже, однако при таком подходе возникает необходимость уточнить их название. Речь должна идти не об однородных членах, а о конструкциях с однородными членами в составе других конструкций, осложняющих простое предложение, как их компонентах. Выделение и описание этих других конструкций и составляет цель, задачи и содержание данной статьи. Пример: *Нужны разные документы, прежде всего паспорт и карта.* Но вернемся к образованиям с однородными членами.

Отношение к общему слову – один из главных признаков однородных членов, который отмечается исследователями. А.М. Пешковский подчеркивал, что сочинительный союз выполняет в предложении двойную функцию (не две): связывает однородные члены с одним и тем же третьим и между собой [6, с. 443]. Но в таком случае возникает трехчленная (многочленная) конструкция. Именно как таковую рассматривают образования с однородными членами и некоторые исследователи, см. например [9].

Подход Пешковского является продуктивным, так как открывает новые возможности для углубления интерпретации образований с однородными членами. Так, обнаруживается значимость того, какую часть предложения представляет собой общее слово и каким членом предложения является. Если такое слово – подлежащее или сказуемое, или это сочетание подлежащего и сказуемого (с относящимися к ним словами), то однородные члены, сочетаясь с ними, выражают соответствующие пропозиции, пересекающиеся с общим словом или целой частью, при этом каждый такой фрагмент имеет свою предикативность. Именно эти фрагменты, получающие определенное грамматическое выражение, а не обозначение предметов, признаков, либо группы сказуемого, и связываются соединительными союзами или бессоюзно. Ср., например, бессмысленность отдельно взятых сочетаний типа **книгу, а журнал, *то ли о книге, то ли о журнале, *холодную, зато большую, *то книгу, то журнал.*

Далее, не так уж сложно установить то, что первый фрагмент формально и семантически представляет собой основную часть предложения – с самостоятельно выраженной, т.е. полной, предикативностью, семантически относительно полноценную (ограниченную со стороны второго фрагмента). Второй фрагмент вступает с первым в определенные отношения, ограничивая так или иначе семантику первого и тем самым определенным образом характеризует его, определяя его место в выражаемом отношении. Ср. семантику отдельно взятого предложения: *Комната большая* с семантикой той же части в предложении с однородными членами: *Комната большая, но холодная* – очевидно ограничение признака *большая* с точки зрения его качества: второй признак таким образом характеризуется как ограничиваемый. Ср. еще: *Комната холодная, зато большая* (компенсированный признак); *Не честь, а ум поставлю я в угоду (Крылов)* (отрицание объекта *честь*). Ср еще: *Куплю газету* и *Куплю газету или журнал:* оба объекта отрицают друг друга, какой из них состоится по отношению к общему слову – неизвестно [13]. Ср. также утверждение А.Ф. Прияткиной, что, например, в предложении *На траве у часовни лежала соломенная шляпа и зонтик* (Гончаров) «первый член обязателен для высказывания (он входит в основную часть) и только второй является осложняющим компонентом» [7, с. 139–140]. На значимость порядка следования однородных членов, не отрицая при этом их синтаксического равноправия, так или иначе указывали и другие исследователи (ср. [10]).

В то же время второй фрагмент, в отличие от первого и от соответствующей предикативной части в сложносочиненном и сложном бессоюзном предложении, оказывается неполнопредикативным и уже по этой причине несамодостаточным. У него нет либо своего собственного подлежащего, либо своего сказуемого, либо своей предикативной основы, во всяком случае они не эксплицированы. Неполнота второго фрагмента, точнее, и это принципиально, **языковая** неполнота, может быть объяснена с позиций двух, точнее обоих, подходов, обобщающих разные интерпретации сущности образований с однородными членами, – снизу и сверху. При первом подходе однородные члены понимаются как возникающие в результате расширения позиции того или иного члена предложения, крайняя точка зрения представлена в [5]. Так, по мнению А.Ф. Прияткиной, в определенных случаях «строго различаются первый и второй (однородные) члены: второй член относится к общему члену – через первый» [7, с. 55].

Подход сверху, получивший признание многих исследователей, исходит из представления о слиянии сложносочиненных или соответствующих бессоюзных либо отдельно взятых предложений: *Петя читает, и Маша читает – (Петя и Маша читает) – Петя и Маша читают* [2], или сочинительном сокращении сложносочиненных или соответствующих бессоюзно связанных предложений: *Волк – хищный зверь, и лев – хищный зверь – Волк и лев – хищные звери; Солнце светит, и солнце греет – Солнце светит и греет.* «Сливаются в одно два или несколько предложений, имеющих общий для всех какой-нибудь член предложения, при различии прочих» [1, с. 286]; «Одно слитное предложение *Иван и Петр писали* соотносительно

с двумя неслитными *Иван писал* и *Петр писал; Он читал и писал – Он читал* и *Он писал:* однородная позиция по своей природе есть позиция предложения» [4, с. 137, 136]; *Петя читает, и Маша читает – (Петя и Маша читает) – Петя и Маша читают:* «В целом же можно сказать, что предложения с однородными членами представляют собой “свертки” ССП, один из компонентов которых (обычно второй) подвергается преобразованиям. Сочинительный союз в рамках ПрП [простого предложения] свидетельствует о наличии в нем **второй** грамматической **предикативности**» (выделено нами. – *В.Ч.*) [2, с. 299–304]. Эта неполная, вследствие отмеченной неполноты второго фрагмента, предикативность определяется нами как сопряженная и имеет две разновидности: собственно сопряженную – в предложениях с однородными сказуемыми, с их эксплицитно выраженными модально-временными значениями: *Артисты приехали и будут выступать* и несобственно сопряженную, иначе слитную или одинаковую, тождественную, в предложениях с несказуемостными однородными членами: *Пришли дети и родители; Певец исполнял песни и романсы*.

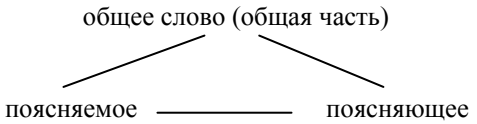
Однако так называемое слияние (в синхронном понимании, или соотносительность, трансформация, синтаксическая деривация) сложных предложений в простое с однородными членами ограничено определенными условиями: 1) наличием одного и того же слова (подлежащего, сказуемого) или целой одинаковой части в обеих предикативных частях сложного предложения, на что обращают внимание сторонники слияния, либо семантически близких слов (частей предложения), соединяемых предикативных частей, образующих семантическую константу (термин М.И. Черемисиной) применительно к сравнительным сложноподчиненным предложениям [11, с. 85–86], [8]; 2) наличием в соединяемых предикативных частях одинаковых по своей синтаксической функции (параллельных) членов предложения, однофункциональность которых обусловлена отмеченной выше семантической близостью. Ср.: *Приехал Петр, и примчался Николай* и *Прибыли Петр и Николай*. Понятие семантической константы определенным образом аргументирует наличие своего подлежащего либо сказуемого, предикативного ядра, правда, уже имплицитного фрагмента со вторым однородным членом в простом предложении.

Таким образом, однородные члены, организованные в сочинительный ряд, образуют в единстве с общим словом (общей частью) вполне определенную синтаксическую конструкцию, осложняющую простое предложение неполной сопряженной предикативностью и определенными отношениями с семантической точки зрения.

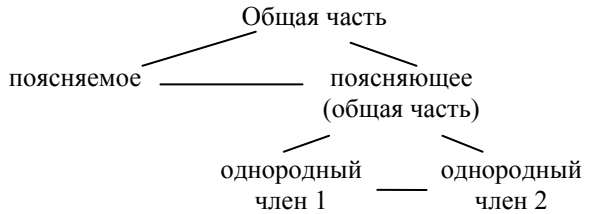
Обратимся теперь к конструкциям, включающим в себя образования с однородными членами, осложняющим предложение не прямо, а входя в эти осложненные конструкции. Наиболее значимыми в этом отношении и представляющими определенный научный интерес являются образования с так называемыми обобщающими словами, выделяемые авторами, как правило, в работах или разделах об однородных членах, а не по типу самих конструкций. При этом интерпретация этих слов либо обходит вопрос об их синтаксическом статусе, либо при обращении к нему оказывается неадекватной: *Никто не даст нам избавленья: Ни бог, ни царь и ни герой.*

Такие образования относятся не к конструкциям с однородными членами, а к пояснительным конструкциям, точнее к пояснительно-отождествительным. Именно так поступает А.Ф. Прияткина, рассматривая ряды однородных членов, однако, только в составе пояснительных конструкций (тоже рядов) со значением пояснения путем конкретизации: *В парке собраны* ***разные деревянные постройки: мельница, овин, баня, разных фасонов избы, мосты и т.п.*** (Солоухин). Автор видит здесь отношение общего к отдельному, или частному, при которых «конкретизация создается путем перечня, так что образуется особая структура – сложный ряд» в отличие от первого, основного вида конкретизации – без однородных членов, образований с отношениями «от отвлеченного к конкретному»: *Начнем с самой громкой ее [Гончаровой] работы – театральной* [7, с. 71].

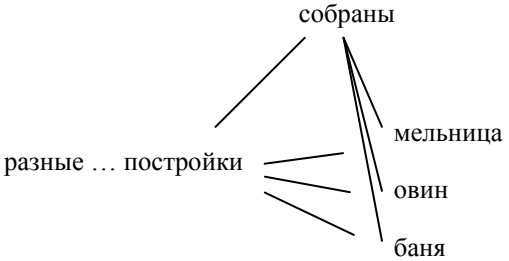
На наш взгляд: 1) оба вида отношений объединяются более общим значением – от неопределенного к определенному; 2) новая структура, сложный ряд, включающий в себя обобщающее слово и ряд однородных членов, не образует новой конструкции, а только осложняется путем модификации поясняющего члена; 3) сама поясняющая конструкция представляет собой не ряд «поясняемое–поясняющее», а трехчленное образование:



4) термин «обобщающее слово» в препозиции к ряду однородных членов не соответствует своему содержанию: поясняемое не обобщает, а конкретизируется, «раскрывается» путем обозначения сообщаемых по отдельности его элементов. С учетом вышесказанного о конструкциях с однородными членами структурную схему пояснительной конструкции со значением конкретизации представим следующим образом:



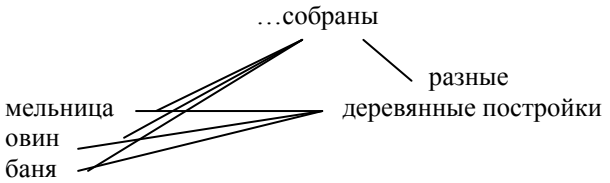
Ср.:



Значение термина «обобщающие слова» соответствует функции таких слов в постпозиции по отношению к сочинительной модификации поясняемого, но

уже при отношении собственно отождествления (или пояснения путем собственно отождествления), то есть уже в другом виде пояснительно-отождествляющих конструкций. *Мельница, овин, баня… –* ***разные деревянные постройки*** *были собраны в парке.* В подобных случаях могут быть эксплицированы союзы *то есть,* отождествительный *или* и др., а не союзы *а именно, именно,* эксплицируемые при конкретизации.

Схематически это можно представить так:

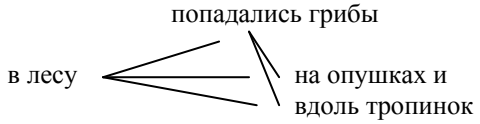


Заметим, что и при препозиции ряда однородных членов по отношению к обобщающему слову (сохраним традиционный термин и как родовое понятие), но при определенных условиях в подобных случаях уже будут иметь место не отношения конкретизации, а соответственно отношения собственно отождествления. Ср. *Петр и Николай – оба уехали; <…> весь свой век остается полуученым, полусветским человеком т. е. дилетантом, т.е., говоря без обиняков, ничем* (Тургенев). Надо сказать, что образования со значением собственно отождествления обнаруживают черты немаркированного вида по сравнению с другими видами пояснительно-отождествительной конструкции.

Рядом однородных членов может быть представлен и поясняющий компонент значением собственно отождествления. *Из-за кулисы вышла на сцену средних лет дама, одетая по моде, то есть в пальто и в крошечной шляпке* (Булгаков).

В образованиях еще одной разновидности пояснительно-отождествительных конструкций – со значением уточнения поясняемого или поясняющего – и то и другое может быть осложнено образованиями с однородными членами: *В лесу, на опушке и вдоль тропинок, попадались грибы; В июне и в июле, по субботам и воскресеньям, устраивались и успешно проходили праздники.*

Выражаемые при отождествлении путем уточнения отношения целого и части между называющими предмет именованиями образования не свободны в той или иной мере от значения (функции) конкретизации, заметно более слабого, чем у образований со значением собственно конкретизации. Покажем схему первого примера.



Близки к значению конкретизации и значения конструкций с выделительными отношениями, по-другому – с отношениями включения, со скрепами типа *в том числе, в частности, особенно,* модифицирующими степень выделения [12]. Например: *Впоследствии эта точка зрения* <u>*была принята многими авторами, например, Е.В. Кротовичем, В.П. Малащенко и др.*</u> (Ломтев).

Все рассмотренные выше образования, осложненные конструкциями с однородными членами, относятся к группе конструкций с параллельными (однофункциональными) членами предложения. Другую группу образований, осложненных конструкциями с однородными членами, образуют полупредикативные конструкции: *Наступил* <u>*вечер, теплый и тихий; Обломов, дворянин родом, коллежский секретарь чином,*</u> *безвыездно живет двенадцатый год в Петербурге* (Гончаров). Составим схему первого предложения: *Наступил* <u>*вечер, теплый и тихий*</u> – подчеркнута полупредикативная конструкция (ее конкретная реализация); стрелками от общего слова к однородным членам обозначена и сама конструкция (ее конкретная реализация) с однородными членами.

В подобных конструкциях взаимодействуют на разных ступенях два вида структурно-семантических осложнений – полупредикативность (атрибутивная) и сопряженная неполная предикативность. Специального исследования требуют образования с однородными компонентами, традиционно не считающимися членами предложения, в составе таких осложняемых ими построений, как конструкции с однородными обращениями (*Петр и Николай, подойдите*), с однородными вводными компонентами (*Они, к нашей радости и счастью, благополучно вернулись домой*) и, по-видимому, некоторых других, например: *Помощь придет, но не сегодня и не завтра; Кроме знаний, нужны умения и навыки.*

В заключение заметим, что подход к образованиям с однородными членами как к трехчленной (бинарной) конструкции с ее неполной сопряженной предикативностью позволяет существенно углубить представления о предикативности осложняющих конструкций, включающих в свою структуру образования с однородными членами. Было выяснено, что образованиями с однородными членами могут быть все структурно-семантически осложняющие простое предложение конструкции. Для ряда таких конструкций отмеченное осложнение существенно значимо для их структурной модификации.

Литература

1. Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И. Буслаев. – Москва, 1959. – 623 с.

2. Левицкий, Ю.А. Основы теории синтаксиса / Ю.А. Левицкий. – Москва, 2005. – 208 с.

3. Ломов, А.М. Русский синтаксис в алфавитном порядке / А.М. Ломов. – Воронеж, 2004. – 406 с.

4. Ломтев, Т.П. Основы синтаксиса современного русского языка / Т.П. Ломтев. – Москва, 1958. – 324 с.

5. Перетрухин, В.Н. Проблемы синтаксиса однородных членов предложения в современном русском языке / В.Н. Перетрухин. – Воронеж, 1979. – 104 с.

6. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – Москва, 1956. – 511 с.

7. Прияткина, А.Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения / А.Ф. Прияткина. – Москва, 1990. – 176 с.

8. Русская грамматика: в 2 ч. – Москва, 1980. – Ч. 2.

9. Санников, В.З. Русские сочинительные конструкции / В.З. Санников. – Москва, 1989. – 207 с.

10. Сигал, К.Я. Проблемы теории синтаксиса / К.Я. Сигал. – Москва, 2012. – 164 с.

11. Черемисина, М.И. Сравнительные конструкции русского языка / М.И. Черемисина. – Новосибирск, 1971. – 270 с.

12. Чуглов, В.И. Образования с выделяющими членами предложения / В.И. Чуглов // Русский язык в школе. – 2000. – № 2. – С. 86–92.

13. Чуглов, В.И. О равноправии и неравноправии однородных членов / В.И. Чуглов // Русский язык в школе. – 2002. – № 2. – С. 75–78.

14. Чуглов, В.И. Осложненные предложения в современном русском языке / В.И. Чуглов. – Вологда, 2011. – 238 с.

Рецензент – Е.Н. Ильина, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ.

V.I. Chuglov

SENTENCE CONSTRUCTIONS WITH HOMOGENEOUS PARTS OF THE SENTENCE IN THE CONTEXT OF OTHER CONSTRUCTIONS COMPLICATING A SIMPLE SENTENCE IN STRUCTURAL AND SEMANTIC ASPECTS

The article reviews the study of well-known formations which are complicated in their structure by syntactic constructions and reveal the additional complication of the latter constructions by homogeneous parts of the sentence. The author describes the type of predicativity of expanding syntactic constructions with homogeneous parts of the sentence in their structure as a three-member (binary) system, or conjugative incomplete predicativity.

Homogeneous parts of the sentence, explanatory and identification constructions, syntactic constructions, conjugative incomplete predicativity, structural and semantic complication of a sentence.

УДК 811.161.1

Л.Г. Яцкевич
Вологодский государственный университет

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ КАК ИСТОЧНИК СИТУАТИВНОЙ МЕТОНИМИИ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КОГЕРЕНТНОСТИ ДИАЛЕКТНЫХ ЛЕКСЕМ

Рассматриваются типологические особенности семантической структуры диалектных слов на материале Словаря вологодских говоров. Определяются исторические и функциональные причины их семантического синкретизма, который обусловливает широкое распространение в говорах ситуативной метонимии и словообразовательной когерентности. Прослеживается роль тематизма (термин М.М. Бахтина) в содержании семантически синкретичных лексем при их метонимическом употреблении. Отмечается роль внутренней формы производных слов при развитии словообразовательной когерентности в лексической системе говоров.

Семантический синкретизм, диалектные слова, ситуативная метонимия, тематизм, когерентные производные лексемы.

Семантическая структура диалектных слов имеет ряд типологических черт, обусловленных исторически и функционально. Основная их особенность – это семантический синкретизм. Вслед за А.А. Веселовским [2] историки славянской культуры и языка определяют синкретизм как «выражение свойственного архаическому сознанию целостного взгляда на мир, еще не осложненного отвлеченным, дифференцирующим и рефлексивным мышлением. В таком сознании сами идеи тождества и различия еще не оформились в своей раздельности, а потому не накладываются на воспринимаемые явления» [1, с. 20]. Нерасчлененность и неопределенность значений древних корней отмечают этимологи [22]. Неразрывную связь языкового синкретизма и особенностей архаичного мировосприятия подчеркивают О.А. Черепанова, М.В. Пименова [20; 23].

Вместе с тем, О.Н. Трубачев обращал особое внимание на то, что «явление семантического синкретизма должно изучаться не как нечто раз и навсегда преодоленное языком и предполагаемое по большей части для праязыковых эпох, да и то на уровне гипотезы, а как характерная особенность словаря» [22, с. 54]. Явление семантического синкретизма сохранилось до наших дней в устной диалектной речи [17; 2, с. 19].

В исследованиях М.В. Пименовой ставится актуальный вопрос о том, как соотносятся между собой семантический синкретизм и лексическая полисемия. Автор считает, что их следует разграничивать и не смешивать [20]. В данной статье к решению этого вопроса мы подходим несколько иначе, а именно учитываем тот факт, что семантический синкретизм и

полисемия слова находятся на различных эволюционных и семиотических уровнях. Различие их эволюционных уровней заключается в том, что семантический синкретизм, как известно, явление более древнее, а полисемия – более позднее. Находясь на генетическом уровне семиотической структуры слова, он становится источником таких семантических явлений, которые нельзя отнести к полисемии слова. Отсюда возникают часто трудности при лексикографическом описании содержания диалектных слов.

В данной статье на материале Словаря вологодских говоров [СВГ] рассматриваются два вида проявления семантического синкретизма диалектных слов, а именно **ситуативная метонимия** и **словообразовательная когерентность**.

1. СИТУАТИВНАЯ МЕТОНИМИЯ

Источником метонимической неоднозначности диалектного слова в различных ситуациях употребления является такая его семиотическая особенность, как семантический синкретизм. М.М. Бахтин, рассматривая его, предлагает различать в содержании слова «тему» и «значение». Тема определяется содержанием высказывания и речевой ситуацией, а значение – это воспроизводимые в различных высказываниях элементы содержания слова [13, с. 111]. Автор считал, что специфика слова с синкретичной семантикой заключается в том, что оно «в сущности, почти не имеет значения, оно все – тема», то есть его содержание нельзя отделить от конкретной ситуации общения. «Здесь тема, таким образом, поглощает, растворяет в себе значение, не давая ему стабилизироваться и хоть сколько-нибудь отвердеть» [13, с. 112]. Автор отмечает далее, что на более поздних этапах развития происходит стабилизация значений слова. Процессы, описанные М.М. Бахтиным, можно наблюдать в диалектной речи, причем степень стабилизации значений таких слов нередко трудно определить, что приводит к противоречивым их характеристикам в словарях. Обычно у таких слов с синкретичной семантикой развиваются метонимические значения. Данный тип значений появился гораздо раньше метафорических, которые предполагают осознание идеи тождества и сравнения и поэтому связаны с более поздней эпохой образного мышления [1, с. 167].

Явление метонимической многозначности диалектных слов привлекало внимание ряда исследователей, однако трактовки этого явления значительно расходятся между собой, что нашло отражение и в терминологических различиях. Так, лингвисты Казанской школы определяют его как лексико-семантический способ словообразования, результатом которого являются омонимы [12; 14; 15; 6]. Метонимическая многозначность характеризуется так же, как семантическая подвижность [16] или модуляция слова [11]. В данной статье при описании диалектного материала дифференцированно используются оба подхода. Если есть объективные показатели первичности и вторичности значений слова, при характеристике метонимии применяется деривационный подход, а если такие показатели отсутствуют, то используется второй подход, при котором метонимия рассматривается как проявление семантической модуляции лексемы.

Сохранение семантического синкретизма слова в устной речи обусловлено не только социальными и культурными факторами, но и собственно лингвистическими причинами. Во-первых, оно непосредственно связано с речевой ситуацией; во-вторых, это слово не подвергается кодификации и связано только с узусом его употребления. Все это способствует развитию метонимической многозначности диалектного слова.

Исследователи отмечают наличие регулярных метонимических моделей, которые имеют свою специфику у слов разных частей речи [18; 6]. Это можно объяснить тем, что категориальная семантика разных частей речи характеризуется различными способами включения в содержание ситуации, обозначенной в высказывании. Следует отметить, что до сих пор семантический потенциал метонимии не описан в полном объеме, хотя этой теме посвящено достаточно много работ [3; 7; 18; 19 и др.]. В частности, представляется важным выявление специфики метонимических моделей в различных сферах функционирования языка. В силу этого их описание в диалектной лексической системе является актуальным.

В данной статье определяются основные типы метонимической многозначности диалектных слов в вологодских говорах. Подчеркнем, что при описании семантических моделей в ряде случаев мы отказались от деривационного подхода, так как в современной лексической системе говора далеко не всегда направление развития значений диалектного слова явно выражено, и поэтому его не всегда можно установить. Если учитывать семантический синкретизм устного слова, то в ряде случаев деривационных отношений между значениями вообще не существовало, они являются между собой когерентными, имея общий источник – содержание обозначенной ситуации. Например, в вологодских говорах глагол ***доúть*** имеет четыре конверсивных значения, обусловленных метонимическими отношениями: общерусское ‘перех. выцеживать молоко из вымени коровы’ *Доúть корóву порá*; диалектные значения: ‘неперех. давать молоко (о корове, козе и т.п.)’ *Корóва-то по двá дóйника доúт* (Баб. Пожар.); ‘перех. сосать, выцеживая молоко’ *Рáньше-то онá у меня́ грудь доúла, а потóм я на рабóту пошлá* (Тот. У-Печ.) [СВГ, 2, с. 35]; ‘перех. вскармливать своим молоком’ *Мýська, пей молокó, ведь ты́ доúшь своегó котéнчика. Хорошó ешшó одúн он, а не трú* (Сямж. Монаст.) [КСРГ]. Как свидетельствуют данные «Этимологического словаря славянских языков», этот древний глагол изначально был семантически синкретичным, и все значения, сохранившиеся в вологодских говорах, были ситуативно обусловленными конверсивами [ЭССЯ, 5, с. 53–54]. В отличие от говоров в современном русском литературном языке это слово кодифицировано только в одном значении – ‘перех. выцеживать молоко из вымени коровы’.

При описании типов метонимически многозначных слов следует учитывать, что метонимический потенциал слова и его характер зависит от ряда факторов: от частеречной принадлежности слова, его словообразовательной производности или непроизводности, а также от его номинативного класса. Далее рассмотрим типы метонимического переноса, наибо-

лее характерные для слов различных частей речи в вологодских говорах.

1.1. Типы метонимической многозначности имен существительных

Типология метонимии имен существительных описывается последовательно внутри номинативных классов данной части речи, поскольку виды метонимической модуляции зависят не только от категориального, но и от субкатегориального значения слов.

1.1.1. Существительные с пространственной семантикой наиболее подвержены метонимическим модуляциям. Обычно они протекают в границах пространственных значений и сопровождаются конкретизацией, сужением или расширением лексических значений. Так, широкий метонимический потенциал в говорах имеет слово ***ляга***: ‘лужа’, ‘рытвина, выбоина на дороге, наполненная водой’, ‘низкое сырое место; широкая впадина с отлогими краями, обычно заполненная водой’, ‘небольшое болото’, ‘топкое место на болоте, трясина’, ‘пруд’ [СВГ, 4, с. 61]. Метонимически видоизменяются и значения древнего слова ***волок***: ‘лесная гужевая дорога’, ‘дорога вообще’, ‘расстояние между двумя населенными пунктами, отрезок пути’ [СВГ, 1, с. 83–84].

Метонимическое варьирование значений существительного – названия определенного топоса может быть вызвано обозначением разных хронотопов, соотносительных с этим топосом. Так, в Никольском районе слово ***дерба,*** а в Бабушкинском районе слово ***дерюга*** употребляются в следующих значениях: ‘пашня на расчищенном среди леса месте’, ‘сенокосное угодье на месте вырубленного леса’, ‘заброшенное лесное сенокосное или пахотное угодье’ [СВГ, 2, с. 18]. Слово ***паль*** в вологодских говорах имеет похожий тип многозначности [СВГ, 7, с. 4]. Т.Е. Никулина обратила внимание на данный тип диалектных слов в своей статье «Подвижность семантики лексемы ***гарь*** в русских народных говорах (по материалам Картотеки ЛАРНГ)» [16].

У пространственной лексики отмечен и такой метонимический переход: ‘пространство’ – ‘событие, связанное с ним’: ***сивер*** ‘север’, ‘холодный северный ветер’, ‘холодная погода с северным ветром’ [СВГ, 10, с. 4].

1.1.2. Существительные – соматизмы обладают метонимически подвижной семантикой и могут обозначать смежные, близкие по расположению части тела: ***лоды́га*** ‘щиколотка’, ‘кость (любая)’; ***лытка*** ‘нога’, ‘голень ноги’ [СВГ, 4, с. 43, 58]. В Кичменгско-Городецком, Сямженском и Харовском районах слово ***ха́ря*** имеет диалектное значение ‘шея и верхняя часть груди’, а в Вологодском районе употребляется в значении ‘лицо’, известном просторечию, но без грубой окраски. Есть и соответствующий этому значению фразеологизм ***Харя берестяная*** ‘о бессовестном человеке’ *Ха́ря твоя́ берестяна́я! Ничего́ ты не стыди́шься!* (Влгд.) [СВГ, 11, с. 180]. Слово ***рыло*** в вологодских говорах также не имеет грубой окраски, подвергается различным метонимическим преобразованиям и обозначает: ‘*лицо*’, ‘*нижняя часть лица*’, ‘*подбородок*’, ‘*губы*’ [СВГ, 9, с. 76].

1.1.3. Существительные, обозначающие постройки, в говорах обычно подвергаются метонимической модуляции [4]. В вологодских говорах этот тип многозначности также часто наблюдаем, например: ***поветь***: ‘верхнее помещение над двором, используемое для сена, соломы, хозяйственного инвентаря’, ‘сарай, пристроенный к дому, где хранят сено и хозяйственные предметы’, ‘сени в избе’, ‘полати’ [СВГ, 7, с. 79]; ***стайка***: ‘хлев’, ‘крытое строение для содержания домашнего скота в теплое время’, ‘отгороженное место в хлеву для коровы, овцы или других домашних животных, стойло’, ‘помещение для цыплят, клетка’, ‘помещение перед входом в хлев’, ‘отгороженное место для скота, загон’ [СВГ, 11, с. 116–117]. Семантический синкретизм особенно характерен для слова ***изба***, которое употребляется в семи метонимических значениях: ‘большая, светлая, лучшая комната в крестьянском доме’, ‘отапливаемая часть крестьянского дома, где находятся жилые комнаты’, ‘часть крестьянского дома, где живут летом’, ‘кухня’, ‘первая от входа комната в крестьянском доме’, ‘отдельное помещение для жилья в крестьянском доме, комната’, ‘пристройка к крестьянскому дому’ [СВГ, 3, с. 5].

1.1.4. Существительные, обозначающие предметы одежды, также имеют синкретичную многозначность метонимического типа: ***сибирка***: ‘зимняя женская и мужская верхняя одежда из овчины, покрытой сукном, приталенная и расширенная книзу’, ‘короткая женская шуба, расширяющаяся книзу’, ‘зимнее приталенное пальто из сукна, которое носили по праздникам’, ‘пальто’, ‘шинель’ [СВГ, 10, с. 3]; ***скрута***: ‘свадебный наряд невесты’, ‘одежда девушки, приготовленная в качестве приданого’, ‘верхняя одежда девушки или молодой женщины’, ‘предметы быта, приготовленные невесте в качестве приданого’, ‘одежда’, ‘праздничная женская одежда’, ‘белье’ [СВГ, 10, с. 34]; ***гарусник***: ‘сарафан из гаруса’, ‘род сарафана на лямках’, ‘зимний сарафан из толстой ткани’ [СВГ, 1, с. 119–120].

1.1.5. Существительные, обозначающие сосуды, развивают различные виды метонимической многозначности. В одних случаях это метонимическая модуляция значений, когда одна лексема обозначает различные виды емкостей: ***ставец***: ‘предмет хозяйственной утвари с плоским округлым дном и вертикальными стенками из глины или дерева для еды, питья, хранения припасов и т.д.; посудина, которая может быть разного размера и глубины, может иметь цилиндрическую форму или расширяться кверху’, ‘широкий и круглый деревянный сосуд цилиндрической формы, в который собирали землянику, на боках его могли быть небольшие вырезы’, ‘тарелка’, ‘чашка, стакан’, ‘ковш’, ‘глиняный сосуд, горшок, кринка для молока’; ***судно***: ‘отдельный предмет посуды’, ‘деревянное корыто для кормления домашнего скота’, ‘деревянная бочка вместительностью до 50 ведер для варки пива’, ‘деревянная бочка на ножках с отверстием для слива, в которой «бучили» белье’ [СВГ, 10, с. 114–115]. В других случаях одна лексема обозначает и один предмет посуды, и собирательное множество этих предметов: ***суда***: ‘собир. хозяйственная утварь для еды, питья, хранения припасов’, ‘отдельный предмет посуды’ [СВГ, 11, с. 152]. Наконец, в-третьих, одна лексема обозначает то сосуд, то его содержимое: ***ставец***: ‘глиняный сосуд, горшок, кринка

для молока’, ‘масло или сало, получившее форму «ставца» (блюда, миски), в котором оно затвердело при охлаждении’ [СВГ, 10, с. 115].

1.1.6. Существительные, обозначающие растения, имеют следующие семантические модели метонимии: растение > место произрастания растения: ***мох:*** ‘споровое растение без корней и цветов’ > ‘болото’; ***мураг***: ‘молодая, сочная, зеленая трава’ > ‘луг’ [СВГ, 5, с. 21]; ***мянда***: ‘сосна’ > ‘сосновый лес’ [СВГ, 5, с. 37].

1.1.7. Существительные, обозначающие вещество, имеют следующие семантические модели употребления:

- вещество > изделие из него: ***синельник***: ‘домотканый холст синего цвета’, ‘сарафан из синего холста’ [СВГ, 10, с. 9]; ***пачеси***: ‘отходы льна при его вторичном вычесывании’ > ‘холст, вытканный из оческов льна после его вторичного вычесывания’ [СВГ, 7, с. 40];

- вещество > событие: ***волога***: ‘влага, вода’ > ‘ненастная, дождливая погода’ [СВГ, 1, с. 83].

1.1.8. Названия изделий подвергаются метонимической модуляции: изделие > разновидности этого изделия, предмет, предназначенный для этого изделия: ***мучник***: ‘печеное изделие из теста’, ‘хлебное изделие, представляющее собой тонкую пресную лепешку, на которую накладывается дрожжевое тесто из ячменной или гороховой муки’, ‘печеное изделие из ячменной муки’, ‘печеное изделие из гороховой муки или с начинкой из гороха’, ‘лепешка из ржаной муки, смазанная сметаной и посыпанная толокном’, ‘пирог из ржаной муки с начинкой из творога’, ‘лепешка из овсяной муки’, ‘домотканая скатерть, которой накрывают пироги’ [СВГ, 5, с. 12].

1.1.9. Метонимической модуляции подвергаются названия предметов обихода: ***бато́г***: ‘палка, кол’, ‘мера измерения земли, земельный надел’, ‘рукоятка косы’ [СВГ, 1, с. 10].

1.1.10. Для названия лиц характерны метонимические переносы по смежной последовательности во времени: ***парнёк*** ‘мальчик (ребенок, подросток)’ > ‘молодой человек, юноша’ [СВГ, 7, с. 9]; ***девка*** ‘дочь, девочка’ > ‘девушка’ > ‘обращение к лицам женского пола, в том числе к замужним и пожилым’ [СВГ, 2, с. 15]. Метонимической модуляции подвергаются в вологодских говорах некоторые термины родства: ***батюшко, батя, матка, матушка*** и др. Она характерна также для образованных от глаголов одушевленных существительных, у которых наблюдается различная тематическая интерпретация в различных контекстах употребления. Например, ***обряжуха***: ‘женщина, ведущая домашнее хозяйство’, ‘повариха, стряпуха’, ‘женщина, работающая на скотном дворе’ [СВГ, 6, с. 9].

1.1.11. Существительные, обозначающие абстрактные понятия, включаются в несколько семантических моделей:

- свойство > предмет, обладающий им: ***красота*** ‘свойство красивого’ > ‘ленты, цветы из бумаги или ткани, которые невеста дарит подругам’, ‘украшенная лентами, бусами елочка, которую жених готовил к свадьбе’ [СВГ, 3, с. 121];

- предмет, обладающий каким-либо свойством > время, каким-либо образом с ним связанное: ***красота*** ‘украшенная лентами, бусами елочка, которую жених готовил к свадьбе’ > ‘день перед свадьбой’ *А в красоту дёвка ревёт* (Ник.) [СВГ, 3, с. 121];

- событие > предметы, связанные с ним: ***скрута***: ‘договор о сватовстве’, ‘свадебный наряд невесты’ [СВГ, 10, с. 34];

- событие > другие события, смежные с ним во времени: ***паужна***: ‘прием пищи между обедом и ужином, полдник’, ‘обед’, ‘ужин’, ‘завтрак во время летней страды’;

- событие > время события: ***паужна***: ‘обед’ > ‘время обеда’ [СВГ, 7, с. 17]; эта метонимическая модель рассматривалась на диалектном материале в работе Ю.Ф. Денисенко [5].

1.2. Метонимическая многозначность имен прилагательных

Семантический синкретизм проявляется в различной степени у прилагательных разных лексико-грамматических разрядов. Наиболее всего метонимической модуляции подвержены качественные прилагательные, обозначающие различные оценки: ***дюжий*** ‘крепкий физически, выносливый’, ‘высокий, густой, хороший (о травах, посевах зерновых)’, ‘обладающий положительными качествами, хороший’, ‘с большими средствами, достатком, зажиточный’ [СВГ, 2, с. 69]; ***любой***: ‘такой, который нравится, приходится по душе’, ‘любимый, дорогой’, ‘милый, симпатичный’, ‘ожидаемый, желанный’ [СВГ, 4, с. 60]; ***лютый***: ‘расторопный, ловкий, бойкий’, ‘сильный, ловкий (о драке)’, ‘обильный, богатый’ [СВГ, 4, с. 61]; ***матёрый***: ‘значительный по размерам, очень большой’, ‘высокий, обладающий большой протяженностью от низу до верху’, ‘густой, сочный’ [СВГ, 4, с. 75].

Метонимическая модуляция свойственна также цветовым прилагательным (***сивый***: ‘светловолосый, белокурый’, ‘рыжеволосый, рыжий’ [СВГ, 10, с. 5]) и относительным прилагательным, образованным от существительных (***мусорный***: ‘не отобранный, не очищенный от семян других растений (о зерне); засоренный’, ‘заросший сорняками’, ‘сорный (о траве)’ [СВГ, 5, с. 11]).

Таким образом, во всех рассмотренных примерах значения имен прилагательных в различных контекстах употребления получают тематическую интерпретацию по метонимическому принципу.

1.3. Метонимическая многозначность глаголов

Семантичекий синкретизм характерен для глаголов физического воздействия и производных от них префиксальных глаголов типа: ***волочить, ломить, ляпать, молотить, молоть, мякать, ломить, пазгать, петать, садить, хлестать, хвостать*** и др. [СВГ]. Благодаря этой особенности данные глаголы обладают функцией экспрессивных субститутов и в устной диалектной речи заменяют полнозначные глаголы [29, с. 162–164]. Как уже отмечалось выше, специфика слова с синкретичной семантикой заключается в том, что оно «в сущности, почти не имеет значения, оно все – тема», то есть его содержание не отделимо от конкретной ситуации общения. «Здесь тема, таким образом, поглощает, растворяет в себе значение, не давая ему стабилизироваться и хоть сколько-

нибудь отвердеть» [13, с. 112]. Нередко данные глаголы подвергаются метонимической модуляции, например: ***мякнуть*** ‘ударить, стукнуть’, ‘натолкнувшись на кого-, что-либо или задев за что-либо, получить удар, ушиб’, ‘упасть, свалиться’ [СВГ, 5, с. 15]; ***ботнуть*** ‘ударить, стукнуть; ушибить’, ‘упасть, провалиться, бултыхнуться’ [СВГ, 1, с. 41]. Как видно из приведенных примеров, метонимия здесь приводит к образованию конверсивных значений у глагола.

Изменения залоговой семантики при метонимии характерны и для других лексических разрядов слов данной части речи, например для статальных глаголов: ***парить*** ‘не нести яиц, проявляя беспокойство, собираясь высиживать цыплят’ (*У меня курица парит*) > ‘высиживать цыплят’ (*Она каждый год парит цыплят*) [СВГ, 7, с. 9]; ***печаловать*** ‘беспокоиться, заботиться о ком-чем-либо’ *(Перестань печаловать, пускай сами живут)* > ‘жалеть кого-то’ (*Я Машку-то печалую: одна она ведь теперь*) [СВГ, 7, с. 54].

Однако переходные глаголы с синкретичной семантикой могут употребляться на основе метонимического принципа и без изменения залоговой семантики. В таких случаях изменяется тематическая интерпретация действия и оно распространяется на другие объекты или приобретает иную целеустановку. Например: ***обрать*** ‘унести, удалить, поместив куда-либо’, ‘спрятать, скрыть’, ‘снять с поверхности’, ‘снять, собрать, убирая’, ‘сложить, собрать’, ‘взять в свою собственность, присвоить’, ‘отобрать, отнять’, ‘взять на воинскую службу’, ‘закрыть, ликвидировать’, ‘убрать, уничтожить’, ‘убить’, ‘взыскать, получить плату’, ‘прибрать, привести в порядок’ [СВГ, 6, с. 4].

Семантическим синкретизмом характеризуются также двувидовые глаголы, которые имеют мутационную парадигму вида и способны употребляться в разных контекстах как в значении совершенного, так и в значении несовершенного вида. Ср.: несов. в. ***опиха́ть*** ‘есть с аппетитом, уплетать’ (*Ви́дишь, как она́ опиха́ет, а тот ничего́ не жва́чит)* [СВГ 1999, с. 60] и сов. в. ***опиха́ть*** ‘съесть с аппетитом’ (*Что́ ни да́шь ему́ – всё опиха́ёт, да ещё и попро́сит доба́вки*!) [КСДК]; несов. в. ***откута́ть*** ‘открывать’ (*Сейча́с говоря́т, что две́ри открыва́ть и закрыва́ть на́до, а ра́ньше откута́ть и закута́ть)* и сов. в. ***откута́ть*** ‘открыть’ (*Шкаф откута́й скоре́й*!) [СВГ 1999, с. 92]; сов. в. ***разглузда́ться*** ‘проснуться, прийти в себя после сна’ (*Робёнок совсе́м розглузда́всё, дак он бо́льше не уснёт*) и несов. в. *разглузда́ться* ‘просыпаться, приходить в себя после сна’ (*У меня́ брат целы́й час у́тром разглузда́ется*) [СВГ 2002, с. 12]. Видовая мутация, то есть внутреннее преобразование аспектуальной семантики глаголов, не сопровождается их структурными преобразованиями. Вид у таких синкретичных глаголов определяется по синтагматическим показателям.

Таким образом, при метонимическом употреблении синкретичных глаголов могут изменяться субъектно-объектные и аспектуальные значения глагола.

2. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОГЕРЕНТНОСТЬ

От метонимического варьирования лексем следует отличать словообразование **когерентных лексем**, то есть производных слов, которые параллельно образуются от одного слова по одной модели, но имеют различную предметно-логическую отнесенность [24]. Первоначально термин «когерентные лексемы» мы ввели в научный оборот для описания словообразования производных лексем, которые, имея общую словообразовательную базу и одинаковые словообразовательные средства, получают различные лексические значения в близкородственных языках [24; 25; 26]. Затем это понятие стало применяться при описании словообразовательной структуры исторических корневых гнезд, в которых также достаточно много когерентных лексем [8; 9]. И наконец, появилась необходимость использовать данный термин для квалификации особого типа диалектных лексем [10].

Исторически появление когерентных лексем связано, прежде всего, с тем, что в архаичном слове с синкретичной семантикой большую значимость имеет внутренняя форма слова, которая как бы диктует, направляет, ведет функционирование слова в речи. Эту роль внутренней формы слова при его употреблении в речи впервые исследовал А.А. Потебня [21]. У слов с общей внутренней формой, но разными лексическими значениями большую роль играет тематизм, который определяет дивергентные процессы в их содержании и приводит к образованию когерентных лексем. Так же, как метонимические значения слов, когерентные лексемы формируются по определенным семантическим моделям. Если словообразовательные модели образования подобных слов частично описаны в статье И.Е. Колесовой на материале лексики вологодских говоров [10], то семантическая типология когерентных лексем до сих пор не исследована. Можно предполагать, что и здесь есть определенные закономерности. Так, по нашим предварительным наблюдениям, выявлено, что общая внутренняя форма когерентных производных лексем получает различную тематическую интерпретацию в различных речевых ситуациях по метонимическому принципу.

Далее приводятся отдельные примеры семантических моделей образования когерентных лексем по метонимическому принципу:

- ‘вещество’ > ‘изделие из вещества’, ‘вместилище вещества’: ***мука*** > ***1 мучник*** ‘печеное изделие из теста’, ***2 мучник*** ‘ларь для хранения муки’ [СВГ, 5, с. 12];

‘орудие’ > ‘часть орудия’, ‘объект действия орудия’: ***вилы > 1 навильник*** ‘черенок, на который насаживаются вилы’, ***2 навильник*** ‘охапка сена, соломы или др., поддетая на вилы’ [СВГ, 5, с. 27];

- ‘хозяйственное строение’ > ‘хозяйственное строение’, ‘предмет, предназначенный для использования в этом строении’, ‘существо, обитающее в этом строении’: ***овин*** > ***1 овинник*** ‘строение для сушки снопов перед молотьбой, овин’ > ***2 овинник*** ‘длинные (до 1 метра) поленья, которыми топили печи в овине’, **3 *овинник*** ‘в суеверн. представл. злой дух, живущий в овине, род домового’ [СВГ, 6, с. 27];

- ‘растение’ > ‘место произрастания растения’, ‘продукт питания из этого растения’: ***мох*** > ***1 моховик*** ‘предмет, поросший мхом’, ***2 моховик*** ‘пирог с истолченным белым мхом’ [СВГ, 5, с. 8]; ***капуста*** > **1 *капустник*** ‘огороженный участок земли, где посажена

капуста', ***2 капустник*** 'пирог с капустой' [СВГ, 3, с. 38];

'растение' > 'часть растения', 'продукт питания из этого растения': ***картовь*** > ***1 картовница*** 'ботва, стебли картофеля', ***2 картовница*** 'запеканка из толченого картофеля';

- 'пища' > 'часть другого продукта питания', 'посуда, в которой готовят этот продукт': ***мясо*** 'туша или часть туши животных, употребляемая в пищу' > ***1 мясник*** 'пирог с начинкой из мяса', ***2 мясник*** 'посуда, в которой варят мясную пищу' [СВГ, 5, с. 17].

Выводы

В вологодских говорах сохранилось большое количество лексем с архаичным типом семантики. Для таких слов характерен семантический синкретизм, при котором содержание слова формируется темой высказывания, ситуацией речи. Семиотический тематизм слова приводит, во-первых, к развитию разнообразных метонимических моделей употребления слова, и, во-вторых, к образованию когерентных производных лексем.

Актуальной задачей является исследование семантических моделей образования когерентных лексем, поскольку до сих пор они не были предметом специального изучения. Предварительные наблюдения над ними позволяют сделать вывод о том, что в говорах употребление производных слов регулируется их внутренней формой, так же как это было характерно и для архаичных этапов развития языка. Эта семиотическая особенность приводит к образованию когерентных лексем, содержание которых определяется темой высказывания и нередко формируется по метонимическим моделям.

Литература

1. Бройтман, С.Н. Историческая поэтика: учебное пособие / С.Н. Бройтман. – Москва, 2001.

2. Веселовский, А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – Ленинград, 1940.

3. Гинзбург, Е.Л. Конструкции полисемии в русском языке. Таксономия и метонимия / Е.Л. Гинзбург. – Москва, 1985.

4. Гольдин, В.Е. К вопросу о структурно-семантических различиях в диалектной лексике (на материале названий построек и их частей в русских говорах): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Гольдин В.Е. – Саратов, 1967.

5. Денисенко, Ю.Ф. О древности одного семантического переноса в русских говорах (свадьбы, свадебницы как наименования времени) / Ю.Ф. Денисенко // Диалектная лексика 1975. – Ленинград: Наука, 1978. – С. 198–203.

6. Жданова, Е.А. Семантическая деривация в русских говорах Удмуртии: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Жданова Е.А. – Казань, 2009.

7. Зализняк, А.А. Многозначность в языке и способы её представления / А.А. Зализняк. – Москва: Языки славянских культур, 2006. – 672 с.

8. Колесова, И.Е. Динамика исторических корневых гнезд: Процессы дивергенции и конвергенции в историческом корневом гнезде с вершиной lei- / И.Е. Колесова. – Вологда, 2012.

9. Колесова И.Е. Развитие лексической когерентности в структуре исторических корневых гнезд / И.Е. Колесова, Л.Г. Яцкевич // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2012. – Т. 2. – С. 94–96.

10. Колесова, И.Е. Процессы функционально-семантической дивергенции в вологодских говорахм / И.Е. Колесова // Народная речь вологодского края. – Вологда, 2015. – С. 189–201.

11. Лопушанская, С.П. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции / С.П. Лопушанская // Русский глагол (в сопоставительном освещении). – Волгоград: ВГУ, 1998.

12. Марков, В.М. О семантическом способе образования слов / В.М. Марков // Русское семантическое словообразование: сборник научных трудов. – Ижевск, 1984. – С. 3–12.

13. Медведев П.Н. [Бахтин М.М.] Формальный метод в литературоведении / П.Н. Медведев. – Москва, 1993.

14. Николаев, Г.А. Несколько замечаний о семантическом словообразовании в русском языке / Г.А. Николаев // Учебные материалы по проблеме синонимии. – Ижевск, 1982. – Ч. 2. – С. 38–39.

15. Николаева, Т.М. Семантико-стилистические преобразования в истории русского литературного языка: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Николаева Т.М. – Казань, 2002. – 43 с.

16. Никулина, Т.Е. Подвижность семантики лексемы *гарь* в русских народных говорах (по материалам Картотеки ЛАРНГ) / Т.Е. Никулина // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 2005. – Санкт-Петербург: Наука, 2005. – С. 109–113.

17. Оссовецкий, И.А. Лексика современных русских народных говоров / И.А. Оссовецкий. – Москва, 1982.

18. Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. – Москва, 2004.

19. Петрова, З.Ю. Регулярная метонимическая многозначность / З.Ю. Петрова // Проблемы структурной лингвистики 1985–1987. – Москва, 1989. – С. 120–133.

20. Пименова, М.В. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии / М.В. Пименова // Вопросы языкознания. – 2011. – № 3. – С. 19–48.

21. Потебня, А.А. Мысль и язык (2-е изд. Харьков, 1892) / А.А. Потебня // Слово и миф. – Москва, 1989.

22. Трубачев, О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура: в 4 т. / О.Н. Трубачев. – Москва: Рукописные памятники древней Руси, 2008. – Т. 3.

23. Черепанова, О.А. О соотношении понятий «семантический синкретизм» и «лексико-семантическая группа» в применении к лексической системе древнерусского языка / О.А. Черепанова // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. – Вологда, 2007. – С. 27–36.

24. Яцкевич, Л.Г. О внутренней форме слов в русском и белорусском языках в условиях билингвизма / Л.Г. Яцкевич // Всесоюзная научная конференция по проблемам обучения русскому языку в условиях близкородственного билингвизма. Материалы конференции. – Минск: Издательство БГУ, 1975. – С. 538–541.

25. Яцкевич, Л.Г. О типологии внутренней формы слов в русском и белорусском языках // Беларуская мова і мовазнаўства. – Минск: Выдавецтва БДУ, 1976. – Вып. 3.

26. Яцкевич, Л.Г. Об адным тыпе міждыялектных і міжмоуных амонімау / Л.Г. Яцкевич // Беларуская лінгвістыка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979. – Вып. 26. – С. 8–13.

27. Яцкевич, Л.Г. Русское формообразование. Процессы деграмматикализации и грамматикализации / Л.Г. Яцкевич. – Вологда, 2010. – 280 с.

28. Яцкевич, Л.Г. Развитие лексической когерентности в структуре исторических корневых гнезд / Л.Г. Яцкевич, И.Е. Колесова // Вестник Череповецкого государственного университета. – Череповец, 2012. – Т. 2. – С. 94–96.

29. Яцкевич, Л.Г. Очерки морфологии вологодских говоров / Л.Г. Яцкевич. – Вологда, 2013. – 244 с.

Словари

КСРГ – Картотека словаря режского говора.

КСДК – Картотека словаря деревни Квасюнино.
СВГ – Словарь вологодских говоров / ред.: Т.Г. Паникаровская, Л.Ю. Зорина. – Вологда, 1983–2007. – Вып. 1–12.
ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. члена-корреспондента АН СССР О.Н. Трубачёва. – Москва, 1974–2002. – Вып. 1–29.

Рецензент – Е.Н. Ильина, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ.

L.G. Yatskevich

SEMANTIC SYNCRETISM AS A SOURCE OF SITUATIONAL METONYMY AND WORD-FORMATION COHERENCE OF DIALECT LEXEMES

The article deals with typological features of the semantic structure of dialect words in the *Vologda Dialects Dictionary*. The historical and functional reasons for their semantic syncretism are determined, the latter is a cause of widespreading of situational metonymy and word-forming coherence in the dialects. The present research traces the role of thematism (M.M. Bakhtin's term) in the content of semantically syncretic words in their metonymic use. The author also desrtibes the role of the internal form of derivatives in the development of word-forming coherence in the lexical system of dialects.

Semantic syncretism, dialect words, situational metonymy, thematism, coherent derivatives.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 101.8

Н.В. Дрянных
Вологодский государственный университет

«ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ» КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ ФИЛОСОФИИ

В статье предпринимается попытка рассмотрения организации занятий в курсе философии в форме «Педагогической мастерской» или «Ателье». При этом образуется определенная среда обучения, создающая творческую атмосферу, способствующая развитию у студентов умения мыслить критически, анализировать и ранжировать информацию, мотивирующая обучаемых к решению конкретных общекультурных и профессиональных задач. Дается анализ принципам философского образования, основой которых вступают такие ценностные ориентации, как гуманизм, толерантность, открытость к альтернативным идеям, процессуальное многоголосие позиций, диалектичность участников образовательного процесса, взаимодействие на основе равенства позиций.

Философия образования, интерактивные методы обучения, «педагогическая мастерская», диалоговая ситуация, компетентность.

Современная система образования предполагает обеспечение не столько суммой знаний, сколько набором компетенций как интегральной характеристикой, позволяющей выпускнику мобильно адаптироваться в условиях профессиональной среды, анализировать и решать возникающие проблемы, планировать и определять стратегию своей собственной деятельности. Основными функциями компетентности выступают, прежде всего, гносеологическая, цель которой систематизация знаний, аксиологическая, направленная на ориентацию студента в системе ценностей, ориентационная, позволяющая активизироваться в потоке информации, творческая, способствующая активизации творческой работы субъекта образовательного процесса, «ведущая к самоактуализации и самореализации выпускника в будущей профессиональной сфере» [6, с. 110–111].

Именно в грамотном, продуманном использовании нетрадиционных форм обучения кроются колоссальные источники формирования компетенций. Так, Н.Н. Двуличанская обращает внимание на то, что новые цели образования требуют изменения «методов и форм организации образовательного процесса, активизацию деятельности обучающихся в ходе занятия, приближения изучаемых тем к реальной жизни и поисков путей решения, возникающих проблем» [3, с. 2].

Поэтому возникает необходимость организации учебного процесса, при котором обучающийся становится не просто субъектом образовательного процесса, но по мере освоения профессиональных программ превращается в субъект профессиональной деятельности. Следовательно, переход на компетентностный подход при организации процесса обучения, предусматривающий широкое использование как традиционных, так и нетрадиционных (активных и интерактивных) форм и технологий, становится необходимым.

Неразрывная связь данных форм и методов образует определенную среду обучения, благодаря которой осуществляется развитие у студентов умения учиться, критически анализировать и ранжировать информацию, мотивацию обучаемых к решению конкретных общекультурных и профессиональных задач. Так, Л.К. Гейхман понимает интерактивное обучение, «как связанное с выделением сущностных характеристик взаимодействие всех субъектов образовательного процесса, проявляющихся в процессе совместной деятельности» [2, с. 145]. Для формирования компетенций в образовании необходимо использовать такие технологии обучения, которые требуют самостоятельности студентов и изменения характера взаимодействия преподавателя и студентов, где студент становится не столько объектом обучения, сколько субъектом этого процесса, а педагог – его организатором.

Особую значимость, на наш взгляд, интерактивные стратегии обучения приобретают в процессе преподавания философии, которая выступает наиболее гибким образованием, способным дать не только целостное знание о мире в единстве различных подходов, но преодолеть обособленность методов обучения естественных и гуманитарных предметов, формируя идею активности, более того, интерактивности обучения. В философии нет готовых решений, типовых, стандартных методов обучения, поэтому изначально она направлена на формирование разумной, мыслящей личности. Соответственно роль философского подхода к рассматриваемой теме обретает специфиче-

ские цели и задачи, позволяющие по-новому взглянуть на интерактивное обучение применительно к современной образовательной ситуации.

Кроме того, философское понимание обучения, использующего приемы как бинарного, так и тернарного мышления, дает возможность рассматривать проблему как сложную и неоднозначную, связанную с осмыслением возможных типов отношения человека к миру. Поэтому именно в рамках философии, начиная с античности, сформировались традиции использования проблемных лекций, дискуссий, бесед, диалогов, как главных принцип взаимодействия, сотрудничества, сотворчества, что является предвестником активизации умственной деятельности обучаемых.

Так, М.М. Бахтин, утверждал, что человеческая мысль может стать подлинной идеей только в условиях живого контакта с другой мыслью, воплощенной в ином голосе, то есть в «чужом, выраженном в слове сознании» [1, с. 147]. В точке этого контакта различных «голосов-сознаний» и рождается, живет, развивается идея, постоянно стремящаяся к новым горизонтам реальности. В силу этого диалог предстает у М.М. Бахтина как универсальное, динамическое явление, обусловливающее плюрализм подходов, позиций субъектов.

При этом содержательным элементом диалога в современном образовательном процессе выступает вопросно-ответная ситуация. Отстаивая свои мнение, не повторяя заученный материал, обучающиеся легко переводят смутные, хаотичные чувства и интуитивные представления в языковые выражения, постепенно овладевая навыками рационального, логического мышления. Причем, М.М. Бахтин, утверждая о недопустимости отклонения в сторону единства мнений или доминирования одного члена отношений над другими, обращает внимание на возможности диалога как процесса обогащения системы. Следовательно, именно диалог, как думается, выступает основой применения в философии интерактивных форм обучения, а на основе совместного принятия решений, где каждый вносит свой особый индивидуальный вклад, выстраиваются новые формы обучения.

Например, при «погружении» обучающихся в определенную область философского знания и выполнении в ее рамках исследовательской работы, необходимо по-новому взглянуть на такую интерактивную форму обучения, как «Ателье» или «Педагогическая мастерская». Так, Г.А. Мейчик определяет «Педагогическую мастерскую» как форму обучения, которая «создает условия для восхождения каждого участника к новому знанию и новому опыту путем самостоятельного или коллективного открытия», или как «педагогическую технологию» [4, с. 3].

Основными принципами работы в мастерской являются равенство участников, включая мастера, право всякого участника на ошибку, отсутствие критических замечаний, ограничение роли мастера как авторитета. При этом важнейшим качеством процесса оказывается свобода творчества, что проявляется в наличие выбора деятельности на разных этапах работы мастерской, предъявление каждым участником, группой или парой своего творческого продукта, формирование особого горизонта, интерес к другой точке зрения как источнике саморефлексии. Следовательно, в отличие от традиционного обучения в мастерской, знания не даются в готовом проверенном на практике виде, а выстраиваются на основе ценностно-смыслового равноправия субъектов процесса, диалога участников мастерской, отдельных групп, с самим собой, с научным авторитетом.

Основными субъектами мастерской выступают мастер и подмастерья. Участником, создающим условия, инициирующим поисковый, творческий характер деятельности учащихся в составе малой группы, выступает мастер. Подмастерья непосредственно реализуют свои знания и творческий потенциал в зависимости от способностей и степени подготовленности.

По своему составу группы могут быть различны. Причем, непосредственно состав групп может меняться от мастерской к мастерской. Это живой опыт принятия любого партнера, развития толерантности и взаимопомощи. Объединяющим элементом членов малого сообщества может быть уровень подготовленности отдельных членов группы, единство интересов, цель, которую не определяет, а лишь корректирует педагог.

Групповая работа особенно эффективна при осуществлении внутренней дифференциации между членами группы. К основным ролям в групповой работе относятся: роль лидера, организующего работу; докладчика, обладающего способностью грамотно, логично и конструктивно изложить результаты совместного исследования; подмастерьев, часть которых решает стандартные, несложные задачи, другая часть демонстрирует способность идти на разумный риск, преодолевать препятствия, реализует поиск на основе креативных решений.

Обучающимся предлагается исходная неоднозначная, а иной раз и проблемная ситуация, и к ней – цепочка творческих заданий на основе индуктивного метода, как восхождения от частного, субъективного, индивидуально понимаемого знания, к общему единому. Примером может служить изучение проблем в разделе социальная философия – тема «Общество как система». Разделившись на группы, студенты распределяют роли. Это роль картографа, который дает геополитическую характеристику конкретного общества; историка, дающего характеристику этапов развития социума; экономиста, основная цель которого дать характеристика состояния экономики; демографа, анализирующего численность, плотность населения, распределение по регионам, соотношение городского и сельского населения, национальный и конфессиональный состав; социолога, характеризующего состав общества; политолога, дающего характеристику политического устройства. Цель такого деления – показать влияние перечисленных факторов на формирование конкретного типа общества.

Однако следует обратить внимание на то, что постановка проблемы еще не ведет к обучению. Поэтому необходима ситуация задачи, непосредственно связанная с анализом препятствий, трудностей, где обучаемые могут удовлетворить свои познавательные потребности. Более того, чем выше уровень проблемности в обучении, тем меньше учитель-мастер будет опекать своих учеников. В этом случае, социальный идеал, к

которому стремится учитель, это личность, «принимающая ответственные решения без оглядки на авторитарные идеологии на основе рационального, логически состоятельного вывода» [5, с. 153].

Поэтому внутри каждого задания подмастерья свободны в выборе пути исследования, средствах достижения цели. Поиск вариантов решения в таких случаях представляет собой достаточно трудоемкий, а главное, творческий процесс, требующий большой затраты времени и интеллектуальных усилий при исследовании определенной проблемы, ибо альтернативные решения не даны непосредственно, а должны быть найдены. Сопоставляя различные точки зрения на одну проблему, двигаясь от деконструкции, хаоса в мыслительной деятельности, осуществляя работу с информационным материалом, к конструктивному диалогу, обучающиеся представляют группе свое понимание, формулируя гипотезу решения проблемы.

Результатом деятельности мастерской может быть создание индивидуальных, а при совпадении интересов, и групповых проектов. В рамках проекта создается продукт ранее не существующий, но который затем используется авторами в виде выступления на семинарском занятии, научной конференции.

Являясь, по сути, альтернативным способом оценивания по отношению к традиционным формам, портфолио позволяет проследить индивидуальный прогресс учащегося, достигнутый им в процессе получения знаний по предмету, причем вне прямого сравнения с достижениями других. В ходе работы мастерской происходит движение от бессознательного, стихийного к последующему осознанию информации, что позволяет достигнуть максимального приближения к истине, постепенно приводит к реконструкции и формированию нового видения проблемы, собственного интеллектуального продукта.

Таким образом, наиболее важным как для педагога, так и обучаемых является то, что в «Педагогической мастерской», как форме организации учебной деятельности, создается не только необходимая атмосфера взаимодействия, но и доверительная среда, рождающая ощущение единства, коллегиальности, толерантности членов групп, возможность конструктивного диалога. Более того, в отличие от других интерактивных технологий «Ателье» формирует направленность не на оценку, результат, а на творческий поиск, приобщение к самостоятельной исследовательской деятельности, что особенно важно для изучения проблем философского знания.

Литература

1. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – Москва: Художественная литература, 1972. – 470 с.

2. Гейхман, Л.К. Интерактивное обучение общению. Подход и модель / Л. К. Гейхман. – Пермь: Изд-во Пермского госуд-го ун-та, 2002. – 260 с.

3. Двуличанская, Н.Н. Интерактивные методы обучения как средство формирования ключевых компетенций / Н.Н. Двуличанская // Наука и образование. – 2011. – № 4. – С. 1–12.

4. Мейчик, Г.А. Реализация педагогической технологии мастерских в вузе : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Мейчик Г.А. – Санкт-Петербург, 2005. – 196 с.

5. Юлина, Н.С. Философия для детей / Н.С. Юлина // Вопросы философии. – 1993. – № 9. – С. 151–158.

6. Троянская, С.Л. Компетентностный подход к реализации самостоятельной работы студентов: учебное пособие / С.Л. Троянская, М.Г. Савельева. – Ижевск, Изд-во УдГУ, 2013. – С. 110–112.

Рецензент – Е.Б. Якимова, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физики ВоГУ.

N.V. Dryannih

«PEDAGOGICAL WORKSHOP» AS A METHOD OF REALIZATION OF PHILOSOPHICAL EDUCATION PRINCIPLES

The paper presents the analysis of the principles of philosophical education which includes such fundamental values as humanism, tolerance, openness to alternative ideas, procedural polyphony of opinions, the dialectics of participants of educational process and their interaction on the basis of equality of positions. An attempt is made to prove that the "studio" or "educational workshop" method, the basis of which are the philosophical principles, forms particular learning environment and helps students to develop the ability to think critically, to analyze and rank information, as well as motivates students to attain specific cultural and professional objectives.

Education philosophy, interactive teaching methods, «pedagogical workshop», dialogue situation, competence.

УДК 37.02

Ф.И. Кевля
Вологодский государственный университет

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «САМОРАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ» В ПРОЕКТИРОВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА

В статье на основе парадигмы субъектности последовательно излагается процесс структурирования феномена «саморазвитие личности», дается его определение, прослеживается возрастной подход к осознанию задач саморазвития. Педагогам предлагается «Модель саморазвития» и содержательное наполнение «Карты саморазвития», которое представляет собой проектировочный материал для индивидуальной работы с обучающимися.

Саморазвитие личности, модель саморазвития личности, парадигма субъектности, тип личности, проектировочная деятельность педагога, направления саморазвития.

На основе структурирования как метода системных описаний в психологии В.А. Ганзен предпринял попытку целостно и аргументировано представить человека [1]. В основу макроструктурного психологического описания этого феномена ученый положил четыре сущностные характеристики человека: «индивид», «индивидуальность», «личность» и «субъект сознания».

Воспользовавшись категорией пентабазиса, В.А. Ганзен выстроил схему, в которой указанные характеристики человека соотнес с четырьмя рядоположенными понятиями систематики: а) время; б) пространство; в) энергия; г) информация.

С четырехзвенной структурой понятия «человек», по В.А. Ганзену, на наш взгляд, органично перекликается определение сущности личности в концепции В.А. Петровского, где личность представлена как «причина себя», как парадигма субъектности, включающей в себя четыре сферы деятельности:

1) жизнедеятельность – воспроизводство психофизической целостности; 2) предметная деятельность – воспроизводство мира в себе и себя в мире при осуществлении познавательных и практических актов; 3) деятельность общения – воспроизведение общности с другими людьми; 4) деятельность самосознания – воспроизводство себя как носителя сознания (духовности, ментальности).

«Быть личностью, – утверждает ученый, – значит быть субъектом собственной жизнедеятельности, предметной деятельности, деятельности общения, деятельности самосознания» [2, с. 7–12].

Диалектическое соотношение различных точек зрения ученых на понятия «человек», «личность», «индивид», «индивидуальность», «субъект сознания» позволило нам выстроить модель саморазвития личности (см. схему 1).

Схема 1. Модель саморазвития личности

Опираясь на системное описание пентабазиса, установленное В.А. Ганзеном для четырех рядоположенных понятий (время, пространство, энергия, информация), мы обозначили пятым, объединяющим, субстратом категорию «саморазвитие», которую последовательно соотнесли с четырьмя видами субъектности по В.А. Петровскому: жизнедеятельность, предметная деятельность, деятельность общения, деятельность самосознания; а затем с четырьмя процессами САМО-(оздоровление, обучение, воспитание, определение), предложенными нами. Их мы рассматриваем как внутреннюю систему деятельности человека. В то время как внешние характеристики этих видов деятельности, на наш взгляд, оказываются непосредственно связанными с общечеловеческими ценностями красоты, истины, добра, свободы.

Тогда отношения (связи) выстроятся следующим образом:

время – жизнедеятельность – самооздоровление – красота;

информация – предметная деятельность – самообучение – истина;

пространство – общение – самовоспитание – добро;

энергия – самосознание – самоопределение – свобода.

Такое структурирование дает представление о необходимых и достаточных компонентах феномена «саморазвитие личности» и позволяет сформулировать его определение. *Под саморазвитием личности мы понимаем процесс становления субъектности человека и результат его активной деятельности по самооздоровлению, самообучению, самовоспитанию и самоопределению в соответствии с собственными взглядами и общечеловеческими ценностями (красота, истина, добро, свобода)* [3].

Осознание задач саморазвития непосредственно связано с возрастом воспитанников. В общей возрастной периодизации выделяют: младенчество; раннее детство (преддошкольный и дошкольный периоды); собственно детство (младший школьный и предподростковый возраст); подростковый возраст (средний школьный); юношеский возраст (старший школьник).

Характеризуя каждый из названных возрастных периодов под углом личностного (социально-нравственного) развития, следует отметить ограниченность опыта социальных отношений у дошкольников и младших школьников. Этим объясняется их неукротимая тяга к накоплению впечатлений. В этом возрасте происходит наиболее интенсивное формирование свойств и качеств личности, которые сохраняются на всю жизнь в более или менее неизменном виде.

В подростковом возрасте закрепляется, осмысливается и обогащается приобретенный багаж социальных отношений, осложняясь нарастающей волной самоосознания, самопознания, самооценки и полового созревания. В юношеском возрасте завершается физическое созревание, реально возникают условия для активного участия в общественно-производственной деятельности, в профессиональном самоопределении. Иногда семья и школа слишком долго удерживают старшеклассников в положении подопечных, еще неспособных к принятию самостоятельных решений, к ответственности за свое поведение.

Изучение известных периодизаций психического развития детей (Л. Кольберг, Ж. Пиаже, В.И. Слободчиков, Д.Б. Эльконин, Э. Эриксон и др.) позволяет приблизиться к ответу на вопрос, какой возраст наиболее сенситивен для решения задач саморазвития.

Психолога привлекает тот кризисный этап жизни, который можно назвать «встречей с самим собой». Открытие собственного «Я» на социальном, личностном, экзистенциальном уровне – это поиск своего места в системе человеческих отношений, своей идентичности, ощущение себя автором (архитектором), творцом собственной биографии. Как основное событие отрочества, оно происходит на границе с детством.

Многолетний анализ педагогической практики позволяет утверждать, что самостоятельность, ответственность, инициативность – основные качества, которые являются непременным условием саморазвития.

Исследования Г.А. Цукерман и наша опытно-экспериментальная работа убеждают в том, что школьникам необходима помощь в определении задач саморазвития и поиске решений в младшем подростковом возрасте (11–12 лет). Именно этот возраст представляет зону ближайшего развития новой способности, переход от овладения обстоятельствами своего существования к жизнестроительству [4].

В поисках способов помощи школьникам в определении целей саморазвития и решения задач опережающей педагогической поддержки был использован метод моделирования. Проектировочным материалом послужили «Модель саморазвития личности» и «Карта саморазвития». Системно-дедуктивный подход, полная типология личности Д. Голланда, теоретико-групповой базис сознания (В.А. Ганзен, К.Б. Малышев), эмпирические данные опроса педагогов и школьников позволили определить необходимые и достаточные направления саморазвития личности. Они были занесены в таблицу (см. таблицу 1), на основании которой составлена «Карта саморазвития».

Таблица 1

СООТНОШЕНИЕ ТИПОВ ЛИЧНОСТИ И НАПРАВЛЕНИЙ САМОРАЗВИТИЯ

Типы личности по Голланду. Теоретико-групповой базис сознания по Ганзену В.А., Малышеву К.Б.	Направления саморазвития	Определение содержания направлений для «Карты саморазвития»
1. *Социальный (аффективно-мыслительный)*	Мировоззрение	1. Бережное отношение к природе. 2. Рациональное отношение к своему здоровью. 3. Внимательное отношение к людям. 4. Трудолюбие. 5. Социальная активность

Окончание таблицы 1

Типы личности по Голланду. Теоретико-групповой базис сознания по Ганзену В.А., Малышеву К.Б.	Направления саморазвития	Определение содержания направлений для «Карты саморазвития»
2. *Артистический (аффективно-перцептивный)*	Интуиция	1. Внезапная догадка. 2. Выход за рамки логики (фантазия). 3. Способность предчувствовать. 4. Способность предвидеть. 5. Бескорыстный риск
3. *Предприимчивый (аффективно-волевой)*	Воля	1. Организованность. 2. Настойчивость. 3. Целеустремленность. 4. Самообладание. 5. Самостоятельность
4. *Интеллектуальный (перцептивно-мыслительный)*	Интеллект	1. Стремление к знаниям (любознательность). 2. Творческое применение знаний. 3. Умение ставить цели. 4. Понимание мотивов деятельности. 5. Прогнозирование последствий поведения и деятельности
5. *Конвенциональный (мыслительно-волевой)*	Исполнительские умения	1. Мышление по образцу. 2. Соблюдение режима деятельности. 3. Ведение дневника. 4. Саморегуляция. 5. Ответственность
6. *Реалистический (перцептивно-волевой)*	Профессиональная направленность	1. Реальная самооценка. 2. Инициативность. 3. Конкретно предметный труд. 4. Физическая выносливость. 5. Психическая стрессоустойчивость

Работа с «Картой саморазвития» дает возможность определить уровень саморазвития, тип личности, ориентацию интересов и способностей школьников. Это помогает педагогу-психологу и классному руководителю выяснить и направить усилия и внимание воспитанников на те стороны развития их личности, которые могут быть усовершенствованы [3, с. 46].

В итоге отметим, что в ходе исследования проблема саморазвития личности приобрела обозримые очертания в теории и конкретные воплощения в практике воспитания тех образовательных учреждений Вологодской области, в которых проводилась нами и нашими аспирантами опытно-экспериментальная работа. Теперь эта работа находит достойное продолжение в исследованиях молодых ученых.

Литература

1. Ганзен, В.А. Системные описания в психологии / В.А. Ганзен. – Ленинград: ЛГУ, 1984. – 176 с.
2. Петровский, В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности / В.А. Петровский. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 512 с.
3. Кевля, Ф.И. Педагогические технологии: диагностика, прогнозирование и поддержка личностного развития ребенка / Ф.И. Кевля. – Вологда: Легия, 2009. – 226 с.
4. Цукерман, Г.А. Психология саморазвития / Г.А. Цукерман, Б.М. Мастеров. – Москва: Интерпракс, 1995.

Рецензент – В.А. Тестов, доктор педагогических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, профессор кафедры математики и методики преподавания математики ВоГУ.

F.I. Kevlya

THE ESSENCE AND CONTENT OF THE CONCEPT ‘PERSONALITY SELF-DEVELOPMENT’ IN THE TEACHER’S PROJECT ACTIVITY

Based on the subjectivity paradigm conception of personality, the article consistently presents the process of structuring the ‘personality self-development’ phenomenon; the definition of this phenomenon is given. The age-sensitive approach to the recognition of self-development tasks can be traced. In search of ways of helping students to set goals and objectives of self-development during the process of advanced educational support teachers are suggested with the ‘self-development model’ and the content of ‘self-development map’ presenting the project material for individual work with learners.

Personality self-development, personality self-development model, subjectivity paradigm, personality type, teacher’s project activity, self-development trends.

УДК 372.881

Е.С. Малеева
Венский университет прикладных наук, BFI, Австрия

Эмилия Шарфави
Братиславский университет им. Я.А. Коменского

ИЗУЧЕНИЕ РЕКЛАМЫ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ КАК ИНОСТРАННОМУ

В статье описывается опыт работы в вузах Австрии и Словакии по подготовке иностранных студентов продвинутого этапа обучения к сдаче экзамена по русскому языку делового общения на базовый сертификационный уровень, рассматриваются возможности комплексного изучения на занятии рекламного текста, анализируются учебные и экзаменационные задания, предлагаемые учеными Института русского языка им. А.С. Пушкина.

Русский язык как иностранный, деловое общение, реклама.

Рекламные тексты достаточно широко исследуются в современной лингвистике. Анализ научной литературы показал, что реклама изучается с позиций теории коммуникации, определяется ее место в системе речевых жанров (например: [6]; [8]; [14] и др.). Она рассматривается учеными с точки зрения семиологического, прагматического, прагмалингвистического и психологического аспектов (см. об этом: [9]; [12]; [13] и др.). Отдельное внимание в работах исследователей обращается на стилистический статус рекламы, особенности функционирования выразительных средств, соотношение стилистически окрашенных и нейтральных языковых единиц (см. подробнее: [2, с. 80–82]; [7, с. 62–64]; [11, с. 82–87] и др.). Таким образом, отмечается «гибридность» рекламных текстов, а именно вовлечение в сферу массовой коммуникации научных, научно-популярных, официально-деловых, разговорных составляющих и выполнение ими новых рекламных функций (см. об этом: [1, с. 635–642]; [10]). Такая контаминация различных стилей, жанров и разновидностей речи в рамках одного небольшого текста, безусловно, создает трудности восприятия информации иностранцем и осложняет работу преподавателя русского языка как неродного. В то время как опыт работы с рекламным текстом на занятиях по русскому языку делового общения описан еще недостаточно.

При обучении будущих экономистов одной из задач преподавателя-русиста является подготовить учащихся к сдаче экзамена (Русский язык делового общения. Бизнес. Коммерция), разработанного учеными из Института русского языка им. А.С. Пушкина. В рамках формата экзамена (базовый уровень, В 1) реклама включается разработчиками в задания по чтению, аудированию и письму. В связи с этим педагогу необходимо подобрать соответствующие тексты и продумать систему заданий для обучения этим видам речевой деятельности. Естественно, что обязательным учебным пособием на таких занятиях является тестовый практикум, написанный группой методистов, занимающихся созданием как самих тестов, так и тренировочных материалов [5].

Целесообразным представляется начать изучение рекламного текста с заданий по чтению. В тестовый практикум включено 10 реклам с системой вопросов, направленных на понимание основного содержания. Обращает внимание на себя тот факт, что авторами представлены рекламы только московских банков, компаний, фирм, выставок. В то время как именно специфика регионального бизнеса вызывает особый интерес у будущих менеджеров, так как международное сотрудничество России с европейскими странами строится, прежде всего, на региональном уровне (см. о роли регионального компонента в практике преподавания иностранцам: [4, с. 149–154]). Так, для австрийской экономики главный интерес представляют именно регионы; в частности, интенсивно развиваются торгово-экономические отношения австрийских федеральных земель с Дальневосточным федеральным округом, Краснодарским краем, Калининградской, Калужской, Самарской, Смоленской областями, с Дагестаном и Татарстаном (более 1500 фирм). Словацкая Республика активно сотрудничает с Белгородской, Ростовской, Свердловской областями. Парадоксально, но факт, что эта часть экономической жизни очень мало представлена и в европейских СМИ.

В связи с этим возникает необходимость на занятиях по русскому языку как иностранному показать богатство российских регионов, разнообразие форм бизнеса в провинции. Подспорьем для педагога в выполнении этой задачи может стать учебный комплекс «Путь к успеху» [3], успешно использующийся в практике преподавания студентам начального этапа обучения. Большое внимание авторы уделяют регионам России: герои учебных текстов – это люди, живущие не только в Москве, но и в Екатеринбурге, Владимире, Омске, Самаре и т.д. Фотографии вывесок и рекламных плакатов, используемые в качестве страноведческого аутентичного материала, сделаны как в столице, так и в небольших провинциальных городах. Естественно, что завершив работу с этим учебным комплексом, выводящим учащихся на уровень А2, студенты хотели бы и дальше, при подготовке к экзамену на базовый уровень владения русским языком делового общения, работать с учебным материалом, который не ограничивается только столицей. Это ставит перед преподавателем задачу подобрать соответствующие учебные тексты.

Думается, что кроме предлагаемых учеными ИРЯП тренировочных рекламных текстов преподавателю необходимо подобрать тексты из австрийских

русскоязычных журналов «Австрийский стиль», «Венский журнал», газеты «Давай» и словацких русскоязычных печатных изданий «Русский язык в центре Европы», «Вместе», так как именно там будущие специалисты со знанием русского языка могут найти интересную информацию работодателей о вакансиях. В процессе комментированного чтения преподаватель обращает внимание на заявленные в текстах рекламные слоганы, сферы деятельности фирм и компаний, характеристику видов предлагаемых услуг, описание продукции и потребительские свойства товаров. Таким образом, студенты пополняют свой словарный запас и знакомятся с грамматическими конструкциями (родительный падеж в значении определения, для обозначения количества в сочетании с мерами веса, размера, времени, стоимости; винительный падеж существительных и прилагательных единственного и множественного числа в значении прямого объекта и определения; творительный падеж имен существительных и прилагательных единственного и множественного числа в значении рода деятельности и др.). В процессе выполнения возможного послетекстового задания с системой вопросов об организации рекламной деятельности фирмы, активно используются, а, следовательно, запоминаются студентами такие виды рекламы, как реклама в газете или журнале, проспекты, буклеты, каталоги, рекламная листовка, реклама на радио, телевизионная реклама, реклама по телефону, неоновая реклама, фирменная упаковка, рекламное оформление витрин, реклама на транспорте, рекламные сувениры, реклама в Интернете, бесплатный пробный экземпляр, электронное табло, рекламная акция (розыгрыш призов, баннерная реклама, рекламные щиты на стадионе и т.д.). Студенты рассказывают о том, какой процент бюджета фирма может позволить себе на рекламу, кто в фирме отвечает за рекламу, какие виды рекламы используются, какие преимущества этого вида рекламы, есть ли у фирмы интернет-сайт и т.д.

Для домашнего чтения преподавателем выбираются небольшие адаптированные интервью о семейном бизнесе из российских региональных журналов, которые служат прекрасным исходным материалом для заданий, связанных с написанием рекламы. Это интересно для студентов, они довольно успешно справляются с упражнениями, так как в опубликованных интервью собеседники называют девиз фирмы, конкретные услуги компаний, говорят о сильных сторонах своего бизнеса. Необходимо заметить, что для европейской студенческой аудитории понятен и близок прежде всего малый и средний бизнес, который, представлен семейными предприятиями, составляющими, например, в Австрии 54% от числа всех австрийских фирм и компаний. Многие из семейных династий известны всему миру: Глок, Майнл, Маннер, Палфингер, Сваровски и др. К сожалению, составители сертификационных тестовых заданий упустили из виду такую важную форму предпринимательской деятельности, как семейный бизнес.

Особый интерес у студентов вызывает сопоставительная работа со слоганами (см. об этом: [15]). В словацкой аудитории обучающимся предлагается сравнить словацкий, русский и немецкий слоганы; в австрийской – немецкий и русский. Например, в рекламе шоколада «Милка» исходным является слоган на немецком языке (в отличие от многих других реклам, в которых первым является английский вариант): *Milka. Ein Stück und du bist da!* (Милка. Один кусочек, и ты здесь!). Из слогана остается неясным, где именно будет находиться потребитель, когда он попробует шоколад. Видимо, для немецкоговорящих покупателей такая информация является избыточной. Конкретизация места действия находит отражение в русском слогане: *Милка. Один кусочек, и Вы в Альпийском мире!* Необходимо заметить, что в оригинале подчеркнуто обращение к потребителю *du*, выраженное личным местоимением *ты*. В то время как в русском варианте зафиксирована *Вы* форма, что свидетельствует о вежливом обращении к конкретному лицу-потребителю. Словацкий слоган, по мнению студентов, является самым неудачным: *Trúfni si na jemnosť* (Попробуй нежность). Многозначный глагол *trúfnuť si*, метафорически употребляемый в словацкой рекламе (см. о примерах метафорического употребления: [19, с. 437–440]), может переводиться, как «целиться», «пробовать», «давать».

Ярким примером возможной сопоставительной работы со слоганами на занятии, вызвавшей интерес у студентов, является сравнение реклам фирмы «Швепс». Все 3 слогана (немецкий, русский, словацкий) не дают конкретной информации потребителю о предлагаемом товаре. Остается не ясным, речь идет о напитке или еде. Без визуального ряда покупатель даже не знает, какой продукт ему предлагают: *Heute schon geschweppt; Шшшш! Знаете что?; Schweppes – neočakávaný zážitok od roku 1783*. Авторы слоганов акцентируют внимание на звуковых эффектах, звукоподражании, похожем на шипении вырывающихся из бутылки пузырьков газа, созвучном названию компании. В словацком варианте авторы, видимо, хотели подчеркнуть многолетний опыт производителя напитка, упоминая конкретный год основания компании «Швепс» (1783). Необходимо заметить, что это единственный слоган, в котором хотя бы дается наименование продукта, хотя и без его характеристики. В качестве комментария преподаватель может привести пример неудачного перевода в других языках. Например, в Италии под названием Schwepps Tonic water продавали Tonic water, что вводило в заблуждение покупателей. В процессе анализа студенты приходят к выводу, что неудачно сформулированный слоган может привести к непредвиденному культурному шоку, даже нанести ущерб марке или продукту.

Думается, что такого рода задания необходимы в иностранной аудитории, так как они позволяют подчеркнуть специфику межкультурной коммуникации (см. об этом: [16]; [17]; [18]; [20]; [21]), выраженной не только лингвистическими, но и психологическими, социальными и паралингвистическими средствами. Кроме того, такие упражнения повышают творческую активность студентов, способствуют пониманию важности лингвокультурологических знаний, мотивируют к более глубокому изучению иностранных языков.

В качестве заданий по письму авторами Тестового практикума предлагается написать текст рекламы для фирм, занимающихся производством (тканей, замороженных продуктов питания, офисной мебели) и продажей (бытовой техники и аксессуаров к автомобилям). Многолетний опыт работы в европейской аудитории показывает, что студентов интересует весь спектр услуг современного российского бизнеса, а именно юридические, дизайнерские, парикмахерские

услуги, услуги туристического бизнеса и т.д. Преподаватель предлагает написать студентам текст рекламы для известных австрийских и словацких фирм, активно сотрудничающих с российскими фирмами, для русских партнеров. Педагог обращает внимание на наличие важных составляющих рекламы, среди которых: слоган, название фирмы, название страны-производителя, наименование и виды продуктов (продукции), характеристика качества продукции, скидки в розницу и оптовых покупателей, скидки для постоянных клиентов, сроки гарантийного обслуживания, виды доставки товара, реквизиты фирмы (адрес, телефон, факс). После просмотренных презентаций о плодотворном сотрудничестве регионов и предприятий, которые делали сами студенты, накопленного запаса лексики и отработанных грамматических конструкций обучающиеся с удовольствием пишут рекламные тексты для австрийских предприятий: компании «Крайслер», косметической фирмы «Стикс», компании «Клема», занимающейся производством керамической массы для зубных протезов, компании «Эудора», которая изготавливает стиральные машины и др. Словацкие студенты живо интересуются российскими проектами на территории Словакии и пишут рекламу для основанного на российских технологиях Циклотронного центра Словацкой республики с целью привлечь иностранный капитал.

После плодотворной работы по чтению и письму аудирование, как правило, не вызывает трудностей у иностранных студентов. Более того, опыт работы показал, что прослушивание рекламных текстов, в отличие от предлагаемых других блоков, включающих деловые разговоры в офисе и по телефону, а также бизнес-хроники, кажется студентам самой легкой частью, что, в принципе, и является результатом последовательной работы с языковым материалом.

Таким образом, комплексное введение языкового материала на каждом этапе обучения с учетом регионального компонента и национально-ориентированного подхода помогает сделать процесс изучения русского языка эффективным и интересным. Описанный опыт работы по подготовке студентов продвинутого этапа обучения к сдаче экзамена по русскому языку делового общения на базовый сертификационный уровень, накопленный в европейских вузах, думается, будет полезен не только преподавателям, но и разработчикам учебных и экзаменационных заданий.

Литература

1. Баженова, Е.А. Язык и стиль рекламы / Е.А. Баженова, О.В. Протопопова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. – Москва: Флинта: Наука, 2006. – С. 635–642.

2. Базанова, А.Е. Язык современной российской рекламы / А.Е. Базанова // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 2. – С. 80–82.

3. Блюм, Т. Путь к успеху. Weg zum Erfolg. Russisch für Alltag und Beruf: Kursbuch / Т. Блюм, Е. Горелова. – Wien: facultas. wuv., 2014. – 192 с.

4. Блюм, Т.Д. Региональный компонент в практике преподавания русского языка делового общения для иностранцев / Т.Д. Блюм, Е.С. Малеева // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года): в 15 т. – Санкт-Петербург: МАПРЯЛ, 2015. – Т. 10. – С. 149–154.

5. Калиновская, М.М. Тестовый практикум по русскому языку делового общения. Бизнес. Коммерция. Внешнеторговая деятельность. Базовый сертификационный уровень / М.М. Калиновская, Н.В. Большакова, Н.Б. Глива, М.В. Игнатьева, Т.Э. Корепанова, Е.Г. Марочкина, И.В. Шурупова. – Москва: Русский язык, 2013.

6. Клюев, Е.В. Речевая коммуникация / Е.В. Клюев. – Москва: Издательство ПРИОР, 1998. – 224 с.

7. Клушина, Н.И. Искусство обольщения / Н.И. Клушина // Русская речь. – 2001. – № 4. – С. 62–64.

8. Кохтев, Н.Н. Реклама: искусство слова. Рекомендации для составителей рекламных текстов / Н.Н. Кохтев. – Москва: Изд-во МГУ, 1997. – 96 с.

9. Кочетова, Л.А. Ценностные характеристики рекламного дискурса / Л.А. Кочетова // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 56–65.

10. Кромптон, А. Мастерская рекламного текста: пер с анг. / А. Кромптон. – Тольятти: Издательский Дом Довгань, 1995. – 256 с.

11. Мурашов, А.А. О некоторых особенностях языка рекламы / А.А. Мурашов // Русский язык в школе. – 2004. – № 4. – С. 82–87.

12. Олянич, А.В. Презентационная теория дискурса / А.В. Олянич. – Волгоград, 2004. – 507 с.

13. Рекламный текст: семиотика и лингвистика / отв. ред. Ю.К. Пирогова, П.Б. Паршин. – Москва: Изд-во Гребенникова, 2000. – 270 с.

14. Стернин, И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века / И.А. Стернин. – Воронеж, 2004. – 93 с.

15. Charfaoui, E. Komunikatívno-pragmatické a lingvokultúrne charakteristiky reklamného textu. 1. Vyd / E. Charfaoui. – Bratislava: Univerzita Komenského, 2014. – 141 s.

16. Müglová, D. a kol.: Komunikácia. Tlmočenie. Preklad alebo Prečo spadla Babylonská veža? / D. Müglová a kol. – Bratislava, Enigma, 2009. – 323 s.

17. Opalková, J. Komunitné tlmočenie. Vydavateľstvo FF Prešovskej univerzity / J. Opalková. – Prešov, 2013. – 114 s.

18. Opalková, J. Mediácia interkultúrnej komunikácie II. Súdny prekladateľ / J. Opalková. – Vydavateľstvo FF Prešovskej univerzity, 2012. – 201 s.

19. Opalková, J. Перевод лексических единиц иностранного происхождения / J. Opalková // Nové trendy v prevádzke výrobnej techniky III. – Prešov, 2000. – S. 437–440.

20. Sipko, J. Teoretické a sociálno-komunikačné východiská lingvokulturológie / J. Sipko. – Prešov, Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2011. – 320 s.

21. Zelenická, E.: Jazyk – súčasť a odraz kultúry / E. Zelenická. – In Acta FF ZČU 1/14, Západočeská univerzita v Plzni, 2014. – S. 192–207.

Рецензент – Ю.Н. Драчева, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникаций ВоГУ.

E.S. Maleeva, E. Charfaoui

STUDING ADVERTISING AT CLASSES OF BISINESS RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The article describes teaching experience in the universities of Austria and Slovakia, in particular preparing the advanced level students to pass their basic level exam in Business Russian; the possibilities of complex studying of advertising texts at classes are under consideration. The report presents the detailed analysis of drills and examination assignments suggested by the scientists of The Pushkin State Russian Language Institute. The authors come to a conclusion that development of teaching Business Russian should be aimed at increasing regional component.

Russian as a foreign language, business communication, advertising.

УДК 37.013.46

Н.Б. Розова, Е.Б. Якимова
Вологодский государственный университет

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

В статье рассматривается проблема реализации междисциплинарности с позиций компетентностного подхода в обучении. Авторами предлагается процессуальный уровень междисциплинарности через развитие метапредметных умений.

Междисциплинарность образования, метапредметность, универсальные учебные действия, компетентностный подход в обучении.

Современный уровень развития социальных процессов, науки и технологий ставят новые задачи перед молодым поколением. Шестой технологический уклад, в который сейчас входят развитые страны, в ближайшие десятилетия станет доминирующим, будет определять качество и стиль жизни социума. Основой зарождающегося нового уклада выступают нано- биокогнито- информационные- социальные (НБИКС) технологии. Являясь по самой своей природе конвергентным, базирующимся на интеграции достижений самых различных областей знания, формирующийся сейчас уклад потребует от работника не только узкой специализации, но и определенной универсальности.

Значительная часть современных школьников уже сейчас понимает, что для успешной работы, продвижения карьеры мало иметь один диплом об окончании вуза, лучше иметь несколько дипломов об образовании. Профессионал 21-го века – это специалист самого широкого профиля, для которого не существует непроходимого барьера между смежными и не смежными дисциплинами, между гуманитарной и естественнонаучной сферой знания. Специалист такого уровня способен включаться в междисциплинарное взаимодействие для решения сложных комплексных задач и осваивать различные профессиональные языки и практики. В этой связи приобретает особое значение формирование у школьников и студентов не только предметных компетенций, но и широкого круга метапредметных компетенций, «предполагающих овладение основными универсальными учебными действиями: регулятивными, коммуникативными, познавательными; способами деятельности, применяемыми как в рамках образовательного процесса, так и при решении проблем в реальных жизненных ситуациях, освоенные обучающимися на базе одного, нескольких или всех учебных предметов» [6].

Надо отметить, что в развитии науки имеют место как процессы расхождения, дифференциации дисциплин и их языков описания, так и процессы сближения. По словам академика М. Ковальчука, главным содержанием изменения парадигмы развития научной и профессиональной сфер «является переход от узкоспециализированной науки и отраслевых технологий к интегрированной междисциплинарной науке и природоподобным технологиям. Этот процесс может быть успешным только при соответствующей трансформации научно-образовательной сферы, ее адаптации к новым задачам» [3]. Именно этим обусловлена необходимость изменения требований к подготовке педагогов в системе высшего образования. Сейчас выпускнику мало хорошо знать «свой» предмет, не менее важным становится выход на междисципли-

нарный уровень, отражающий методологию предмета, прорывные зоны его развития и методы конвергенции с другими типами знаний.

В научных исследованиях междисциплинарность рассматривается и осмысляется в разных аспектах. Так, в философском словаре [9] под междисциплинарностью понимается «осмысление, осуществляемое за рамками конкретной определенной научной дисциплины». Авторы статьи выделяют следующие варианты реализации междисциплинарного подхода:

- перенос языка описания одной научной области (дисциплины) в другую область;
- применение нескольких конфигурированных друг с другом языков для описания разных сегментов сложного комплекса проблем и задач;
- рождение новой научной дисциплины, когда при использовании нового языка создается новый синтез, открывающий новую реальность.

Представляет интерес позиция А.Н. Книгина, который междисциплинарность рассматривает не как «область пересечения или стыковки различных научных дисциплин, а как область «между», то есть именно область расхождения, которая ставит специфические познавательные и образовательные задачи». Тогда главная проблема междисциплинарности заключается в создании теоретического поля, «покрывающего» пространство «между» без образования новой предметности [4].

Любое обучение, прежде всего, является дисциплинарным, но оно должно формировать и междисциплинарное мышление, базирующееся прежде всего на систематизации знаний и методологии исследования. Выявление взаимосвязей между различными сферамина основе междисциплинарности формирует адекватное мировоззрение личности в процессе развития, расширяет кругозор понимания.

Идеи использования междисциплинарного подхода в обучении выдвигали А. Дистервег, Я.А. Коменский, Д. Локк, К.Д. Ушинский и другие выдающиеся педагоги. Вопросам формирования научного мировоззрения учащихся на основе реализации межпредметных связей естественных наук занимались Н.М. Верзилин, Ш.И. Ганелин, А.В. Усова и др. В последнее время в отечественной педагогике в понятие междисциплинарность стали включать понятия «интеграция наук» и «межпредметные связи». Междисциплинарность отражает взаимосогласованность учебных программ различных предметов, обусловленную системой наук и дидактическими целями [7]. Отличия понятий «межпредметные связи» и «интеграция» заключаются в том, что межпредметные связи определяют форму и принципы взаимодействия учебных дисциплинами, а интеграция образует целостность восприятия объекта; во-вторых, межпредметные связи показывают единство различных наук для обобщения и систематизации знаний, но не дают нового качества знаний. Междисциплинарная интеграция дает возможность изучения объекта или явления с разных позиций, обобщенными или различными методами, в результате чего создается новый способ понимания, целостное восприятие объекта изучения.

В практике преподавания междисциплинарность может включаться в учебные предметы как:

- межпредметная интеграция, где знания одной дисциплины переносятся в другую;
- организация деятельности учащихся по исследованию объекта или проблемы с точки зрения различных дисциплин;
- овладение общенаучными, универсальными подходами в познавательном процессе.

Реализация межпредметных связей в обучении должна осуществляться не только на содержательном, но и на методологическом уровне, так как именно это способствует пониманию и осознанию различных учебных дисциплин как единого целого, овладению учащимися общенаучными приемами умственной деятельности и методами научного познания [5]. Включение в занятие методологической составляющей, отражающей специфические особенности познавательной деятельности, выведет процесс обучения на метапредметный уровень. В этом ключе формирование у учащихся научной картины мира как задачу и результат обучения можно рассматривать не только с позиции совокупности современных знаний об окружающей реальности, но и с позиций процесса их познания.

Таким образом, возникает необходимость выхода на метапредметный уровень школьных и вузовских образовательных программ и технологий обучения, обеспечивающих «интеграцию учебных дисциплин на процессуальной основе, а также перенос умений когнитивного характера из одной сферы в другую» [2].

В тексте Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования отражены основные положения планируемых результатов, среди которых особо выделены метапредметные, включающие межпредметные понятия и универсальные учебные действия (регулятивные, познавательные, коммуникативные), способность их использования в учебной, познавательной и социальной практике, самостоятельность планирования и осуществления учебной деятельности и организации учебного сотрудничества с педагогами и сверстниками, построение индивидуальной образовательной траектории. Поэтому метапредметные результаты могут быть определены как освоенные учащимися в рамках изучения одного или нескольких учебных предметов такие способы деятельности, которые можно применить как для решения учебных задач, так и для решения проблем в реальных жизненных ситуациях [8].

В современной педагогической науке существует несколько подходов к пониманию и толкованию метапредметных результатов обучения. Один из подходов, в основу которого положена идея «метапредмета» как отдельного предмета, называемого «неординарным учебным предметом», сформулировали А.В. Хуторской и Н.В. Громыко. В зависимости от специфики мыслительной деятельности авторы выделяют определенные классы метапредметов (задача, проблема, знак, знание) и предлагают выстраивать обучение вокруг фундаментальных образовательных объектов. «Метапредмет – это не особый, деятельностный «срез» предмета, но именно основосоздающая часть предмета. В этом смысле организация метапредметного содержания образования отражает принцип человекосообразного обучения. Метапредметный подход в обучении реализуется следующим образом.

Сначала в содержании образования выделяются фундаментальные образовательные объекты, метапредметные первосмыслы. К таким объектам относятся-число, время, алгоритм, буква и т.д. Затем определяются учебные метапредметы, которые могут входить в обычные учебные курсы в виде метапредметной темы или раздела. Далее необходимо организовать метапредметную деятельность [11].

Авторы другого подхода – А.Г. Асмолов, С.Г. Воровщиков – рассматривают метапредметный подход как комплексный подход к формированию межпредметных результатов обучения. Самой важной задачей новых образовательных стандартов является формирование универсальных (метапредметных) учебных действий (УУД). Они дают школьникам возможность развить «умение учиться», способность к самостоятельной работе, саморазвитию и самосовершенствованию.

В настоящее время необходимыми и важными становятся не только сами знания, но и знание о том, где и как их применять. Но еще важнее – знание о том, как эту информацию добывать, интегрировать или создавать.

На идеях А.Г. Асмолова основано понимание метапредметной деятельности как УУД [1]. Достижение метапредметных результатов обеспечивается за счет основных компонентов образовательного процесса, то есть всех учебных предметов основного учебного плана и применяется учащимися как в рамках образовательного процесса, так и при решении реальных повседневных задач в окружающем мире. Источниками метапредметности могут выступать как фундаментальные образовательные объекты (понятия, явления), ключевые (метапредметные) компетенции, которые по своей сути являются метапредметными, так как они не ограничиваются рамками конкретных предметов, носят общий, универсальный характер, так и метапредметные виды деятельности (целеполагание, рефлексия и т.п.) [10].

Метапредметность, конечно, выходит за предметы или учебные дисциплины, но не уходит от них. Метапредмет – это то, что стоит за (над) предметом или несколькими предметами, лежит в их основе, но и одновременно находится в связи с ними. Метапредметность не может быть оторвана от предметности, то есть невозможно получить метапредметный результат без предметного содержания. Соответственно и проверить сформированнность метапредметных результатов обучения можно основываясь на предметном содержании.

Физика обладает широкими возможностями для формирования метапредметных компетенций у учащихся. Этому способствует и многообразие видов учебно-познавательной деятельности, и мировоззренческая компонента содержания, и, конечно, возможность применения полученных знаний и умений в практической и повседневной деятельности. В ходе освоения физики ученик вовлекается в той или иной степени во все этапы научного познания, направленного на развитие научного мышления, реализацию творческих способностей и, в конечном счете, формирование научной картины мира.

Взяв за основу предметный материал, изучаемый на уроках, необходимо разработать задания, в которых кроме предметной составляющей можно проверить и сформированность метапредметных умений, таких как умение формулировать понятия, делать обобщения, классифицировать, проводить аналогии, подбирать основания и критерии для классификации, устанавливать причинно-следственные связи, выстраивать логические рассуждения, делать выводы; преобразовывать знаки и символы, моделировать и применять схемы для решения учебных и познавательных задач.

Эффективным средством развития метапредметных навыков и компетенций на уроках физики можно считать вовлечение учащихся в учебную иссследовательскую деятельность. Не менее важными для развития метапредметных умений являются проекты учащихся, которые органично сочетают предметность и междисциплинарность. При оценивании метапредметных результатов обучения целесообразно использовать задания, проверяющие сформированность регулятивных, коммуникативных и познавательных универсальных действий, направленных на анализ и управление своей познавательной деятельностью. В качестве итогового оценивания может выступать процедура защиты индивидуального проекта.

Особенности оценки метапредметных результатов связаны с природой универсальных учебных действий. Метапредметные действия, являясь, по сути, ориентировочными действиями, составляют основу успешности решения учащимися учебных предметных задач. Уровень сформированности универсальных учебных действий, представляющих собой содержание и объект оценки метапредметных результатов, может быть измерен с помощью специально разработанных диагностических задач, ориентированных на оценку сформированности конкретного вида универсальных учебных действий. Качественной и количественной оценке можно подвергать инструментальную основу выполнения практических учебных задач средствами учебных предметов. В зависимости от степени успешности выполнения таких заданий, учитывая характер ошибок, допущенных учащимся, можно сделать вывод об уровне сформированности ряда познавательных и регулятивных действий. Учебные задачи, требующие коллективно-распределенной работы учащихся, позволяют оценить в том числе и сформированность коммуникативных учебных действий. Достаточно объективными системами оценивания метапредметных результатов на сегодняшний момент в мире признаны комплексные задания, разработанные в рамках международных исследований PISA, PIRLS и TIMS.

Существуют определенные трудности, связанные с разработкой инструментария для оценки метапредметных результатов обучения. Среди них особо можно выделить следующие проблемы:

– разделение оценочных процедур при оценке предметных и метапредметных результатов;

– подбор текстов для оценки читательской грамотности (соответствие возрастным особенностям современных детей, их интересам и потребностям, тестологическим требованиям и др.);

– разработка заданий, активизирующих познавательную деятельность обучающихся;

– обеспечение качества измерительных материалов;
– интерпретация и использование результатов.

Таким образом, реализация идеи междисциплинарности в учебном процессе с позиций компетентностного подхода требует выделения метапредметного уровня изучаемых дисциплин и разработки системы посредством включения их в предметные.

Литература

1. Асмолов, А.Г. Как проектировать универсальные учебные действия в начльной школе: от действия к мысли: пособие для учителя / А.Г. Асмолов, Г.В. Бурминская, И.А. Володарская и др.; под ред. А.Г. Асмолова. – Москва: Просвещение, 2008.

2. Дружинин, В.Н. Экспериментальное исследование формирующего влияния среды на креативность / В.Н. Дружинин, Н.В. Хазратова // Психологический журнал. – 1994. – № 4. – Т. 15. – С. 83–93.

3. Заседание Совета по науке и образованию при Президенте РФ (24.06.2015) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kremlin.ru/ events/president/news/49755 (дата обращения: 25.08.2015)

4. Книгин, А.Н. Междисциплинарность: основная проблема / А.Н. Книгин // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – Томск, 2008. – № 3 (4). – С. 14–20.

5. Комаров, Б.А. Междисциплинарное взаимодействие в контексте современного школьного образования / Б.А. Комаров // Человек и образование. – 2013. – № 4. – С. 38–42.

6. Метапредметные компетенции в требованиях ФГОС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// nsportal.ru/ shkola/materialy-metodicheskikh-obedinenii/library/2013/03/01 /metapredmetnye-kompetentsii-v

7. Новиков, Д.А. Введение в теорию управления образовательными системами / Д.А. Новиков. – Москва: Эгвес, 2009. – 156 с.

8. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации № 1897 от 17.12.2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://isaklysoh.ucoz.ru/fgos/FGOS_OO.pdf

9. Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / под ред. Г.Л. Тульчинского, М.Н. Эпштейна. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. – 512 с.

10. Свитова, Т.В. Три способа реализовать метапредметный подход на уроке / Т.В. Свитова // Новые образовательные стандарты: метапредметный подход: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 22–24 янв. 2014 г.

11. Хуторской, А.В. Метапредметный подход в обучении: научно-методическое пособие / А.В. Хуторской. – Москва: Эйдос; Изд-во Института образования человека, 2012. – 73 с.

Рецензент – Ф.И. Кевля, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии ВоГУ.

N.B. Rozova, E.B. Yakimova

EDUCATION INTERDISCIPLINARY IN THE CONTEXT OF COMPETENCE APPROACH

The article deals with the problem of implementation of interdisciplinary from the standpoint of competence approach in teaching. The authors propose a procedure level of interdisciplinary through the development of metasubject skills. Physics has a broad range of capabilities for forming metasubject competencies in students. This includes the variety of teaching types and learning activities, ideological component of the content, and the opportunity to apply the knowledge and skills in the practical and daily activities, aiming at the development of scientific thinking and the implementation of creative abilities, and ultimately the formation of a scientific picture of the world.

Interdisciplinary education metasubject, universal education action competence approach in teaching.

УДК 37.01

В.А. Тестов
Вологодский государственный университет

О ПРОБЛЕМЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Задачи, стоящие перед российским образованием в условиях информационного общества и новых образовательных стандартов, необходимо решать путем перехода к новым методологическим принципам самоорганизации и саморазвития образовательных систем. В иерархии образовательных целей на самом верху должны находиться стратегические цели достижения ценностей образования.

Информационное общество, цели и ценности образования, самоорганизация, саморазвитие, стратегические цели.

Наш век вполне обоснованно тесно связывают с развитием информационных технологий, которые проникают буквально во все сферы жизни общества. В информационном пространстве, расширяющемся со все большей скоростью, кардинально меняются формы сбора, обработки, преобразования, передачи и накопления информации. Благодаря доступности больших объемов информации у человека возникают дополнительные возможности реализовать собственный интеллектуальный потенциал. Однако развитие информационного общества порождает и новые серьезные проблемы.

Одним из последствий стремительного процесса информатизации явился общий кризис системы образования. Классическая парадигма образования, сложившаяся в эпоху Я.А. Коменского, строившаяся на классно-урочной системе обучения и просуществовавшая несколько веков, приходит все в большее противоречие с современными реалиями информационного общества.

Раньше социальный заказ нацеливал на то, что главное в образовании – обучение, передача информации, а теперь главное в образовании – развитие, формирование личности обучающегося, способного, в частности, самостоятельно добывать и перерабатывать информацию. Все это нашло отражение в Федеральном государственном образовательном стандарте общего образования (ФГОС) нового поколения.

Общее направление изменений в школьном образовании, как отмечает В.С. Лазарев, в ФГОС задано правильно, но качество их проработки оставляет желать лучшего. ФГОС задает контуры школьного образования будущего, но то, как осуществляется провозглашенная масштабная реформа, вызывает опасения, что все сведется к очередным декларациям и «отчетно-бумажной» модернизации. Декларации провозглашаются правильные, но полноценные условия для их практической реализации не создаются [6].

Это вызвано несколькими обстоятельствами, в частности тем, что нормативная модель образовательной деятельности, заданная ФГОС, не была обеспечена дидактическими средствами ее реализации. Содержание школьных предметов остается по-прежнему в рамках традиционной парадигмы. Фактически не разработан отвечающий требованиям ФГОС комплекс контрольно-измерительных средств оценки результатов образования. ЕГЭ ориентирует на достижение совсем не тех результатов, которые провозглашает стандарт. Он ориентирован на консервацию ассоциативно-репродуктивной модели образования в худшем ее варианте. Однако результаты ЕГЭ принимаются главными критериями качества работы школы. Наконец, уставшие от череды «реформ» учительство и директорский корпус не видят необходимости в радикальных изменениях в системе образования и немотивированы на них.

Идеология нового школьного стандарта, как отмечают А.А. Кузнецов и Е.В. Чернобай, уже не укладывается в рамки классно-урочной системы. Урок, как основа классно-урочной системы, начинает вступать не только в технологические и процессуальные, но, в известной мере, и в идеологические противоречия с концептуальными позициями нового школьного стандарта. Авторы убедительно показали, что переход школы на ФГОС нового поколения порождает кризис классно-урочной системы [5].

Создание нужных условий для реализации ФГОС – длительный трудоемкий процесс. Прежде всего следует отказаться от стратегии развития путем реформирования и перейти на стратегию устойчивого эволюционного развития. Идущие сверху реформы редко бывают успешными: эффективное управление самоорганизующейся системой возможно только в случае вывода ее на собственные пути развития, а вовсе не в условиях навязывания жестких схем и планов, присущих традиционному подходу.

Попытки силового давления на сложную высокочувствительную систему, каковой является любая образовательная система, могут привести к ее разрушению или к отклонению от оптимального пути развития. Но и отказ от управления чреват долгим блужданием системы в поисках своего пути. Отсюда вытекает необходимость осторожного обращения с образовательными системами. Не следует ни «пережимать», ни отступать, – ибо пережим, как и полный отказ от воздействия, могут толкнуть систему из од-

ного хаотического состояния в другое. Необходима внутренняя самоорганизация и саморазвитие системы образования.

Для обучения в условиях информационного общества важно не столько внимание к техническим устройствам для передачи информации, сколько обнаружение, анализ и совершенствование механизмов, позволяющих информацию создать, переработать, осмыслить и запомнить. Информатизация образования должна активизировать самостоятельность обучающихся, призвана способствовать индивидуализации учебного процесса, постепенному переходу от обучения к самообучению.

В новой системе образования следует, прежде всего, отказаться от строгой упорядоченности традиционных подходов к образованию; ее методологической основой должна стать теория хаоса, беспорядочности, когда в учебный процесс вводится фактор непредсказуемости, а главные усилия направлены на создание мощной творческой среды, где каждый обучающийся имеет право самостоятельно выбирать и конструировать свою образовательную траекторию. Образовательная парадигма в информационном обществе должна опираться на постнеклассическую методологию и синергетическое мировидение.

Исходя из этих установок обратимся к проблеме целеполагания в образовании, которая в последнее время стала одной из наиболее обсуждаемых в педагогической среде в связи с внедрением в школы новых ФГОС. Эта проблема была и остается одной из наиболее фундаментальных проблем педагогики. Спор вокруг этой проблемы имеет давнюю историю. Каждая эпоха, каждое государство ставили свои цели и задачи перед образованием. Цели определялись исходя из господствующей в данном обществе идеологии и доминирующей в нем системой ценностей. Формулировались цели в форме социального заказа, а способы, средства и методы обучения, прежде всего, зависели от поставленной перед образованием цели.

На протяжении всей истории образование имело две основные цели:

- интеллектуальное развитие учащихся, формирование интеллектуальных и нравственных качеств личности, необходимых человеку для полноценной жизни в обществе;
- овладение конкретными специальными знаниями, умениями и навыками, необходимыми для применения к практической деятельности.

Попытки сочетать в педагогическом процессе обе цели наталкиваются на принципиальную трудность. Эти цели, как отмечает ряд ученых, объективно антиномичны [7, с. 17]. Поэтому одна из них неизбежно носит подчиненный характер, служит средством для достижения второй цели.

Соотношение между двумя этими группами целей было разным в разные эпохи. Долгое время на ученика смотрели как на некоторый сосуд, который нужно наполнить знаниями, а на учителя – как на источник, из которого этот сосуд наполняется. Главным считалось накопление знаний, которые пригодятся в будущем. Обучение чаще всего сводилось к заучиванию некоторых фактов. Другой стороне учебных предметов, их возможностям в формировании духовной культуры личности, уровня интеллектуального развития человека, уделялось значительно меньше внимания.

Сейчас положение в обществе коренным образом изменилось: человек должен сам решать, что ему делать и как жить. И правильность решения определяется, в первую очередь, не накопленными впрок знаниями, а уровнем интеллектуального развития человека и его нравственным обликом. Поэтому на первый план выдвигаются цели, связанные с развитием личности, с учетом потребностей человека информационного общества, что поставило вопрос о необходимости создания новой образовательной среды, новых организационных форм образовательного процесса. Во главу угла в новом стандарте поставлена личность школьника, формирование которой является целью и смыслом образования. Все это нашло отражение в новом ФГОС.

В настоящее время в педагогической науке доминирует точка зрения, согласно которой любая человеческая деятельность определяется целью. Причем большинство педагогов считает, что чем четче поставлена цель, тем лучше, тем эффективнее будет протекать учебно-воспитательный процесс. Так еще Я.А. Коменский подчеркивал, что основной недостаток педагогической деятельности – неопределенность ее целей. Важнейшим современным достижением технологического подхода в обучении считается постановка четких диагностируемых целей, которые за определенный промежуток учебного времени должны обязательно достигаться.

По мнению М.Е. Бершадского и В.В. Гузеева, цель должна быть диагностична и задана операционально, т.е. в ее формулировке должно быть указание на средства достижения этой цели. Если же формулировка цели не обладает такими свойствами, например, такие как, «сформировать гармонически развитую личность», «развить эстетический вкус», то такая цель лишается своего деятельностного смысла и перестает быть стержнем образовательного взаимодействия учителя и учеников [1, с. 55]. За общими абстрактными формулировками целей такого типа, по мнению авторов, скрывается отсутствие содержательного видения желаемых результатов.

Однако всегда ли полезна такая определенность, жесткость целей? Наиболее популярной в недавнее время считалась система учебных целей, разработанная Б. Блумом. Но у Б. Блума цели обучения трансформированы в учебные действия, которые определяют уровни усвоения учебного материала, а параметры его системы в основном ориентированы не на развитие ученика, а на знания.

Жесткая технология, как заметил М.В. Кларин [4], всегда предполагает соответствие цели и результата, творчество же, наоборот, предполагает их рассогласование. По его мнению, имеется противоречие в том, что однозначная постановка цели сужает возможности неожиданных (незапланированных) результатов, но в то же время без постановки цели нет и самой деятельности.

На наш взгляд, противоречия здесь нет, цели необходимо ставить перед любой педагогической деятельностью. Как установлено новейшими исследова-

ниями, цели обучения должны носить системный характер, а значит должна соблюдаться их иерархичность. В этой иерархии целей могут присутствовать как однозначно определенные цели (реальные цели, цели-«планируемые результаты»), так и цели общего характера (цели-«направления», цели-«векторы»).

Перспективные цели находятся на самом верху иерархии, как главные мотивы, идеальные цели, цели, простирающиеся в вечность, цели-«векторы» самого общего характера, рассчитанные на весь период обучения. Эти цели-«векторы» направлены на достижение ценностей образования. Такие цели мы называем *стратегическими*. К таким целям надо стремиться, но не к определенному сроку. Это вполне могут быть цели типа «сформировать гармонически развитую личность», не признаваемые авторами технологий [8].

Такие цели не поддаются количественному анализу, трудно диагнозируемы, нет и прямых указаний на средства достижения таких целей. С точки зрения сторонников технологического подхода такими образовательные цели вообще не могут быть. Тем не менее, на протяжении всей истории образования именно такие цели составляли и составляют смысл педагогической деятельности, были и остаются стержнем образовательного взаимодействия учителя и учеников.

На нижних уровнях иерархии находятся «планируемые результаты» – конкретные четкие цели изучения на уроке отдельной темы. Четкость цели в этом случае действительно только полезна, т.к. она отражает получение предметного знания, знания как результата. Такая постановка возможна на отдельном уроке или при изучении отдельной темы, т.е. когда промежуток учебного времени небольшой (например, один или несколько уроков).

Приобретение же личностных качеств, личностного знания, происходит, как правило, длительный промежуток времени, причем для различных учеников требуется различное время (оно может различаться в десятки раз). Не представляется возможным однозначное описание такого знания с помощью эталонов результата. Если же цели обучения ставятся на длительный промежуток времени (например, на учебный год или на несколько лет), то четко определенные, жесткие цели оказываются или недостижимыми, или даже вредными и поэтому в этом случае нужны цели общего ценностного характера.

Постановка жестких целей – это зачастую путь к ошибочным действиям. Более того, стремление заранее, на несколько лет вперед все распланировать и оптимизировать может при определенных условиях привести к полному провалу. Жесткие цели образования предполагают принуждение учеников и самого учителя к их достижению, а принуждение всегда неэффективно и разрушительно. «Цели образования – дело тонкое. Они модифицируется по мере их достижения. Если они неадекватны, то не помогает даже “железная воля”» [3, с. 18].

Поэтому необходимо введение обратной связи, т.е. зависимости принимаемых решений не только от планов, а от реального состояния дел. Значит и цели обучения должны или все время меняться или носить общий ценностный характер с тем, чтобы к цели могли вести разные пути.

Позиция учителя при формировании личности и ее ценностей должна быть активной все время, учитель должен соотносить свои действия с самоопределением подростком в выборе своих ценностей во всем многообразии ценностных позиций. Нельзя силой приказа или интеллектуального внушения направить такой выбор в желательное для учителя русло. Учитель может достичь такой цели, только уважая право ученика выбрать ту ценность, которую он переживает как истинную. Сделать можно это при условии, если такой выбор будет осуществляться средствами межсубъектного диалога, т.е. если влияние учителя не будет нарушать самоорганизационной доминанты обучающегося. На это обстоятельство указывает и В.П. Зинченко: «Если личностно ориентированное обучение не звук пустой, то целеполагание – это совместный акт учителя и учащихся» [3, с. 18].

Следует заметить, что некоторые философские направления вообще отвергают категорию цели. В частности, прагматизм не считает человеческое поведение целенаправленным. Экзистенциализм отрицает не вообще цель и не целеполагание как таковое, а отрицает объективную обусловленность цели человеческого поведения в нашем абсурдном мире и отдает целеполагание самому субъекту. С точки зрения синергетического мировоззрения неправомерно смешивать понятия цели и смысла: отсутствие цели не означает отсутствия смысла [2, с. 45].

Необходимо различать два близких понятия: ценности и цели. Ценности – некоторые черты, характеристики реальности (подлинной или воображаемой), относительно которых существует установка глубокого приятия, крайней желательности их воплощения. Ценности выполняют функцию перспективных стратегических жизненных целей и главных мотивов жизнедеятельности.

Цель, в отличие от ценности, – осознанное предвосхищение результата деятельности, – это образ желаемого результата, который хотят получить к определенному моменту времени. Если человек понимает, какие проблемы он должен решить, то в целях он должен зафиксировать, какие конкретные результаты нужно получить к определенному сроку. Высокая значимость – ценность – какого-либо объекта может побудить данного человека стремиться к обладанию этим объектом, т.е. поставить перед собой такую цель. Таким образом, ценность как переживаемое отношение и цель как предвосхищенный результат деятельности могут быть направлены на одни и те же объекты, но располагаются они в различных плоскостях рассмотрения.

Долгое время в кибернетике, начиная с Н. Винера, считалось постулатом наличие у любой системы определенной цели, поскольку, как казалось, только при этом условии можно строить стратегию и тактику деятельности. Однако «только для искусственной системы деятельность полностью определяется заранее известной целью, заданной извне», как, скажем, для ракеты или радиоприемника. Человек может сам ставить себе цели и порой делает это, но по отношению к ценностям личности его цели занимают подчиненное положение, как в свою очередь средства по отношению к целям. «Цель, – как отмечают В.П. Бранский и С.Д. Пожарский [2, с. 45] – есть субъективный

образ, а воплощение этого образа в действительности – результат сознательной деятельности субъекта. Между тем предельное состояние самоорганизации системы (суператтрактор) есть результат столкновения (взаимодействия) разных целенаправленных действий, вообще говоря, мешающих осуществлению друг друга. В этом отношении движение к такому состоянию бесцельно».

Личность скорее ощущает свои ценности, чем сознает свои цели. В процессе развития она вырабатывает нормы, ценности и идеалы, которые вместе со всеми внешними обстоятельствами и определяют ее путь. Известный философ Майкл Поляни заметил: «Людям нужна цель, простирающаяся в вечность». По мнению Э.Н. Гусинского, проблема определения такой цели, возможно, не может быть решена только на научных основаниях, поскольку ценности принадлежат не одному только сознанию, но всей целостности личности, а в них много бессознательного. Обычно они только смутно ощущаются.

При развитом самосознании ценности, вообще говоря, могут быть явно не выражены, а только весьма приблизительно. В понятии же цели, наоборот, важен аспект осознанности: человек может определять цели себе самому, другим людям или техническим устройствам; приписывать их другим людям, сообществам, природным или даже воображаемым объектам. В педагогической среде с многочисленными случайностями, цели могут меняться в процессе взаимодействия личности с окружающим миром, поскольку они постоянно поверяются ценностями.

В информационном пространстве субъект самостоятельно определяет цели и задачи своей образовательной деятельности, конкретизируя их для себя, проявляя свои личностные смыслы и выделяя то, что близко и значимо для него самого. Последнее будет проявляться и в отборе содержания, и в способах достижения поставленных целей. Но для сложных систем цель внутри самой системы может быть и не видна, т.е. она является метацелью, которая прослеживается только для стороннего наблюдателя. Таким сторонним наблюдателем может быть, прежде всего, педагог, другие партнеры из внешней среды. Они могут оказать не только помощь и поддержку обучающемуся в его учебной работе, но и помочь скорректировать цели его образовательной деятельности.

Необходимо в условиях широкого использования информационных технологий создавать в образовании такие условия, при которых обучающийся начинает управлять своими действиями, рефлексировать результаты этих действий и оперативно вносить коррективы в образовательный процесс. Новые условия должны инициировать самореализацию обучающихся в решении образовательных задач, способствовать презентации продуктивных, творческих результатов и их сетевых обсуждений, стимулировать рефлексивные реакции обучающихся и т.п. Самое главное в образовательной деятельности в условиях информационного общества – стимулирование формирования общественно значимых качеств личности.

Литература

1. Бершадский, М.Е. Дидактические и психологические основания образовательной технологии / М.Е. Бершадский, В.В. Гузеев. – Москва: Центр «Педагогический поиск», 2003. – 256 с.
2. Бранский, В.П. Синергетический историзм как новая философия истории / В.П. Бранский, С.Д. Пожарский // Синергетическая парадигма. – Москва: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 36–49.
3. Зинченко, В.П. Живое знание / В.П. Зинченко. – Самара, 1998.
4. Кларин, М.В. Технология обучения: идеал и реальность / М.В. Кларин. – Рига, 1999.
5. Кузнецов, А.А. Кризис классно-урочной системы при переходе школы на ФГОС нового поколения / А.А. Кузнецов, Е.В. Чернобай // Педагогика. – 2015. – № 2. – С. 19–26.
6. Лазарев, В.С. ФГОС общего образования: блеск деклараций и перспективы реализации / В.С. Лазарев // Педагогика. – 2015. – № 4. – С. 10–19.
7. Сенько, Ю.В. Целеполагание в педагогическом процессе / Ю.В. Сенько // Педагогика. – 2015. – № 1. – С. 14–22.
8. Тестов, В.А. Ценности российской цивилизации как стратегические цели образования / В.А.Тестов // Педагогика. – 2009. – № 1.– С. 15–21.

Рецензент – Ф.И. Кевля, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии ВоГУ.

V.A. Testov

TO THE QUESTION OF GOAL-SETTING IN THE INFORMATION SOCIETY

In the conditions of information society the tasks Russian education faces with and new teaching standards need to be accomplished by the transition to the new methodological principles of self-organization and self-development of educational systems. The strategic goals of achieving education values should be at the top in the hierarchy of long-term educational objectives. Self-realization of students will help them in solving their educational problems as well as controlling their educational process, it also will stimulate reflexive reaction of students.

Information society, the purpose and values of education, self-organization, self-development, strategic goals.

НАУЧНЫЕ ОТЧЕТЫ, РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

В.А. Саблин
доктор исторических наук, доцент,
зав. кафедрой всеобщей истории и исторических дисциплин,
декан исторического факультета ВоГУ

ОТЧЕТ О ПРОВЕДЕНИИ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА: ПРОБЛЕМЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ»

В 2015 г. Россия отметила важную историческую дату – 70-летие Победы нашего народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Научная общественность страны внесла свой вклад в юбилейное празднование. Фактически в каждом регионе прошли значимые научные конференции.

В Вологодском государственном университете был разработан обстоятельный план юбилейных мероприятий. Важное место среди них заняла Всероссийская научная конференция «Великая Отечественная война: проблемы междисциплинарного осмысления», проведенная 23–25 апреля 2015 г. География участников конференции охватывала всю страну.

В ее подготовке и проведении приняли активное участие Правительство Вологодской области, Вологодский институт развития образования, Вологодское отделение Русского географического общества, Вологодское отделение Российского военно-исторического общества.

По замыслу организаторов конференция носила междисциплинарный характер, что позволяло надеяться услышать новое слово о войне. Характер представленных докладов и дискуссий при их обсуждении оправдали эти ожидания.

Атмосфера научной дискуссии была задана уже на пленарном заседании конференции, на котором прозвучали доклады с обобщением историографии темы войны, ее отражением в Историко-культурном стандарте. Были затронуты такие вопросы, как проблемы военного плена и интернирования, формирование ценностно-патриотических ориентаций молодежи, изучение фольклорного творчества периода войны.

В рамках секции «Актуальные проблемы Великой Отечественной и Второй Мировой войн. 1939–1945 гг.» дискутировались вопросы демографических последствий войны, анализировались открывшиеся недавно источники по истории партизанской борьбы с врагом, повседневная жизнь оккупированных территорий, роль информационных институтов в годы войны, проблемы войны в контексте региональных исторических дискурсов на постсоветском пространстве.

Секция «Осмысление войны: официальное, народное, художественное» была посвящена по-новому звучащему Слову о войне. Анализировалась поэзия, прошедшая проверку войной, народное творчество периода войны, эпистолярное наследие и мемуары. Участники секции постарались ответить на вопрос: «За что сражались наши деды, отцы и матери в ту войну?».

Секция «Изучение истории Великой Отечественной войны в образовательных организациях» была всецело посвящена опыту преподавания и освящения темы войны в образовательных организациях разного уровня. Озвученные доклады позволили обобщить методический опыт лучших преподавателей области, опирающихся в своем творчестве на новейшие достижения военной исторической науки.

Секция «Формирование у детей и молодежи гражданственности и патриотизма» была посвящена инновационным разработкам в сфере воспитания исторического сознания и патриотического мироощущения детей и молодежи. Обобщался опыт воспитателей, работающих в различных образовательных учреждениях, начиная от детских садов, заканчивая высшими учебными заведениями.

По решению РИС ВоГУ материалы конференции будут опубликованы отдельным сборником в январе 2016 г.

ОТЧЕТ О ВЫПОЛНЕНИИ РАБОТ ПО ГРАНТАМ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2015 ГОДУ

Программа грантовой поддержки молодых кандидатов и докторов наук, а также ведущих научных школ России фондом Президента Российской Федерации действует с 2002 года. Преподаватели и сотрудники нашего университета неоднократно становились победителями конкурсов на соискание этих грантов. Состоялись два проекта молодых докторов наук (2005–2006 и 2007–2008 гг. – Е.Н. Ильина / Шаброва) и семь проектов молодых кандидатов наук (2006–2007 гг. – Е.А. Суханова, Д.А. Черненко, 2007–2008 гг. – А.Ф. Коновалов, 2011–2012 гг. – С.А. Громыко, 2014–2015 – И.Е. Колесова, Н.А. Ястреб, 2015–2016 – Ю.Н. Драчева). В течение 2015 года в университете выполнялось три проекта, финансируемых по грантам Президента Российской Федерации. Далее представлены краткие отчеты о работе над каждым из этих проектов.

И.Е. Колесова
кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ

ПРОЦЕССЫ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДИВЕРГЕНЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА РУССКИХ ДИАЛЕКТОВ (проект МК 1544.2014.6)

Проект посвящен исследованию динамики развития лексической системы русских народных говоров, в частности явлению ***функционально-сематической дивергенции***. Это процесс развития в структуре исторического корневого гнезда фрагментов, соотносящихся с различными функциональными стратами языка, расхождения предметно-логического содержания отдельной лексемы, развития у нее разных значений в разных номинативных сферах функционирования, формирования в структуре исторического корневого гнезда лексико-семантических зон. Ключевым понятием нашего исследования стал термин ***лексическая когерентность***. Это свойство формально сходных, но семантически нетождественных слов, имеющих общее происхождение, существовать в различных языковых системах (отдельных языках, диалектах одного языка, в разных функциональных и номинативных сферах языка), взаимодействуя при пересечении этих систем. Впервые в отечественной науке были сформулированы принципы отграничения лексической когерентности от других процессов развития лексической системы: лексической и словообразовательной омонимии, лексической полисемии и др.

Основным достижением исследования стала разработка теории функционально-семантической дивергенции в диалектной системе русского языка. Были определены причины этого явления, охарактеризована специфика его репрезентации в диалектной системе: исследованы процессы параллельного словообразования, которые становятся одной из причин формирования этого явления, описаны модели, по которым происходит параллельное словообразование в вологодских говорах. По результатам работы разрабатываются рекомендации для лексикографического описания лексем, образующихся в результате дивергентных процессов.

Апробация результатов исследования состоялась в докладах на всероссийских и международных научных конференциях (Владимир, Вологда, Иваново, Новгород, Санкт-Петербург, Варна (Болгария)), в тематическом разделе коллективной монографии «Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим» (Вологда, 2015), в одиннадцати статьях, пять из которых были опубликованы в рецензируемых научных журналах рекомендованного списка ВАК при Минобрнауки.

Практическая значимость проекта проявилась в том, что его выводы и материалы были использованы при разработке учебных курсов современного русского языка (морфемика и словообразование), исторической грамматики и культуры речи для бакалавров филологического факультета, а также курса «Современные словари», читаемого руководителем проекта магистрантам профиля «Языковое образование». К работе над проектом привлекались студенты филологического факультета ВоГУ (магистрант А.И. Ланькова).

Работа руководителя проекта была высоко оценена руководством университета. Кандидат филологических наук И.Е. Колесова в 2015 году вошла в топ-лист рейтинга преподавателей ВоГУ. Научный совет вуза рекомендовал ее кандидатуру на конкурс «Лучший молодой ученый Вологодской области», а также ходатайствовал о поощрении И.Е. Колесовой почетной грамотой Департамента экономического развития Вологодской области.

В процессе выполнения исследования по гранту Президента Российской Федерации руководитель проекта И.Е. Колесова поступила в докторантуру Института лингвистических исследований РАН с целью завершения монографического описания явления функционально-семантической дивергенции лексического состава русских народных говоров. Защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык планируется на 2018 год.

Н.А. Ястреб
кандидат философских наук, доцент,
зав. кафедрой философии ВоГУ

ЧЕЛОВЕК В ТЕХНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ: КОНВЕРГЕНТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ГЛОБАЛЬНЫЕ СЕТИ, ИНТЕРНЕТ ВЕЩЕЙ (проект № МК-1739.2014.6)

Проект посвящен философско-методологическому анализу современных технологических проектов, составляющих ядро четвертой промышленной революции. К таким прорывным технологиям относятся: киберфизические системы, объединяющие в общей деятельности информационные технологии, контроллеры и физические процессы; Интернет вещей как система машинно-машинного взаимодействия посредством Интернета или других локальных или глобальных сетей; конвергенция нано-, био-, информационных и когнитивных технологий и др. Основная идея проекта состоит в опережающем анализе социальных трансформаций, изменении мировоззрения, деятельности, образа жизни современного человека, вызываемых технологическими инновациями. Впервые в России проведено системное философское исследование феномена промышленных революций, разграничены понятия промышленной и инструментальной революции, дан сравнительный анализ имеющихся периодизаций и выявлены отличительные признаки и социально-гуманитарные аспекты современной промышленной революции, связанной с разработкой киберфизических систем. Основными результатами проекта являются: введение и обоснование на примере ряда современных технологических проектов идеи антропологического поворота в современном техническом знании; описание стадий внедрения технологических инноваций; выявление онтологических и эпистемологических оснований киберфизических технологий и Интернета вещей; определение, классификация и анализ социальных технологий нового поколения, базирующихся на сервисах Web 2.0, а также высоких гуманитарных технологий, направленных на осознанное проектирование человека и общества.

В рамках проекта в 2014 и 2015 гг. проходила Всероссийская междисциплинарная научная конференция молодых ученых с одноименным названием, в которой приняли участие более 100 молодых философов, психологов, социологов, культурологов, программистов. Также основные результаты были апробированы на международных и всероссийских научных конференциях в Екатеринбурге, Томске, Самаре, Москве, Санкт-Петербурге, Вологде. По приглашению ведущих российских технологических корпораций участники проекта сделали ряд пленарных докладов на инновационных и промышленных форумах (АСОЛД 2014, Инноватика 2015). По итогам проекта опубликовано 25 научных работ, среди которых две статьи в зарубежных рецензируемых журналах, семь в изданиях, рекомендованных ВАК России, издана монография.

На основе проведенного исследования была разработана программа курсов повышения квалификации, по которой в 2015 году прошли обучение 15 работников администрации г. Вологды. Кроме того, результаты проекта включены в содержание курсов философии науки и техники и истории и философии науки для аспирантов ВоГУ, философии науки для магистрантов и студентов вуза, разработан авторский спецкурс.

В ходе выполнения проекта и по его итогам исполнители получили ряд научных и общественных наград. Н.А. Ястреб награждена дипломом 1 степени Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Искусственный интеллект: философия, методология, инновации», Благодарственным письмом Губернатора Вологодской области, заняла четвертое место в рейтинге преподавателей ВоГУ.

Ю.Н. Драчёва
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка,
журналистики и теории коммуникации ВоГУ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ: ВОЙНА СМЫСЛОВ И ОБРАЗ РЕГИОНА (проект МК 5977.2015.6)

Основную проблему проекта составило исследование способов языкового взаимодействия традиционной народной культуры и современной массовой культуры. Ключевым понятием работы стало понятие трансмиссии языка народной культуры. Это использование языковых средств традиционной народной культуры в функционально разнородных текстах, которые не относятся к области народной культуры по своим жанровым характеристикам и коммуникативным задачам, а представляют собой результат развития массовой культуры. Материалом для наблюдений послужили тексты, представляющие образ традиционной народной культуры Вологодского края, в различных дискурсах: туристическом, рекреационном, медийном и пр. Проект исследует средства и способы трансформации традиционных объектов и ценностей народной культуры. Одним из наиболее существенных результатов работы в 2015 году стало описание динамики образа региона в национальной языковой картине мира. Был выявлен и описан переход от временной (Великий Устюг как старинный православный русский город) и пространственной (Вологда как «ворота Русского Севера») фокусировки образа этих городов к коммерциализированной («Великий Устюг – родина Деда Мороза», «Вологда – туристическая столица Русского Севера», «Вологодская область – Душа Русского Севера» и др.).

Проблематика работы потребовала формирования достаточно большого исследовательского коллектива, в который вошли кандидат филологических наук Ю.Н. Драчёва (руководитель), кандидат филологических наук, доцент С.А. Громыко, аспирант С.А. Ганичева, магистрант М.И. Черняева. Разработка отдельных аспектов проекта определила участие в нем преподавателей Вологодского государственного университета (доктор филологических наук, профессор Е.Н. Ильина, кандидат филологических наук А.Б. Крылова), Череповецкого государственного университета (кандидат филологических наук Н.Г. Михова), а также студентов филологического факультета ВоГУ (Н.Н. Карачева (Зубова), Т.Г. Комиссарова и др.).

Результаты работы над проектом неоднократно обсуждались в рамках межкафедрального научно-методического семинара «Филология смотрит в будущее», действующего в Вологодском государственном университете с 2011 года. На заседаниях семинара рассматривались языковые репрезентации образов России, Вологды, Вологодской области, Великого Устюга и других культурно значимых объектов Русского Севера.

Апробация результатов исследования состоялась в коллективной монографии «Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим» (Вологда, 2015), в докладах на всероссийских и международных научных конференциях в России (Москва, Санкт-Петербург, Симферополь, Вологда) и за ее пределами (Беларусь, Испания, Польша). Участники проекта опубликовали 26 научных статей, в том числе 9 из них в рецензируемых научных журналах рекомендованного списка ВАК при Минобрнауки РФ.

Практические результаты работы над проектом использовались при разработке учебных курсов современного русского языка, культуры речи, истории российской и зарубежной журналистики, системы СМИ и др. на филологическом факультете Вологодского государственного университета, а также при подготовке руководителем проекта Ю.Н. Драчёвой регионально ориентированной программы обучения русскому языку как иностранному.

Работа исполнителей проекта имела в 2015 году значительное общественное признание. Аспирант С.А. Ганичева получила медаль РАН как лучший молодой ученый, а также премию Президента Российской Федерации за особые достижения в научной деятельности. Магистрант М.И. Черняева была отмечена дипломом за лучший доклад международного научного форума «Ломоносов-2015». Обеим участницам проекта в 2015–2016 году выплачивается стипендия Президента Российской Федерации. Руководитель проекта – кандидат филологических наук Ю.Н. Драчёва – в 2015 году вошла в топ-лист рейтинга преподавателей ВоГУ.

Работа по грантам Президента Российской Федерации продолжится в 2016 году. В этот период будет завершена работа по проекту под руководством Ю.Н. Драчёвой. На участие в конкурсе грантов 2016 года для молодых докторов наук подана заявка доктора филологических наук, профессора кафедры теории, истории культуры и этнологии ВоГУ Р.Л. Красильникова (специальность 10.01.01 – русская литература). В конкурсе грантов 2016 года для молодых кандидатов наук участвуют проекты кандидата филологических наук, доцента С.А. Громыко (специальность 10.02.01 – русский язык), кандидатов филологических наук А.С. Румянцевой и

А.Н. Цветковой (специальность 10.02.04 – германские языки), кандидата исторических наук Т.Л. Соколовой (специальность 07.00.02 – отечественная история). Результаты конкурса будут известны в феврале 2016 года и опубликованы на сайте Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых и по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации (https://grants.extech.ru/index.php?mlevel=1-0-0-0).

И.Е. Колесова, кандидат филологических наук,
начальник научного отдела Управления науки и инноваций ВоГУ

А.Г. Балакай
Кузбасская государственная педагогическая академия

РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: ЗОРИНА Л.Ю. ВОЛОГОДСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ. ВОЛОГДА, 2012

Двадцать лет назад мне посчастливилось (это самое точное слово) прочитать замечательную статью Л.Ю. Зориной «С малиновой речью…» (Русская речь, 1992, № 1). Свежий колоритный языковой материал, представленный автором, конечно же, сразу был включен в мою картотеку. С тех пор работы Л.Ю. Зориной старался не пропускать, хотя время и расстояния тому мало способствовали.

И вот теперь подготовлена к изданию монография Людмилы Юрьевны, в которой собраны, систематизированы и обобщены многолетние наблюдения автора над благопожеланиями в вологодской крестьянской речи. Это подлинное сокровище, которое невозможно переоценить, его нужно только запоминать, осмыслять и стараться к месту, бережно, искренне использовать (т.е. употреблять с пользой), расширяя и культивируя свое заросшее сорняками языковое поле благожелательности.

Если говорить о диалектическом взаимоотношении языка и культуры общества и личности, то речевому этикету нужно отвести особое место. Именно здесь с наибольшей очевидностью язык предстает не только как средство сохранения, выражения и формирования культуры, но и как ее неотъемлемая часть.

Мне понятна и близка печаль автора о языке уходящем, о том, что многие традиционные формулы приветливости, учтивости невостребованы или просто неизвестны современным носителям языка. Тем актуальнее сегодня монография, собравшая и тем самым сохранившая старые формы благопожелания. Память избирательна: в годы зрелости человеку свойственно вспоминать слова своих родителей, дедушек и бабушек. Было бы что вспоминать! Теперь уже не только студентки, собиравшие речевой этикет в диалектологических экспедициях, но и разновозрастные читатели книги обогатят свой пассивный и, надеюсь, активный словарный запас.

Только один перечень ситуативно-тематических групп дает представление о широте охвата материала, демонстрируемого в монографии (привожу в сокращении): Благопожелания при полевых работах, при огородных работах, при сенокошении; при доении коровы, при стрижке овцы; в ситуации забоя домашнего животного; при ткачестве, при кладке печи; при рыболовстве; при замешивании теста, при сбивании масла; при черпании воды из источника, при стирке и полоскании белья, при мытье избы; при чихании, зевании и икоте; в дороге и др.

Огромный многолетний исследовательский труд, давший замечательный результат, можно без преувеличения назвать ежедневным подвигом ученого, истоки которого, по духу и букве монографии, в «крестьянской закалке», в будничном, привычном, добросовестном отношении к труду (см. с. 19). При этом автор отдает себе отчет «в том, что в силу быстро меняющихся культурных и языковых ориентиров общества все многообразие прагматических ситуаций в крестьянской жизни, а также соответствующий им набор благопожеланий нам уже едва ли когда-нибудь удастся выявить» (с. 33). К сказанному можно было бы добавить, что речевой этикет сопровождает человека всю его земную жизнь, от ласкового маминого *агу* до последнего *прости*. Благопожелания звучат и в ситуации родин, крестин, свадьбы, застолья, в бане, на похоронах и при упоминании живых о покойном. Но надо быть справедливым: одному человеку поднять этот огромный пласт в одной книге вряд ли возможно.

Замечаний концептуального характера у меня нет. Наверное, можно было бы говорить не только об *оптативности,* но и *перформативности* благопожеланий (равнозначности их действию, поступку), *адресатности*; а также посоветовать автору сократить количество повторений отдельных примеров (это случается, как правило, когда в компьютерный набор попадают фрагменты ранее опубликованных работ), например: *Слава труду! Это вас трут..,* хотя сама по себе шутка в диалогическом единстве как ответ на благопожелание явление для русского речевого этикета характерное, что неоднократно отмечается Л.Ю. Зориной. Ср. также: *Около нее у растоптанных*

каменных валенок лежали впаянные в лед три невзрачные наважки <…>. «Клев на уду, Полюшка», – хрипло сказала Нюра Питерка застуженными губами <…>. «Хрен на блюде. Не стой надо мной, проходи стороной» (В. Личутин. Вдова Нюра).

Монография Л.Ю. Зориной – это работа, написанная талантливым лингвистом, тонко чувствующим эстетику народного слова. Научное издание имеет индивидуальный авторский стиль, привлекательный образ автора. Книга будет интересна и полезна языко ведам и фольклористам, этнографам и культурологам, философам, психологам, педагогам – каждому, кто любит свой народ и его язык.

С удовольствием рекомендую монографию Л.Ю. Зориной к печати.

Сожалею о мизерном тираже и надеюсь, что работа после опубликования будет выложена в свободный доступ в Интернете.

Труд на пользу, Людмила Юрьевна! *Труд на пользу!*

На правах рекламы

Л.А. Берсенёва
Вологодский государственный университет

«СЛУЖБА РУССКОГО ЯЗЫКА»: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Преподаватели и сотрудники Вологодского государственного университета в течение многих лет оказывают жителям области консультационную помощь в различных направлениях. Одно из них представляет «Служба русского языка», организованная по инициативе кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ.

Возникновение и развитие «Службы русского языка» во многом повторяет судьбу подобных организаций в других образовательных и научных центрах России. Более сорока лет преподаватели и сотрудники кафедры на общественных началах консультируют жителей региона по вопросам орфографии, пунктуации и культуры речи. По мнению одного из постоянных консультантов кандидата филологических наук, доцента Е.П. Андреевой, чаще всего граждан интересуют написание имен собственных, толкование значений и правописание иностранных слов, постановка знаков препинания в осложненных синтаксических конструкциях.

Создание «Службы русского языка» как самостоятельного структурного подразделения в рамках Центра филологических исследований Вологодского государственного педагогического университета состоялось в начале XXI века. Этому способствовала программа мероприятий Правительства Вологодской области, направленная на развитие и укрепление позиций русского языка в регионе. Инициатором взаимодействия кафедры с областным правительством стал доктор филологических наук, профессор Г.В. Судаков. Благодаря финансированию работы «Службы русского языка» из средств областного бюджета университет обновил фонд нормативных словарей и справочников, разнообразил формы консультационной помощи жителям области (устная консультация по телефону, письменная консультация специалиста, консультация в прямом эфире тематической радио- и телепередачи). Наиболее активную аудиторию лингвистических дискуссий составили преподаватели высших и средних учебных заведений, учащиеся и их родители.

Начиная с 2011 года «Служба русского языка» начала действовать на сайте университета. За это время состоялось более ста интернет-консультаций. Большинство вопросов поступило от преподавателей и сотрудников университета, а также от его студентов и выпускников. Приметами последнего десятилетия стали вопросы о динамике литературной нормы в области орфографии и пунктуации, толкования новейших заимствований (*гламур, креатив* и пр.), обсуждение лингвистических новаций интернет-общения (*олбанский язык*, *смайл-коммуникация* и пр.).

«Служба русского языка» Вологодского государственного университета благодарит жителей области за внимание к своей работе и приглашает к сотрудничеству. Задать вопрос консультанту-специалисту по русскому языку вы можете на сайте Вологодского государственного университета (http://www.vologda-uni.ru/resursy/spravochnaya-sluzhba-russkogo-yazyka), а также по телефону кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ (8-8172) 72-91-00.

В процессе подготовки к печати данного выпуска «Вестника Вологодского государственного университета» редакционная коллегия также получила консультационную помощь «Службы русского языка». Ниже приводятся ответы на поставленные нами вопросы. Консультацию дает кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ Ю.Н. Драчева.

Вопрос 1

Правомерно ли использование прилагательного ***пилотный*** в следующем контексте: «*Источниковые возможности балансов народного хозяйства в контексте изучения социально-экономической истории СССР (пилотное исследование)*»? Каково значение этого слова?

Ответ

Использование прилагательного ***пилотный*** в указанном контексте соответствует нормам лексической сочетаемости слов в русском языке. Данное прилагательное имеет значение «экспериментальный, пробный». Оно относится к книжной лексике русского языка: *пилотный номер газеты*, *пилотный выпуск* и пр. (см. «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998).

Вопрос 2

В сочетании «*надгробный камень генерал-майора С.С. Готовцева*» требует пояснения склонение имен существительных. А) Управление в каком падеже предполагает сочетание ***надгробный камень*** (*кому* / *кого*)? Б) Склоняется ли первая часть сложного существительного ***генерал-майор***?

Ответ

А) Выражение ***надгробный камень*** в значении «могильная плита, надгробный памятник» ни в одном из нормативных толковых словарей русского языка не указано в сочетаемости с формами род. (*кого*?) или дат. (*кому*?) падежей. «Национальный корпус русского языка» (Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru/) содержит примеры сочетаемости этого выражения с формами род.п.: «Тут и Святой ключ и *надгробный камень преподобного Фотина*» (П.И. Мельников-Печерский. На горах. Книга вторая (1875–1881)), «…найти *надгробный камень прадеда*» (Николай Климонтович. Далее – везде (2001)) и др. Примеры сочетаемости с существительными в дат. п. («надгробный камень *кому*») в корпусе не зафиксированы. Таким образом, прецеденты употребления выражения ***надгробный камень*** позволяют говорить о тенденции сочетаемости его с существительными в род.п. («надгробный камень *кого*»). Данная конструкция может быть заменена сочетанием «надгробный камень *на могиле кого*?», более корректной в синтаксическом отношении.

Б) Сложные слова, называющие военные звания (*генерал-майор*, *капитан-лейтенант* и пр.), относятся к числу существительных-композита с тесно слившимися частями, первая часть которых не склоняется (см. «Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию» Д.Э. Розенталя, Е.В. Джанджаковой, Н.П. Кабановой. М., 1999).

Вопрос 3

Следует ли выделять на письме запятыми слово ***соответственно***?

Ответ

Нормативные толковые словари русского языка (см. «Словарь русского языка» в 4 томах под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985–1988», «Толковый словарь современного русского языка» В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной. М., 2011 и др.) рассматривают слово ***соответственно*** как наречие в значениях «равным образом, в равной мере» (*если ты уедешь завтра, соответственно уеду и я*), «так, как следует; надлежащим образом» (*узнай решение и поступай соответственно*), как предлог (*поступай соответственно своим убеждениям*) и как утвердительную частицу (*Брат уезжает завтра, а ты? – Соответственно*). Ни в одном из этих случаев обособление слова *соответственно* на письме запятыми не требуется.

«Национальный корпус русского языка» (Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru/) и новейшие лексикографические источники (Словарь-справочник по пунктуации. М.: Справочно-информационный интернет-портал ГРАМОТА.РУ. В.В. Свинцов, В.М. Пахомов, И.В. Филатова. 2010) фиксируют тенденцию к употреблению слова ***соответственно*** в значении вводного слова (ср.: *следовательно*): *«Один выигрывал, а другой,* ***соответственно****, проигрывал, и это их беспокоило, потому что нарушало статистическое равновесие»* (А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу). Вместе с тем, переход слова ***соответственно*** в состав вводных слов еще не завершен.

ЮЛИЯ ИВАНОВНА ЧАЙКИНА
(1925–2015)

9 декабря 2015 г. ушла из жизни Ю.И. Чайкина, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Известный ученый, исследователь языка Русского Севера Ю.И. Чайкина была безгранично предана науке, родному языку. Сфера ее научных интересов была широка и разнообразна: историческая и региональная лексикология, лингвистическое источниковедение, история специальной лексики и ономастики, вопросы лингвогеографии, а также проблемы этногенеза, социальной истории и истории культуры Северной Руси, отраженные в слове. Заметное место в отечественной лексикографии занимают словари, созданные Ю.И. Чайкиной: «Географические названия Вологодской области», «Вологодские фамилии». Одним из любимых научных проектов профессора Ю.И. Чайкиной стал «Словарь промысловой лексики Русского Севера XV–XVII вв.», 3 заключительный выпуск которого вышел в этом году.

Ю.И. Чайкина родилась 12 марта 1925 года в городе Череповце Вологодской области. В 1946 году окончила Калининский педагогический институт. После окончания института была принята в ассистентуру при кафедре русского языка. Затем некоторое время работала в Таганрогском пединституте. Здесь под руководством С.А. Копорского ею была выполнена и защищена кандидатская диссертация «Специальная лексика в произведениях Д.Н. Мамина-Сибиряка».

В 1965 году она вернулась в Череповец, где написала и защитила докторскую диссертацию «Лексика Белозерья в историческом аспекте».

В 1976 году Ю.И. Чайкину приглашают заведовать кафедрой русского языка в Вологодский пединститут. Под ее руководством в Вологде проходили крупнейшие межвузовские конференции, собиравшие участников со всей России. Здесь была создана ее научная школа. Более двух десятков учеников профессора Ю.И. Чайкиной защитили кандидатские диссертации.

Профессор Ю.И. Чайкина – автор и соавтор более 100 печатных работ, среди которых научные и научно-популярные статьи, монографии, словари. Сегодня без обращения к публикациям Ю.И. Чайкиной невозможно ни одно серьезное исследование по истории русской специальной лексики, антропонимии и топонимии. Нельзя не отметить просветительскую деятельность Ю.И. Чайкиной, ее яркие работы, написанные для учителей и школьников.

В памяти коллег и учеников Юлия Ивановна Чайкина останется как прекрасный преподаватель, образец самоотверженного служения науке.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Балакай Анатолий Георгиевич
доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Кузбасской государственной педагогической академии
balakay_aq@mail.ru

Барышников Павел Николаевич
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры исторических, социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного лингвистического университета
pnbaryshnikov@pglu.ru

Безнин Михаил Алексеевич
доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории, зам. директора по научной работе педагогического института ВоГУ
beznin@uni-vologda.ac.ru

Берсенева Лилия Анатольевна
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации, зам. директора по учебно-воспитательной работе педагогического института ВоГУ
tiramisu@bk.ru

Бурсина Ольга Алексеевна
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка ВоГУ
olgasazanova@yandex.ru

Бурцев Владимир Анатольевич
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и документоведения Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина
ivburcev@yandex.ru

Димони Татьяна Михайловна
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории ВоГУ
dimonitm@yandex.ru

Драчева Юлия Николаевна
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ
yulia.dracheva@mail.ru

Дрянных Наталия Викторовна
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии ВоГУ
dryanih@yandex.ru

Заварзина Светлана Александровна
старший преподаватель кафедры английской филологии, аспирант кафедры западноевропейских языков и культур Пятигорского государственного лингвистического университета
szquaintquail@gmail.com

Ильина Елена Николаевна
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ
filfak@list.ru

Кевля Фаина Ильинична
доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогики ВоГУ
fkevlya@mail.ru

Колесова Ирина Евгеньевна
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации, начальник научного отдела Управления науки и инноваций ВоГУ
mika-vologda@mail.ru

Литвинникова Ольга Ивановна
доктор филологических наук, профессор (Каменец-Подольский, Украина)
litvoli@mail.ru

Малеева Елена Сергеевна
кандидат филологических наук, доцент, доктор, преподаватель Венского университета прикладных наук (Вена, Австрия)
elena.maleeva@fh-vie.ac.at

Никитин Олег Викторович
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания факультета русской филологии Историко-филологического института Московского государственного областного университета
olnikitin@yandex.ru

Никифоров Олег Юрьевич
начальник отдела информационно-коммуникационных технологий Вологодского государственного университета, аспирант кафедры философии ВоГУ
Sol_Hute_II@mail.ru

Оботуров Алексей Васильевич
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии ВоГУ
oboturov_a@mail.ru

Оботурова Галина Николаевна
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии ВоГУ
pror_innov@mail.ru

Огольцева Екатерина Васильевна
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета
tertiumcomp@mail.ru

Попов Иван Дмитриевич
кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и исторических дисциплин ВоГУ
idpopov@outlook.com

Розанов Юрий Владимирович
доктор филологических наук, профессор кафедры литературы ВоГУ
rosanov007@gmail.com

Розова Наталья Борисовна
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физики и методики преподавания физики ВоГУ
rozova-natali@mail.ru

Русен Томас
доктор, PhD, старший лектор славянских и албанского языков кафедры современных языков Уппсальского университета (Уппсала, Швеция)
info@moderna.uu.se

Саблин Василий Анатольевич
доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории и исторических дисциплин, декан исторического факультета ВоГУ
Sablin@inbox.ru

Тестов Владимир Афанасьевич
доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики и методики преподавания математики ВоГУ
kafagitom@vologda-uni.ru

Факторович Александр Львович
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций Кубанского государственного университета
af03@mail.ru

Фишер Наталья Львовна
кандидат филологических наук, доцент, преподаватель международной языковой школы OISE (Гейдельберг, Германия)
tascha5@yandex.ru

Чуглов Владимир Иванович
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ
kafrus@vologda-uni.ru

Шарфави Эмилия
кандидат филологических наук, старший преподаватель факультета менеджмента Братиславского университета им. Я.А. Коменского (Братислава, Словакия)
Emilia.Charfaoui@fm.uniba.sk

Якимова Елена Борисовна
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физики и методики преподавания физики ВоГУ
voro@inbox.ru

Ястреб Наталья Андреевна
кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии ВоГУ
nayastreb@mail.ru

Яцкевич Людмила Григорьевна
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ
vayatskevich@yandex.ru

Научное издание

ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Редактор – О.М. Ванчугова, оригинал-макет – С.В. Кудрявцев

Подписано в печать 28.12.2015. Формат 60 x 84/8.
Усл. п. л. 15,5. Тираж 100 экз. Заказ № .

160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15, ВоГУ
Отпечатано: ИП Киселев А.В.
160000, г. Вологда, Пошехонское шоссе, д. 18, корпус Н